

EX ORIENTE LUX

g

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

2 / 2014

25 апреля 2014 г. состоялся
юбилейный бенефис Заслуженной
артистки Украины, Народной
артистки Узбекистана
примадонны Ташкентского
Государственного театра
музыкальной комедии (оперетты)
З.И.Соловей.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

У памятника Навои

З.Соловей в роли Юлианы из оперетты «Сильва».

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Шухрат СИРОЖИДДИНОВ
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Саъдулло КУРОНОВ

Редактор
Рисолат ХАЙДАРОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

МИЛЫЙ ЧУЖЕСТРАНЕЦ*Драма*

БАБУР: Нам казалось, что сам божий перст направляет нас в Индостан. В этой стране всё великое! Народ великий! Земля великая! Реки великие! И каким надо быть истинно великим человеком, чтобы иметь право вершить судьбы такой страны и такого народа.

Алексей НАЗАРОВ**ANAMNESIS MORBI...
ANAMNESIS VITAE...***(Записки коллекционера)*

Я знал, что старики, прожившие жизнь вместе в любви и уважении, уходят практически вместе, животные без хозяина чахнут и умирают, растения вянут без любви, но чтобы произведения искусства, получив частицу души и любви мастера, уходили вместе с ним, я и представить не мог.

проза

Александр МАХНЕВ

литературоведение

Безналичная литература

Бумажные книги хороши как обстановка, в которой растут дети. Для «нового» человечка тактильность литературы не есть пустое место. Ощупь, цвет – это то, благодаря чему формируется личность. Опять же предел доступности... он как раз заставляет тщательнее выбирать, а «беспредел» вываливает на наши мозги кучу всякой ненужности...

переводы

Икром ОТАМУРОД

Ятица

Поэма

...На Земле не найдя покоя,
и в небе его не найдя,
беспокойство шумит:
ждет чего-то
из небытия!

проза

Марина БЕГЛОВА

МНОГОТОЧИЕ ОТСЧЕТА

Роман

Как только Лада окончательно убедила себя, что она по ошибке села не в тот автобус и зайцем едет неизвестно куда, она сделала то единственное, что пришло в ее бедную головушку... Как говорит ее лучший друг Марик Варшавский, лучше уж ужасный конец, чем ужас без конца!

ПОЭЗИЯ

Алексей ГВАРДИН

Мы не мешай непознанному появляться...

Млечный Путь, обмотав

вокруг шеи

мегасупергламурный шарф,

вне пределов иду, хороша,

Мрака старый князь

Света юный граф.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

- Александр Аристов. Межнациональное согласие – основа консолидации общества.5
«На волне творческого сотрудничества» (Интервью с послом Бангладеш Мосудом Маннаном).121

ПЕРЕВОДЫ

- Мухаммад Али. Амир Темури Великий. (Роман-эпопея, перевод с узбекского М.Али и С.Камиловой).8
Икром Отамурод. Птица. (Поэма, перевод с узбекского А.Суюндиковой).50

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Наим Каримов. Трагедия Иззата Султана
«Милый чужестранец».59
«Незабвенною в мире пребудь, красота!»
(Поэзия Рима Юсупова).123

ПОЭЗИЯ

- Алексей Гвардин. Ты не мешай непознанному появляться.35
Александр Каменский. Встречайте – это я.56
Николай Ильин. Уплыть в объятия твои.67

ПРОЗА

- Марина Бегова. Многообразие отсчета. (Роман).75
Алексей Назаров. Anamnesis morbi... anamnesis vitae...
(Записки коллекционера).91
Абдулхамид Абдувалиев. Ревнитель совершенстваю (Рассказ).127
Сайдамин Бакиев. Введение в научную дуракологию.40

ВЕНОК ПОЭТУ

- Андрей Слоним. Новая встреча с поэтом.70
Владимир Васильев. Пушкинский лицей поэзии.72
Стихи о Пушкине: Баходыр Ахмедов, Владимир Васильев,
Сухбат Афлатуни, Андрей Слоним, Олег Бордовский.73

НОВЫЕ ИМЕНА

- Ярослав Веров. Степная ромашка. (Рассказ).107
Игорь Рындин. Я люблю, чтобы слово карябало... (Стихи).117
Шухрат Акрамов. К вопросу о художественной
специфике научной фантастики.119

КАРАВАН ИСТОРИИ

- «Под сенью благодарной памяти...» Воспоминания о
С.И.Зинине. (Эней Давшан, Анна Шереметьева,
Нина Рогозинникова, Юрий Флыгин).42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Александр Махнев. Безналичная литература.134

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Инна Горлина. Пушкинские образы в балетном искусстве.138
Наталья Хашимова. Театр – это люди, судьбы... это жизнь.142

*На 2-ой странице обложки сцены из спектаклей
Ташкентского Государственного театра музыкальной
комедии. На 3-ей и 4-ой страницах обложки картины из
коллекции А.Назарова.*

Звезда Востока

2014 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Reg. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Хуршид Иброхимов

Подписано в печать 03.06.2014.
Формат 70х108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 1330 экз. Заказ 160-14

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи».

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением дисков и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

публицистика

Межнациональное согласие – основа консолидации общества

(К 20-летию русского культурного центра Узбекистана)

Одним из важнейших принципов, провозглашенных Конституцией Республики Узбекистан (статья 4) гласит: «Республика Узбекистан обеспечивает уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям наций и народностей, проживающих на ее территории». Сам факт наличия этого положения – ярчайшее свидетельство духовного единства многонационального народа Узбекистана, объединенного общими целями и задачами.

В укреплении дружественных отношений народов, населяющих Узбекистан, немаловажную роль играют общественные и культурные организации, в частности, Русский культурный центр Узбекистана, образованный в 1994 году и проводящий большую и важную работу в сфере взаимообогащения национальных культур, бережного сохранения русского языка и русской культуры, развития национальных и общечеловеческих духовных ценностей, укрепления межкультурного и межрелигиозного согласия.

Русское население, проживающее на гостеприимной узбекской земле, в соответствии с конституционными нормами, широко пользуется всеми возможностями, предоставляемыми государством для развития своего языка, культуры, литературы.

Но Русский культурный центр никогда не был организацией «только для русских». Устав РКЦ не содержит никаких ограничений членства по национальному признаку. И сегодня среди наших активистов, да и членов правления, можно увидеть и узбеков, и казахов, и татар, и азербайджанцев, и людей других национальностей, населяющих нашу страну.

Кто-то может сказать: «Но ведь в Узбекистане представлены культурные центры практически всех национальностей. Что же делают, например, азербайджанцы или татары в Русском центре?» Мы, признаюсь, тоже спрашивали об этом. А они отвечают, что им здесь интересно, да и нам хорошо с ними. Это свидетельство устойчивого интереса представителей разных национальных групп к русскому языку, культуре и искусству.

В свою очередь, и мы живо интересуемся жизнью других национальных центров. Проводим совместные мероприятия с азербайджанцами, белорусами, евреями, казахами, немцами, татарами, украинцами, сотрудничаем с Обществом дружбы «Узбекистан-Россия», Ташкентской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, с Государственным русским драматическим театром, Ташкентским Государственным театром музыкальной комедии (оперетты), ГАБТом им. Навои, Молодежным театром Узбекистана, с Ташкентской и Узбекстанской Епархией Среднеазиатского митрополичьего округа. В рамках такого сотрудничества стартовал международный проект «История и культура народов мира». В доме «Меҳрибонлик» № 21 были проведены мероприятия, знакомящие воспитанников дома «Меҳрибонлик» и гостей

Александр АРИСТОВ

Родился в 1962 г. Окончил факультет журналистики Ташкентского госуниверситета.

Профессионально занимался журналистикой. В настоящее время работает генеральным директором совместного узбекско-азербайджанско-российского предприятия «Kimyohimoyata'minot», с 2013 г. является Председателем правления Русского культурного центра Узбекистана.

с традициями и обычаями русского народа. В рамках проекта «Знаешь ли ты историю России?» организована выставка изделий народных умельцев и поделок. В сентябре прошло совместно организованное мероприятие, посвященное 630-летию Куликовской битвы, постоянно проводятся научные конференции, например, конференция, посвященная 20-летию установления дипломатических отношений Узбекистана с Россией «Российско-Узбекистанские связи в контексте многовековой ретроспективы». По материалам конференций издаются научные сборники.

По многим направлениям своей деятельности РКЦ наработал достаточно богатый опыт, сложились добрые прочные традиции. Не один год при РКЦ работают общественные творческие коллективы и объединения, кружки и секции по интересам: хоровая капелла «Ветеран», хор «Мелодия», творческое объединение «Соло», Ассоциация преподавателей истории и права, творческое объединение «Встреча с духовным наследием», кружок авторской песни «Орфей», Молодежный литературно-музыкальный салон, поэтический кружок «Данко», кружок «Литературно-духовное наследие», общественный музей Анны Ахматовой «Мангалочий дворик», творческие объединения: литературная гостиная «Серебряный век», кружок книголюбов «В мире прекрасного», кружок поэзии, театра и музыки имени В.В.Высоцкого, литературное объединение «Под крылом Пегаса» и др.

Русский культурный центр много лет подряд ежегодно проводит республиканские, городские конкурсы и фестивали. Стали традиционными республиканские фестивали «Играй, гармонь!», «Звени, золотая Русь!», «Узбекистан – наш общий дом», организованный Интерцентром, «Хоровой марафон», в котором на протяжении более чем полутора лет выступали коллективы территориальных подразделений РКЦ и хоры из разных краев республики.

Ко дню Независимости Республики Узбекистан, к Наврузу, ко Дню Конституции и другим государственным праздникам ежегодно организуются массовые праздничные мероприятия. Отмечаются и исконно русские праздники, памятные годовщины. Ежегодно организуется празднование Широкой Масленицы. Надо отметить, что во всех этих мероприятиях активное участие принимают не только представители русской диаспоры, но и другие национальные диаспоры, проживающие на узбекской земле.

В истекшем году организованы большие мероприятия, в числе которых встреча с ветеранами и участниками блокады Ленинграда, мероприятия, посвященные открытию Олимпиады, Дню театра, Международному дню сохранения родного языка с участием представителей 11 национальных центров. К дню Конституции Республики Узбекистан был приурочен республиканский вокальный фестиваль-конкурс «Романс XX столетия» с участием Народной артистки Узбекистана и Каракалпакстана Муяссар Раззаковой.

В рамках фестиваля «Узбекистан – наш общий дом» прошла республиканская научно-практическая конференция «Межнациональное и гражданское согласие – важный фактор обеспечения процветания народа», выставка «Узбекистан многонациональный», гала-концерт во дворце «Туркистон». Активно участвовало в организации заключительного этапа фестиваля молодежное подразделение РКЦ Узбекистана.

Наша молодежь заняла почетное первое место в конкурсе, организованном Посольством Польши в Узбекистане и Польским культурным центром, приняла участие в футбольном турнире команд национальных центров, организованном Армянским культурным центром.

Наше молодежное подразделение «Молодая смена» действует по принципу самоуправления. Здесь есть свои лидеры, руководители секторов – социального, информационного, художественного и пр. Деятельность подразделения направлена не только на сохранение и развитие духовных ценностей, языка, традиций, обычаев русского народа, но и укрепление межнациональных дружественных связей, воспитание у молодых людей приверженности идеям интернационализма и толерантности, уважительного отношения к обычаям и традициям других народов. Молодежь вместе со взрослыми, или собственными силами, организует различные мероприятия, оказывает помощь «взрослому» социальному сектору, готовит информационные материалы.

По своей инициативе они поставили замечательный «Танец дружбы». Он соткан из фрагментов народных танцев разных национальностей. От русской пляски – до лезгинки. И танцуют его в национальных костюмах. В нем задействовано много девушек и юношей, которые как бы говорят: «Да, мы очень разные, но мы всегда вместе, мы – одно целое!»

Глядя на нашу сегодняшнюю молодежь, умную, талантливую, дружную, воспитанную в духе интернационализма и толерантности, можно смело сказать, что в будущем мы передадим страну в надежные руки!

В этом году Русскому культурному центру Узбекистана исполняется 20 лет. А поскольку в составе РКЦ Узбекистана 23 территориальных подразделения, мы решили, что каждое из них должно показать себя и свои возможности.

С этой целью разработан проект, в соответствии с которым каждый территориальный центр по очереди в течение года проведет в Ташкенте презентацию. В какой форме – они решат сами. Кто-то организует выставку со стендами, рассказывающими об их работе, кто-то проведет концерт или покажет театрализованное представление. А кому-то захочется объединить все эти действия в «одном флаконе».

Отдельного разговора заслуживает проводимая ежегодно «Декада добрых дел», отражающая многовековую традицию нашего народа – оказание помощи нуждающимся, в числе которых многодетные и малообеспеченные семьи, одинокие престарелые люди, инвалиды детства и др. В эту работу вовлекаются как частные лица, так и различные организации, представители малого бизнеса. Все те, кто может и хочет реально помочь нуждающимся.

РКЦ Узбекистана принимает активное участие и в научной жизни республики. Ежегодно организует и проводит международные и республиканские научные конференции. Так, 18 октября 2013 года в Ташкенте состоялась научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения выдающихся русских исследователей Средней Азии. С докладами выступили 40 ведущих ученых. Инициатором проведения конференции стал Русский культурный центр Узбекистана при участии представителей Посольства Российской Федерации в Республике Узбекистан, Ташкентской и Узбекстанской Епархий. В ТГПУ имени Низами состоялись юбилейные Виноградовские чтения, 10 лет назад инициированные РКЦ и поддерживаемые научной общественностью.

В работе РКЦ можно выделить несколько основных аспектов: социальный сектор (руководитель Г.В.Холякко), просветительский (руководитель И.Ю.Панкратова), культурно-массовый (руководитель И.Н.Каченовская), информационный (руководитель А.В.Аристов), сектор методической и правовой помощи областным РКЦ (руководитель Ф.А.Шубина), административно-хозяйственную работу возглавляет Н.С.Файзулина, работу молодежи курирует Н.В.Никольская. Активно участвуют в организации работы секторов многие члены правления: О.Б.Шагараева, В.А.Киселева, А.М.Балабанова, Е.Шавердина и др.

РКЦ Узбекистана работает при постоянной поддержке Республиканского интернационального культурного центра. Интерцентр оказывает практическое и методическую помощь культурным центрам, ведет многоплановую работу по стимулированию и поощрению общественных инициатив, направленных на утверждение принципов толерантности, развитие национальных культур и укрепление межнациональных отношений.

Во многом благодаря активному участию Центра в общественной и культурной жизни республики, русская диаспора получила широкие возможности для самореализации, претворения в жизнь десятков проектов, направленных на укрепление межнационального согласия в стране, консолидацию общества, углубление процессов культурного диалога представителей всех наций и народностей, проживающих в Узбекистане.

переводы

Мухаммад АЛИ

Народный писатель Узбекистана. Поэт, прозаик, публицист, переводчик, автор более тридцати произведений. Председатель Союза писателей Узбекистана. Лауреат Государственной премии.

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

*Роман-эпопея**

Книга первая

Джахангир Мирза

ГЛАВА ЧЕТЫРНАЦАТАЯ

I

– Берегись! Посторонись! Освободи дорогу! Береги-и-ись!

У кешских ворот перед входом в Самарканд народу видимо-невидимо. Здесь собрались почти все влиятельные лица Самарканда и именитые люди из Ташкента, Ходжента, Дизака, Андижана, Ахсикента, Балха и других мест, приехавшие для участия в большом курултае, который состоится через семь дней. Все стоят по обе стороны дороги, словно густо посаженные тополя.

– Принести белую дорожку! – приказал один из высокопоставленных сановников Амир Акбуга найман.

Два молодых амира спешно расстелили белую шелковую материю в десять аршин длиною у городских ворот. Эта особая честь была оказана самым влиятельным амирам в салтанате – Амиру Шахмалику и Шайху Нуриддину.

Постелить белую дорожку для Сахибкирана предложил духовный отец Мир Сайид Барака.

– Сохибкиран Амир Темур впервые вступает в столицу как правитель государства. О, Аллах, пусть его восшествие будет счастливым и праведным! Пусть эта дорога будет светлой! Мечта султана – сделать великим свой народ, слава Аллаху, это самая благочестивая мечта!

Все с одобрением внимают словам шейха.

Грохот карнаев и сурнаев заглушает голоса людей. Повсюду шум, гвалт, суматоха. Сначала помогли спешиться духовному отцу Мир Сайиду Барака. Стремена белого аргамака Амира Темура поддерживают Амир Довуд дуглат, Амир Жаку барлас, Амир Сайфиддин некуз и Амир Муаяд арлат. Сахибкиран с достоинством, свойственным царственным особам, неспеша слез с лошади и торжественно произнес:

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Под звуки карнаев Амир Темур направился по белой дорожке к воротам... Как только Сохибкиран прошел дорожку, амиры и простой люд гурьбой с радостными криками набросились на нее. Каждый хотел получить хотя бы кусочек этой белой материи, куда ступила нога Сахибкирана.

Ликующая толпа приближалась к площади Чорсу. Вдруг, откуда ни возьмись, появился красивый белый аист и устроился прямо на самой макушке минарета. Это было хорошим знаком. А стая шебечущих птиц, словно почетные гости, хлопота, искала себе место поудобней: то садилась на крышу Со-

* Продолжение. Начало см. в №3 журнала за 2013 г.

борной мечети, то летела в сторону караван-сарая, то вновь возвращалась к площади.

Амир Темур вступил в город Самарканд...

Его детство практически прошло в этом древнем городе, он частенько приезжал сюда с отцом Амиром Тарагаем... В отроческие и юношеские годы Темурбек принимал участие в козлодрании, в борьбе кураш и других состязаниях, проводимых в Конигиле. Завоевать победу или какой-нибудь приз было пустячным делом для молодого амира из Кеше. Он знал Самарканд как свои пять пальцев. Бывало, если вдруг заскучает или загрустит, тут же с Маматом отправлялся сюда. Гуляя по Самарканду, по его узким улочкам и многолюдным базарам, он будто постигал бескрайность и необъятность мира. В своих детских и юношеских грезах он мечтал завоевать этот огромный мир и сделать Самарканд столицей своего государства...

Самарканд – один из прекраснейших городов пятого икlima¹, расположенный в центре Турана. Еще учась в медресе Кеше, Темурбек прочитал в одной из книг, что, когда халиф Маьмун спросил о Самаркандском вилояте, ему ответили: «Самарканд похож на белый дворец. Его река лазурна, словно покрывало небесного чертога, а поля совершенны, как небесные светила...». Амир Темур считал, что это очень верная характеристика. В самом деле, это райское место: поля плодородны, сады сказочно-прекрасны, вода прохладна и чиста, воздух девственно свеж. Осенью город окутывает живительная прохлада. Зимой морозно и снежно, иногда толщина снега достигает три карича². Летом умеренный климат, а весна божественно великолепна! Почва словно из райских куш, хлебоносит без усталости! А фрукты-ы-и! Амир Темур частенько приговаривал: «У этого города есть свой ангел-хранитель!» и всем сердцем радовался и гордился величием и красотой любимого Самарканда...

Но сегодня, когда он ступил на самаркандскую землю султаном государства, Самарканд не показался Сахибкирану таким привлекательным, представился обычным маленьким городишкой. Улицы узенькие, нет величия и монументальности, свойственной великим городам. В центре должна быть большая широкая улица. А в Самарканде ее нет, только площадь Чорсу и примыкающие к ней маленькие улочки... Мало роскошных зданий, которые могли бы украсить город. Только Соборная мечеть, караван-сарай, медресе Садр Сулеймана, Старая Арка... Арка нуждается в полной реставрации. А медресе следует выстроить заново. В Самарканде нет крепости, старую разрушили во время нашествия Чингисхана. Пронизывающий ветер со всех сторон беспрепятственно гуляет по городу... Все это огорчало Амира Темура, но он никому ничего не сказал.

В Кеше во время распределения должностей зять Амира Темура Амир Довуд дуглат получил чин амира и управляющего канцелярией. Сахибкиран назначил его еще и градоначальником Самарканда, в столице нужно многое сделать, перестроить, и руководить этим должен свой энергичный человек. Это по силам только Амиру Довуду дуглату.

Приезд Сахибкирана в Самарканде восприняли благосклонно. В свои права вступило лето, лучшая пора года. Солнце, прогуливаясь по небосклону, выбрало, наконец, удобное место на ярко-голубом куполе. Царский обоз во главе с Амиром Довуд дуглатом через улицу Бозоркуча направился к площади Чорсу. Все это было в четверг.

В пятницу в Соборной мечети была прочитана ежепятничная молитва хутба, громкоголосый хатиб произнес речь в честь Аллаха, Мухаммада пророка, благословенных Суюратмишхана, Сахибкирана Амира Темура Кургаана, укрепляя веру присутствующих праведных мусульман.

II

Амир Темур остановился в большом и просторном доме своей старшей сестры Кутлуг Туркан ока, находящемся недалеко от Арка. Миндалеокая и обаятельная Кутлуг Туркан ока, круглым овалом лица больше походившая на отца, была вне себя от радости. Она начала готовиться к встрече славного амира, когда Сахибкиран был еще в Балхе. Слава Аллаху, настал этот день! Амир Довуд дуглат, с позволения Сахибкирана, отправился в Самарканд, когда царский обоз был еще в Кеше.

В былые смутные времена Темурбек частенько тайком пробирался в этот дом, находя здесь приют. Когда заходила речь о Самарканде, Темурбек, в первую очередь, представлял себе этот добрый дом любимой сестры, здесь он испытывал покой и умиротворение. Коренастый, крепкий, басовитый Амир Довуд дуглат всегда был рад приезду Темурбека.

Темурбек любил это место. Сколько часов он провел здесь на супе под ивами, глядя на прозрачную воду и мечтая о будущем... Сестра и зять, зная, что Сахибкиран придет в самую жару, специально установили над водоемом прекрасное резное сури³ для отдыха.

С правой стороны двора из открытого айвана струилась сладостная мелодия.

– Милости просим, учитель! – пригласил Амир Темур духовного наставника Мир Сайда Бараку.

¹ Иклим (арабск.) – пояс. В научный обиход вошел Мухаммад ал-Хорезми, согласно его теории – земля делилась на семь поясов, стран.

² Карич – мера длины, равная примерно двадцати сантиметрам.

³ Сури – высокий настил из досок на четырех столбах.

Мир Сайид Барака, поблагодарив Сахибкирана за учтивость, воздержался первым подняться на сури и, приложив руки к груди, любезно ответил:

– Сначала Вы! Мы согласны! Мы благодарим вас! Просим вас, Амир Сахибкиран! Пожалуйта, сами!

Один за другим взобрались на сури государственные сановники. На скатерти появились разнообразные летние яства.

После переезда столицы государства в Самарканд настроение Амира Темура вроде не изменилось, но чувствовалось, что он о чем-то напряженно думает. Может, на него произвел впечатление облик города, может, бедственное положение народа... «Амир Сахибкиран устал, – подумал Мир Сайид Барака, – легко ли носить груз целого салтаната, судьба государства в его руках! Конечно, любой человек волей-неволей будет предаваться всяким думам и помыслам!».

Духовный отец оказался близок к истине. Правда, Амир Темур немного устал... Сейчас он был похож на путешественника, преодолевшего высокую гору и с высоты радостно оглядывающегося назад... И этот путешественник, гордый тем, что покорил самую большую высоту и достиг цели, важно окинул взглядом окрестности и... вдруг, видит, что завоеванная высота, высокая цель, к которой он стремился долгие-долгие годы, оказалась всего лишь маленьким холмиком, впереди же более величественные горы... Его охватывает двоякое чувство: радость победы и горькая досада. Он понимает, что для покорения будущих высот понадобится огромный труд... Амиры и бахадуры, довольные приездом в столицу, не ведают, что мучает Сахибкирана, сидят, радостно опьяненные триумфом.

Принесли плов с желтым имбирем.

– Хотя мы уже и сыты, но для царя всех блюд всегда найдется место! – пошутил духовный наставник. – Мы... начали! Амир Сахибкиран, пожалуйста!

Амир Темур протянул руку к красивому фарфоровому ягану с пловом... Вслед за ним ароматный плов с аппетитом принялись поглощать и амиры.

– Мои славные амиры! – обратился, вдруг, Амир Темур, когда плов был съеден, а посуда убрана. – Мы дети Туранской земли! Когда Чингисхан распределял землю своим детям, наш край он предпочел отдать своему второму сыну Чагатаю. Пусть будет известно всему миру, что мы настоящие хозяева земли чагатайской и никому не уступим ни пяди родной земли! И Андижан, и Термез, и Ташкент, и Хорезм, и Джета – части земли чагатайской. И это наша Родина! Нам не нужно чужого края. Нам достаточно своего, своей райской земли! Наша Родина была разбита на кусочки, словно фарфоровая посуда! Чагатайский край и нынче раздроблен...

Сохибкиран говорил не торопясь, властным и сильным голосом, завораживающим волшебной силой.

– Сие есть истина... – подтвердил духовный наставник Мир Сайид Барака.

Хотя солнце было в зените, под деревьями у сури было прохладно. Амиры и бахадурысторожились: Сахибкиран, хранивший молчание до сих пор, вдруг заговорил. Суюргатмишхан посмотрел на Амира Сайфиддина некуза, а тот, по привычке едва слышно кашлянув, глянул на сидевшего напротив Амира Жаку барласа, тот – на Амира Муайяда арлата...

Амир Темур продолжал:

– Хорезм находится в руках конгратца Тангадоа, а Джета под амирами-упрямцами Камариддином и Анка Тура. Они самовольно захватили все соседние территории, возмнили себя сильными мира сего... В нашу голову, волею Аллаха, пришла идея... великая, в интересах страны и нации, нам нужно восстановить целостность нашего края, склеить разбитую посуду. Аллах дает нам, своим любимым рабам, благоприятную возможность, и упустить ее – страшное преступление! Аллах посылает возможность возродить государство Туран, и возрождать его необходимо сейчас, в настоящее время...

Сановники пытались постичь смысл слов Сахибкирана. «Удачу посылает Аллах, чтоб возродить государство Туран!» – прошептал про себя Амир Довуд дуглат. Амир Сайфиддин некуз на мгновение представил себе землю Туран без междоусобиц, вражды, где царит спокойная, свободная, счастливая жизнь.

Амир Темур продолжал:

– Большое сплоченное государство – это результат гигантского мучительного труда. Но мы должны поправить свой дом! Здание салтаната, который намерен осчастливить другие народы, должно быть прочным и надежным. Весть о величии Самарканда, столицы нашего государства, должна облететь все большие и малые страны на Земле! Пусть в столице будут возведены величественные здания и расписанные золотом дворцы!

– Дай Бог! Да будут возведены! – прозвучали слова поддержки.

– Да проявит свою милость справедливый наш Творец! – перебирая четки, выразил надежду Мир Сайид Барака. – Ибо нет ничего благороднее, чем воздвигать города, создавать новое. Поскольку сам Аллах есть Творец, Создатель. Нельзя не признать божественной силы сотворения мира! Хвала Аллаху, Господу миров!

– Вы правы, мой учитель! Верно говорите! – поддержал духовного отца Амир Сайфидин некуз.

Амир Темур стал кого-то искать глазами. Каждый из амиров надеялся, что он ищет именно его. Духовный наставник Мир Сайид Барака тоже надеялся на это. Но светлейший взгляд упал на амира, сидевшего чуть ниже остальных амиров.

– Амир Акбуга найман!

Насторожившийся Амир Акбуга найман резко встал с места и, сложив руки на груди, откликнулся:

– Я к вашим услугам, Ваше величество Сахибкиран!

– Вы примете непосредственное участие в благоустройстве нашей несравненной столицы! Все расходы возьмет на себя казна! Вы, господин амир, будете отвечать за них.

– К вашим услугам, Ваше высочество! Весьма благодарен за такую честь!

Амир Темур приказал Амиру Довуду дуглату не взимать в течение года налоги с лиц, которые строят себе дом. Затем, повернувшись к Мухаммаду Чураге додхаху, сказал:

– Мамат!

– Слушаю вас, Амир Сахибкиран! – Мухаммад Чурага додхах встал с места и скрестил руки на груди.

– Все ли амиры успели приехать на курултай?

– Амиры всех уголков нашей необъятной страны с нетерпением ждут вас, Ваше величество...

Амир Темур заметил, что Мухаммад Чурага додхах хочет еще что-то сказать, но, испытывая неловкость, не решается:

– Что еще, Мамат? Есть ли какие вести от Амира Мусы?

– Аббас бахадур давно поехал к нему... Может быть, еще не нашел господина Амира Мусу. Бог милостив, говорят. Если найдет, они непременно придут. Только...

– Что?..

– Только нет пока вестей от хакима Шибиргана Зиндачашма опарди.

– Добрые советы и увещевания помогают человеку достичь мудрости... – глядя на Амира Улжайту, проговорил Амир Темур. – Говорят, хорошие слова даже змею возвращают в свою нору... Пойдите и попробуйте воззвать к совести вашего соплеменника, пожурите, пристыдите! Пусть придет и займет свое достойное место среди отважных на поле доверия, чести и убеждения. Негоже ему оставаться в стороне.

– Если позволите, Ваше величество... – более уверенно сказал Амир Улжайту опарди. – Это дело поручим моему сыну Ходже Юсуфу... Прежде всего, они с Зиндачашмом ровесники, поэтому жесткий разговор никого из них не оскорбит...

В тот же день Ходжа Юсуф поехал в Шибирган усовещать Зиндачашма опарди.

Амир Темур ждал также вестей от Алуфа тавачи и от гонца, тайно посланного в Джету.

III

В ичкари, как и во дворе дома граданачальника Самарканда, было многолюдно. Кутлуг Туркан ока в халате из бекасама¹, надетого поверх небесно-голубого платья, и алом платке без устали суетится во дворе. Наверное, уважаемый читатель хорошо представляет, как довольна дорогая сестрица... Она была на седьмом небе от счастья, гордая успехом Темурбека. Ее единственный брат достиг цели, удостоен высокого сана, он – правитель салтаната!

Кутлуг Туркан ока со всей ответственностью подошла к организации достойной встречи жен Амира Темура. Она была очень рада тому, что ее младший брат женился на Сараймулькханум. Эта женщина давно нравилась Кутлуг Туркан оке своей благовоспитанностью, хорошими манерами, миловидностью и статностью. Но она никогда не думала, что эта красавица когда-нибудь станет супругой ее брата Темурбека. Это судьба. Великие правители должны иметь прекрасных жен. Сараймулькханум достойная пара для Темурбека. А Темурбек отныне кураган династии Чингисхана, да, зять династии Чингисхана! О-го-го!.. Сколько она перенесла унижений, ее сердце обливалось кровью из-за упреков, что ее брат не из ханского рода. Теперь завистники и злопыхатели такое сказать не посмеют! Темурбек, хоть и не ханских кровей, но зять хана! А зятям даже сам пророк оказывал почтение!..

Приветствуя Сараймулькханум, одетую в белоснежный наряд и светившуюся от счастья, она подумала: «Действительно, стригунок лучше жеребеночка, а молодая женщина лучше девушки!» Рядом с ней шла шукурчи² с большим зонтом в руках. То ли от солнца, то ли от волнения нежное лицо невестки покраснело, необыкновенно прекрасные рубиновые губы слегка поджаты, черная родинка на левой щеке удивленно озирается, интересуясь происходящим.

¹ Бекасам – сорт кустарной шелковой ткани.

² Шукурчи – служанка, которая специально носит зонт от солнца.

– Ассалому алейкум, моя родная и добрая сестра! – быстро поклонилась Сараймулханум и бросилась в объятия Кутлуг Туркан оки.

– Слава Аллаху! Слава Аллаху! – приговаривала та, не выпуская из объятий любимую невестку...

Во время приветствий появилась молодежь: Сулайманшах, Джахангир Мирза, Умаршайх Мирза и двадцатилетний Джаханшах ибн Жаку. Взрослые не заметили их прихода, воспользовавшись этим, молодые люди решили прогуляться по улице Арк.

– Да будет благословенен престол мира благодетельного Сахибкирана, – поздравил Сулайманшах Джахангира Мирзу и Умаршайха Мирзу.

– Да будет благословенен! – присоединился к поздравлению Джаханшах ибн Жаку.

Джахангир Мирза в знак благодарности сложил руки на груди. Молодые люди давно не виделись и спешили пообщаться. У них, в отличие от их отцов, были совершенно другие радости, увлечения, секреты. О чем же отроки беседуют? В первую очередь, конечно, о любви и возлюбленных. Ну, а потом уже и о другом. Джахангиру Мирзе не терпелось рассказать Сулайманшаху и Джаханшаху о своей тайне, о Хорезме, о своих чувствах и поскорее узнать мнение друзей. Но, смущаясь младшего брата Умаршайха Мирзу, стоявшего рядом, он оставил разговор на потом. Широкоплечий, с низким голосом, Сулайманшах и резковатый с оринином носом и острым подбородком Джаханшах, заметив настроение принца, переглянулись. На это обратил внимание грубоватый по натуре Умаршайх Мирза. Сколько раз кузены скрывали от него свои секреты, считая его еще маленьким. Вот и сейчас, он обиженно надул губы, почувствовав, что ему до сих пор не доверяют.

Кутлуг Туркан ока, обеспокоенная тем, что ее любимый-принц долго не появляется, посмотрела в сторону ворот и, увидев молодого амирзоду¹ с друзьями, вздохнула с облегчением. Вот – будущее государства Темурбека! Джахангир Мирза! Любимый сын, жемчужина короны салтаната, основа здания царства, цветок сада успеха! Прекрасный плод благородного Темурбека и прелестницы Турмуш ока, двух достойнейших людей. Кутлуг Туркан ока внимательно посмотрела на гладкое лицо Джахангира Мирзы, вгляделась в горящие глаза племянника и увидела едва заметную печаль. Что с ним? Может, тоскует по покойной матери, достопопеченной Турмиш оке? Турмиш ока – мать Джахангира Мирзы и Ока беги ханум – слишком рано покинула сей мир. Может, истосковался по материнской ласке?..

Джахангир Мирза, поприветствовав ее, не отошел, а продолжал нежно лнуть к своей бабушке², в глазах стояла мольба, он хотел ей о чем-то рассказать. Кутлуг Туркан ока насторожилась.

– Мой принц, здоровы ли вы?... – спросила она.

Джахангир Мирза улыбнулся:

– Слава Аллаху! Здо...ров... Да, я здоров... бабушка...

Он, словно соскучившийся по матери жеребенок, нежно обнял ее и взволнованно начал шептать ей что-то на ухо. Они долго перешептывались. Кутлуг Туркан ока сначала ничего не понимала, но постепенно ее красивое лицо стало расплываться в улыбке, и она одобряла заговорщицу.

– Ах, ты мой золотой! Я готова на все для вас! Родненький мой! Милый ты мой!.. Так-так, в Хорезме... В Хорезме ... Ханзада ханум... Помню, помню... Мне так нравится сватать невест издалека!

Джахангир Мирза, красный, как кумач, сначала сильно конфузился, его глаза смущенно горели, но постепенно лицо озарялось улыбкой.

Кутлуг Туркан ока поняла: решение сего деликатного вопроса Джахангир Мирза возлагает на бабушку, пользующуюся большим авторитетом и влиянием. Принц намекнул, что она должна продумать, как сказать об этом его венценосному отцу. Да, бабушка придумает как... обязательно придумает. По правде говоря, бабушка уже предприняла кое-какие меры. Даже посоветовалась с Сахибкираном. Амир Темур, услышав все, не возразил, только усмехнулся. Кутлуг Туркан ока хорошо знала, что Сахибкиран весьма разборчив, когда дело касается воспитания, образования и устройства судьбы детей, особенно их женитьбы... «Кровь должна быть чистой», – откровенно говорил Амир Темур. Значит, новость по душе Сахибкирану.

Припомнив все это, Кутлуг Туркан ока любезно поприветствовала молодых людей:

– Добро пожаловать! Добро пожаловать!..

Потом, начиная с Джахангира Мирзы, каждого из возмужавших юношей радостно поцеловала в лоб и похлопала по плечу.

– Сулайманшах! – обратилась она к сыну. – Специально для вас приготовлено место... вон там, на нарядном айване. Идите туда! Общайтесь и веселитесь!

Во дворе звучали нежные звуки мелодии «Уззол».

Чуть вдали, в тени деревьев, почтительно склонив голову, ожидая Кутлуг Туркан оку,

¹ Амирзоды – сын амира, наследник.

² Иногда старшую сестру отца называют бабушка.

стояла вторая жена Амира Темура Улус ока, двадцатипятилетняя дочь Амира Баена сулдуз, с большими, как у козули, глазами с нежной поволокой, ростом чуть ниже Сараймулькханум, одетая в желтый шелковый наряд. Позади в пяти шагах от нее ожидали прекрасные, как пери, разнаряженные невольницы: Тулун ока – мать принца Умаршайха Мирзы, Менгли бика – мать принца Мираншаха Мирзы и Тогай Туркан ока. Они, приветливо улыбаясь, наблюдали, как почтенная сестра приветствует старшую ханум.

– Милости просим! Добро пожаловать к нам! – пригласила в дом счастливая сестра Темурбека.

Женщины направились в просторную комнату ичкари, на пороге которой был постелен паяндоз¹. Следом за Сараймулькханум бесшумно ступали Улус ока и невольницы.

– Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! – Сараймулькханум грациозно шагнула на паяндоз, слегка приподняв подол белого платья.

Хозяйка дома пригласила дорогих гостей в комнату. Комната, устланная коврами с пылающими цветами на них, просторна и великолепна. Гостиная больше похожа на уютное гнездышко молодоженов: ниши украшали золотая посуда, блюда и пиалы из фарфора, дорогие иракские ковшины. Гости расположились вокруг празднично накрытого дастархана². Хозяйка прочитала приветственную молитву.

– Поздравляю вас всех с новым статусом царских жен, милые мои невестки! – сказала Кутлуг Туркан ока, сложив руки на груди.

Женщины, встав со своих мест, почтительно склонили головы перед уважаемой сестрой:

– И вас поздравляем, Ваша Светлость!

– Дай, Бог, вам счастья! Садитесь!

Стол с яствами соблазнял и притягивал. Разломаны лепешки. Задушевные звуки «Дилхираж» заполнили весь дом, пробуждая радость, нежность и доброту в сердцах...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

I

Заверив Аббаса бахадура, что рано утром они двинутся в путь, Амир Муса той же ночью, собрав свой скарб, скрылся и к концу месяца джауза³, преодолев Амударью и пустыню, добрался до Шибиргана. По правде говоря, хотя Туранский край и был необъятным, но Амир Муса мог найти пристанище лишь в Шибиргане, единственным человеком, которому он мог довериться, был Зиндачашм опарди. Ведь его и в Янгкенте разыскали...

Первая новость, которую узнал Амир Муса в Шибиргане, это известие о приглашении Зиндачашма опарди на курултай в Самарканд. Это было месяц тому назад. Посол Амир Темура был встречен со всеми почестями, в Арке был устроен небольшой пир.

– Времени мало, – подчеркнул посол во время торжественного ужина. – Его величество Сахибкиран, прежде всего, осведомляется о здоровье хакима Шибиргана Зиндачашма опарди, а затем велит пригласить вас, господин, на большой курултай...

– Указ Его величества Сахибкирана для нас, как пушенная стрела!.. – сказал тогда Зиндачашм опарди. – Он не случайно интересуется моим самочувствием, действительно, мое здоровье пошатнулось, что-то у меня и нога побаливает, и спина не сгибается. Но раз приглашают... Я готов и жизнь свою отдать... Подпоясавшись саваном,⁴ с саблей наперевес, я приеду вслед за вами! Буду участвовать в курултае!..

Хаким Шибиргана очень обрадовался неожиданному визиту старого друга. Он тоже хотел узнать, где находится Амир Муса, даже думал послать за ним гонца, со дня их последней встречи уже год минул.

– Вы узнали того посла, палван, кто это был? – спросил Амир Муса, с детства знавший Зиндачашма. Когда Амир Муса приезжал к своему другу Мухаммаду Ходже опарди, тот частенько подзывал к себе кругленького мальчугана небольшого роста и всегда баловал, называя его любя: «Палван!» И Зиндачашм, и Амир Муса к этому привыкли, но сейчас, когда называют низкорослого хакима Шибиргана «палван», люди начинают усмехаться.

Бойко говорящему Зиндачашму опарди сама лиса уступала в плутовстве и хитрости. Это Амир Муса знал хорошо. Крепкий, мускулистый, глаза как шелки, потому и трудно по ним что-либо угадать. Он сам не знал, на что надеялся, когда вступил в противостояние с таким могущественным правителем, как Амир Темур, но такой «смелостью» гордился. Шутка ли, поставить себя на один уровень с Амиром Темуром! В глубине души он понимал, чем кончится непослушание, но был не в состоянии с собой что-то поделать.

¹ Паяндоз – белая ткань, стелется, когда новая невестка впервые переступает порог дома.

² Дастархан – стол с яствами.

³ Джауза – название третьего месяца солнечного года, соответствующего периоду с 22 мая по 21 июня

⁴ Воины – мусульмане брали с собой в поход саван (подпоясывались или наматывали на голову в виде чалмы), чтобы смерть не застала врасплох, и чтобы мусульманина похоронили по обычаю.

Действительно, почему он, Зиндачашм опарди, каким вилаята Шибириган, имеющего в своем подчинении свыше семидесяти кишлаков, должен кому-то подчиняться? Нет уж! Пусть другие ему подчиняются, пусть другие склоняют перед ним голову. Действительно, почему им должны помыкать, почему он должен нацепить на уши, словно сережки, чьи-то притязания, оскорбления, угрозы? Нет, это не для него! Он сам замыслил постепенное подчинить себе всех: сначала Балх, потом Дарагез, Дерзб, Жузжан, Анхой. И захватит их! Даст Бог!..

– Нет, не узнал, дядя. Емлет сорок. То ли могла...

– Напрасно вы отпустили его! Надо было заточить в темницу, чтоб он сгинул там! Поняли... Не нужно кланяться всякому. И не надо бояться, – пристально глядя из окна гостинной в зеленый сад и взвешивая каждое слово, сказал Амир Муса.

– Вы как-то странно выразились, дядя?..

Узкие глаза Зиндачашма опарди еще больше сузились и впились в Амира Мусу, облокотившегося на пуховую подушку.

– Вы сказали не надо бояться... А скажите-ка... Если амиров, приехавших от Амира Темура, сначала угостить, оказать всяческие почести, а потом на обратном пути зарезать как баранов, отправить на тот свет... Скажите, это называется бояться? А?...

Амир Муса промолчал.

– В Балхе Амира Темура возвеличивали, называя то Абульмансуром Сахибкираном, то Абульмузаффаром Сахибкираном, посадили на белый войлок... Все суетились, стремились схватиться за краешек войлока. Все – и собака, и гуляка. Я намеренно не подошел... Я...

– Ну?.. Неужто?.. – удивленно воскликнул Амир Муса, от чего его выпуклые глаза стали еще больше. – Во время коронавания вы так поступили? О-о! Настоящий палван! Поняли!..

– ...Я считаю, что Темурбек не достоин такой чести! Вы об этом и раньше знали. Так... Называется ли это трусостью? Можно ли это назвать повинованием? А?.. Что скажете?.. Можно назвать?..

Амир Муса уставился на реденькую рыжую бородку Зиндачашма опарди, похожую на высохшую на солнце травку. Он начал этот разговор, чтобы проверить Зиндачашма опарди, а тот не на шутку разбушевался. Он, оказывается, еще больший враг Сахибкирану, чем Амир Муса предполагал! «Хорошо... – обрадовался он. – Но этого мало. Надо почаще его натравливать на Амира Темура, чтобы при его имени он не находил себе места от злости!»

– Пригласил в прекрасный Самарканд, на курултай... – насмешливо продолжал Зиндачашм опарди. – Думал, что я все брошу и прибегу к его ногам. И не подумаю! Шага не ступлю! Недавно Амир Темур специально прислал своего гонца...

– Еще раз? Ох, никак не хочет оставить вас в покое, палван! Ну? И кто же это?

– Холжа Юсуф бахадур...

– Вот оно что?! Это же ваш родственник! Наверно, отправил, чтобы тот наставил вас на путь истинный...

– Да-а-а-а... – расплылся в улыбке хахим Шибиригана. – Его величество Сахибкиран думал, что Зиндачашм опарди, взяв руки в ноги, тотчас прибежит... Мог бы прогнать его как бедного торговца, потерявшего на базаре хурджун... Ха-ха-ха! Но я заточил его в темницу. Воюет там с блохами. Все это, по-вашему, страх? Ну? Скажите, это трусость? Ну!.. Мой дядя?!

Амир Муса понял, что у него нет иного выхода, как сдаться:

– Да, вы поразили меня своим поступком! Вы большой умница! – Амир Муса убрал подушку и выпрямился: – Признаюсь, я был неправ, когда сказал, что вы боитесь Амира Темура и покоряетесь ему! Поняли... Вы же не перепел, который по первому зову садится на руку! Вы остроглазый сокол, вы птица высокого полета, которая парит в небе такого великого края, как Балх! Сокол Шибиригана! Сокол Шибиригана не покоряется, сокол Шибиригана не знает, что такое страх!

Говоря это, Амир Муса почувствовал, как душу его согрела категоричность и решительность хакима Шибиригана. Теперь наступила пора серьезных действий. Грозный клинок сабли, еще не выгашенной из ножен и направленной против Амира Темура, считающего себя владельцем всего Турана, слегка затупился от щедрот и подарков таких, как Дилшад ока. Это ясно. Но этот разговор – шаг к тому, чтобы наточить эту саблю.

Хахим Шибиригана был вне себя от радости, что положил на лопатки своего дядю, лицо его сияло от удовольствия, глазки-шелки стали еще уже.

– Однако запомните одну истину: Темурбек не даст вам процветать! Да, не даст!

– И вам тоже, дядя! Вам тоже не даст процветать! Это ясно!

– Да, никому не даст процветать...

Собеседники погрузились в мрачные раздумья.

II

Зиндачашм опарди, решив устроить худойи¹ в честь отца Мухаммада Ходжи опарди, разослал гонцов в разные города. Первым приехал амир Карши. На следующий день собрались и другие гости. Внешне худойи как худойи, но хаким Шибиргана рассматривал это мероприятие как курултай. Махмудшах Бухари с Абу Исхаком Ясури выехали из Бухари пятнадцать дней назад. После того, как Махмудшах Бухари женился на дочери Али Ясури, дяди Абу Исхака Ясури, он стал пользоваться среди ясуриев большим уважением.

Когда Абульмаоли Термези (его величали худованзада² или сокращенно ханзада³) собирался ехать в Шибирган, приехал гонец из Хутталана и вручил ему письмо от Амира Кайхусрава. В послании хаким: Хутталана просил достопочтенного шайха подождать его в Термезе, мол, оттуда вместе приедут в Шибирган. Абульворис Самарканди, бывший священник Самарканда времен сарбадаров, жил в Шибиргане у Зиндачашма опарди. Духовный наставник пострадал от сарбадаров, обиженный сарбадарами, охладел к Самарканду и как старый друг Мухаммада Ходжи опарди обосновался в Шибиргане.

Зиндачашм опарди решил собрать на «худойи» всех своих единомышленников и определить дальнейшие действия в сложившейся ситуации.

Хаким Шибиргана пригласил гостей на супу: вон, рядом с сайидом из Термеза сидит священный Абульворис Самарканди, затем Амир Муса, Амир Кайхусрав, Махмудшах Бухари, Абу Исхак Ясури... Знать хорасанского салтаната...

— Слава Аллаху! — сказал Абульмаоли Термези, протягивая руку к шашлыку из свежей баранины; большая чалма, намотанная на голову, делаа его меньше, чем он был, тонкий голосок звучал неестественно. — Возношу благодарение Богу за то, что он сотворил тех, кто оказывает нам почтение! Слава тебе, Господи! Да!..

Сидящие почти не обратили внимания на его слова, но Зиндачашм опарди, сидевший на корточках ниже всех, уловил в них тайный смысл. По сути дела, Абульмаоли Термези с самого начала лелеял надежду на милость Амира Темура. Об этом догадывались и другие. Надежаясь, что не сегодня, так завтра Сахибкиран пожалует к нему с поклоном, но тут, откуда ни возьмись, появился этот Мир Сайид Барака... Весть о том, что Сахибкиран назвал его своим духовным наставником, ошеломила его. О, Аллах! Этот пройдоха средь бела дня, прикрываясь именем Аллаха, увел Темурбека из-под носа у самого Абульмаоли Термези!

Темурбек допустил оплошность, ох, какую оплошность! Это точно. Он еще пожалеет, что выбрал духовным наставником другого. Пусть... Аллах все видит... Именно эта обида сблизил его с Зиндачашмом опарди, жгла его сердце.

Ханзада убедился, что, если не будет бороться за сан духовного наставника, может остаться с носом. Все решено, он не должен уступать никому Зиндачашма опарди и Амира Кайхусрава, он найдет способ сделать их верными последователями! Он стал посылать своим мюридам подарки, тем самым проявляя свою благосклонность. А те, в свою очередь, провозгласили его великим из великих, способным на разные чудеса. Ханзада тайно посещал и хакима Шибиргана, и хакима Хутталана поодиночке, каждому из них подарил как символ могущества по флагу и кривой сабле.

У Абульмаоли Термези есть еще одна цель: сделать своим мюридом влиятельного амира Карши Амира Мусу. Ханзада знал, что Амир Муса, будучи в Балхе, уклонился от встречи с Темурбеком, знал и о том, что за ним специально был послан нарочный из Самарканда.

Амир Муса задумчиво смотрел на неторопливые движения чархпалака⁴ и размышлял, как тайно переговорить с каждым из амиров.

— Господин Амир Муса, кажется, вы впали в задумчивость?... Хотелось бы узнать, где вы сейчас обитаете? — прозвучал тонкий голос ханзады. — Да, в Балхе в день коронации Темурбека вас почему-то не было видно? Кроме того, кажется, вы не соизволили приехать и в Самарканд на курултай?..

— Видно, нас судьба разбросала по всему свету... Вот мы и собираемся то здесь, то там, ваша светлость... Не можем остановиться, кружимся да кружимся, подобно этому чархпалаку. Говорят, бедный человек остерегается всего...

— Не-ет, вы не бедный человек, вы — амир, да! Сие есть истина... — говорил ханзада, подражая Миру Сайиду Бараке. — И потом мы всегда, каждое мгновение, думаем о вас. Ибо мы хотели сказать, что соскучились...

— Благодарю, ваша светлость! Поняли...

— Или Темурбек... не дает вам житья?... — спросил Абульмаоли Термези, многозначительно улыбаясь.

Амир Кайхусрав, Али Исхак Ясури и Махмудшах Бухари переглянулись. Амир Муса,

¹ Худойи - угощение по случаю поминков.

² Худованзада — наместник бога.

³ Ханзада — сын хана-правителя.

⁴ Чархпалак — колесо с черпалками, вращаемое течением воды или силой животных и подающее воду для орошения.

не зная, что ответить, вытаращив свои глаза, умоляюще взглянул на Зиндачашма опарди, будто прося о помощи.

– Ваша светлость, Темурбек никому не дает житья, а моему дяде Мусе тем более. – Зиндачашм опарди, наконец, сорвал невидимый занавес недомолвок и намеков, мешавший вести откровенный разговор. – Господин амир, как и все мы, пострадал от предвзятой политики...

В разговор вмешались и другие:

– Да... Прошло всего четыре-пять месяцев, как он пришел к власти, а уже... ой-ей-ей, Темурбек всех нас потеснил... – нерешительно начал Махмудшах Бухари, поглядывая по сторонам. – Раньше мы, как жеребцы, жили привольно, теперь все смотрим на Самарканд... Так нетрудно стать паршивыми клыками.

Высказавшись, он боязливо подумал: «Лишь бы мои слова не дошли до Темурбека». Абульмаоли Термези с удовольствием наблюдал за беседой. Все сидящие здесь амиры, без всякого сомнения, противостояли Сахибкирану. В голове у него созрел план, но обнаруживать его сейчас или нет, подходящий ли для этого момент, он сомневался. Однако ханзада знал, что в смутные времена есть свои правила, и в этом нет сомнения. Теперь остается лишь уповать на Аллаха. Абульмаоли Термези всегда придерживался принципа: «Действие – залог успеха» и решил обнаружить согласованную заранее с Зиндачашмом опарди идею.

В это время со стороны города подскочил воин, остановился в ста шагах от сидящих, слез с коня и хотел было подойти к супе. Наверное, очень спешил. Зиндачашм опарди сидел спиной и не видел его. Воин что-то шепнул есаулу на ухо, есаул замотал головой: «Идет машварат. Подожди немного!» Именно в этот момент Абульмаоли Термези начал говорить:

– Совершенно прав господин Абу Исхак, – сдержанно начал он. – Быть, так сказать, пятой ногой собаки не подобает мусульманину. По сути, такие великие мужи, как вы, и такие сайиды, как мы, оказались именно в таком положении, приходится это признать, к сожалению. Коли так, откроем друг другу сердца! Заключим договор. Давайте туго обвяжемся ремнем обета верности. Не зря ведь говорят:

Короткий меч удлинит десницы богатырей и только,
Только молитвами сайидов власть держится долго.

Абульмаоли Термези долго говорил о новом государстве Хорасан, которое они создадут, об авторитете будущей страны.

– Столица государства Хорасан должна находиться в удобном месте. – Абульмаоли Термези специально сделал ударение на слове «столица». – Мне кажется, стоит выбрать Шибирган. В Шибиргане есть неприступная крепость Анжо, которая упоминалась даже в «Шахнаме». Эту крепость Фирдоуси назвал «Сафиддиз». Еще одно преимущество – Шибирган далеко от столицы Темурбека...

Если бы об этом заговорил Зиндачашма опарди, то все бы, наверняка, рассердились, и мирно начатый машварат превратился бы в ссору. А Абульмаоли Термези далек от притязаний на власть, человек беспристрастный и честный, духовный наставник всех амиров, его слова весомы для всех. Несмотря на это, всех мучил один вопрос: «если столицей Хорасана будет Шибирган, то тогда станет падишахом?». Амир Муса заерзал. Амир Кайхусрав открыл было рот, и от дурного запаха изо рта ханзаду чуть было не вырвало, но он сумел-таки дать ему слово:

– Все в этом мире принадлежит Аллаху. Наша главная цель – отделиться и создать государство. Все как один должны противостоять Темурбеку. В хадисах Пророка Мухаммада сказано: сердце раба божьего, как птица – в день меняется семь раз. Сие есть истина. Таков уж человек. Но... в данное время пусть наши сердца будут похожими не на птицу, а на льва, и не меняются семь раз, а наоборот, пусть семь раз мы поклянемся друг другу в верности! Только тогда мы сможем вымолить у Аллаха победу! Слава Аллаху!..

Слова Абульмаоли Термези заворожили всех. Хотя Зиндачашм опарди пристально смотрел на ханзаду, в его узких глазах он не заметил признаков торжества. Амир Муса, поглаживая реденькие бровки и опустив глаза, повторял: «Поняли», «Поняли...», Амир Кайхусрав порывался что-то сказать. Абульворис Самарканди и Махмудшах Бухари, отдавая должное словам ханзады, согласно кивали головами. Только на лице Абу Исхака Ясури застыла насмешка, мол, духовный наставник кажется хватил через край.

Прибывший воин нервничал, но не смел помешать машварату.

– Давайте вспомним священное писание, – продолжил Абульмаоли Термези. – Одной из самых великих и высокочтимых сур в Коране является Сура «Победа». Да будет она всегда ценна и дорога! В шестом веке хиджры¹ между нашим пророком, да будет мир над ним, и идолопоклонниками Мекки было заключено перемирие «Худайби». Это перемирие было началом победы, одержанной над меккийскими безбожниками. В этом суть суры «Побе-

¹ В 627 году н.э.

да», ниспосланной Аллахом в Мадине. Мухаммад, да будет мир над ним, радостно объявил: «В эту ночь ниспослано мне божественное откровение, которое дороже, чем этот мир и все, что в этом мире». — Удостоверившись, что все внимание приковано к нему, ханзада продолжал: — В упомянутой суре излагается мысль о джихаде — священной войне, войне за веру правоверных мусульман. Некоторые скептики и лицемеры, чтоб уклониться от джихада, допускают ряд оговорок об обете верности сподвижников Посланника... О, Аллах! Наше деяние то же, что и джихад, да-да, джихад! Довольно, господа амиры, нельзя нам сойти с пути, который указал нам Аллах! Пусть всем будет известно, что скептики и изменники непременно окажутся там, где всякие нечестивцы держатся за подол шайтана! И знайте, название этого места тамуг, то есть ад. Да будет сам Аллах милостив к нам!...

Абульмаоли Термези, закончив речь, уселся поудобней и со словами «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!» приступил к чтению суры «Победа» и других аятов... Ханзада читал долго. Его выразительный мелодичный голос завораживал, слова молитвы проникали в самое сердце. Казалось, что весь мир погрузился в тишину, и лишь шум льющейся из черпаков воды нарушал безмолвие.

После этого никто не посмел что-либо сказать, боясь попасть в разряд «скептиков и изменников».

Есаул, улучив момент, подошел к Зиндачашму опарди и тихо шепнул:

— Есть гонец, ваше величество...

— Гонец? Что еще за гонец? Разве я не предупредил, разве не говорил тебе, что мы с горячо любимыми друзьями, дорогими гостями немного отдохнем на досуге, и чтобы никто нам не мешал? — Хаким Шибиргана пристально посмотрел на есаула.

Есаул замешкался:

— Прошу покорнейше простить меня... Но срочная весть, Ваше величество...

— Вот приспичило! Ну?... Что за весть?

Гонец, сидевший как на иголках, подбежал к нему и после извинений заговорил:

— Ваше величество!.. С Балха пришла срочная весть о том, что Амир Темур Кураган с несметным войском идет на Шибирган...

— Что-что-о? Что ты сказал?... — похолодев, не поверил своим ушам Зиндачашм опарди.

— О Боже, будь милостив! — сказал Абульворис Самарканди.

Гонец подумал, что он выразился непонятно, и снова повторил:

— Амир Темур Кураган с несметным войском...

Гонец не успел договорить.

— Есаул! Убрать этого смутьяна! Наказать его палками! Откуда эта ложь? Найдите всех этих подстрекателей! Это дело рук врагов! Хотят нас запугать! Темурбек в Самарканде занят государственными делами! Где Самарканда, а где Шибирган? Между нами девяносто тош¹ пути! Ха-ха-ха! Несметным войском!... Ха-ха-ха!

Смех Зиндачашма опарди напоминал не смех, а на жалкий скулеж попавшего в клетку львенка, было видно, что он и сам не верил своим словам.

Все застыли от неожиданности.

Первым заговорил Амир Муса:

— Следует сейчас же отправить Темурбеку посла, пусть все его условия будут выполнены, пусть повернет назад, пусть он не идет на Шибирган!.. Это самый правильный выход, палван!.. Поняли!..

— Это самый верный выход господин Зиндачашм! Это правильный выход! — Амир Кайхусрав несколько не сомневался в походе Амира Темура на Шибирган. — Господа, я немедленно отправлюсь в Хутталан! Мои поместья остались без главы! Страна осталась без главы!

— Если Сахибкиран узнает, что я здесь, он с меня семь шкур спустит! Непременно скажет: «Где только ты бродил, оставив город!..» Надо торопиться в Бухару! — запричитал Махмудшах Бухари, не скрывая страха.

— Они правы!.. Надо торопиться!.. — подтвердил Абу Исхак. — Пора в путь, господин Махмудшах!

Абульмаоли Термези замер от неожиданной новости, сулящей несчастье.

— Время дорого, не до любезностей, говорил Шайх Нажмиддин Кубра... — начал он, вспомнив великого человека. — Да, он прав, время дорого... Если подумать, то становится ясно, что господа Махмудшах Бухари и Абу Исхак Ясури должны вернуться на родину... В особенности господин Зиндачашм, правильным было бы... если вы позволите... выехать и нам вместе с Амиром Кайхусравом... Нам нежелательно встретиться здесь с Мир Сайидом Бараккой...

Зиндачашм опарди так посмотрел на ханзаду, как будто впервые его увидел. Столько было слов о суре «Победа», столько слов о верности, а теперь вот это?! А другие тоже, наверно, в душе радуются...

— В душе у вас пусто, нет огня, а кипятитесь, стараетесь... — больно укол от присутствующих Зиндачашм опарди, но больше ничего не сказал.

¹ Тош — мера длины, один тош равен 8 верстам.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

I

Караван-сарай Кайсария, что в центре столицы хорезмшахов Гурганже, придает особое величие городу. Он расположен неподалеку от минарета, возведенного Кутлуг Темуром, правителем Хорезма первой половины XIV века. Между минаретом и усыпальницей хорезмшаха Султана Такаша Кайсария просторная площадь и многолюдный базар. Вот уже месяц здесь живут послы во главе с Алуфой тавачи.

Приехав, первый же день Алуфа тавачи направил во дворец гонца с оповещением о своем прибытии и сообщением Его Высокопревосходительству хорезмшаху Хусайну Суфи о послании Султана Турана Сахибкيرانа Амира Темура Курагана, прося аудиенции. Но до сих пор никакого ответа не последовало. Десятнику Ахию Джаббару и сыну Амира Кайхусрава Султан Махмуду сказали, чтобы они пришли через десять дней. Хорезмшах Хусайн Суфи всегда приглашал прибывших послов ознакомиться с городом, дабы они увидели и прочувствовали богатство и мощь царства хорезмшахов. Это пришлось по душе Ахию Джаббару, была возможность неспеша осмотреть город.

Свободное время Алуфа тавачи не тратил впустую. Переодевшись в невзрачную одежду отшельника, с кашкулом¹ через плечо, стуча посохом, ходил он по базарам, медресе, наблюдал, слушал, о чем говорит народ...

Алуфа тавачи едва закончил полуденную молитву, как в келью вошли Ахий Джаббар и Султан Махмуд, ушедшие утром во дворец.

– Лиса или волк? – спросил Алуфа тавачи Ахий Джаббара, прищурив левый глаз.

– Слава Аллаху, волк! – подал голос Ахий Джаббар.

Восемнадцатилетний Султан Махмуд молчал с непонимаемым лицом. Это был скрытный юноша, себе на уме. Во дворце Хусайна Суфи незаметно для всех встречался с кем-то, шушукался. Здесь бывал частенько, имел достаточно знакомых.

– Господин посол, Его величество хорезмшах Хусайн Суфи примет вас во дворце в пятницу!

Если задача Алуфы тавачи – доставить послание от Сахибкيرانа хорезмшаху, то у десятичника – несколько иная, а если точнее, найти бальзам для души Джахангира Мирзы. Он должен возвратиться домой с вестью отрадной для его сердца. И, если представится возможность, тайно передать неотразимой принцессе Хорезма приветствие, полное любви и верности, от принца, сына Туранского падишаха Амира Темура Курагана. Говорят, что принцесса не желает даже думать о мужчинах и отказывает всем сватам... Ахий Джаббар был уверен, если Ханзада ханум узнает о нежных чувствах Туранского принца Джахангира Мирзы, то в ее сердце, без сомнения, вспыхнут ответные чувства!.. Но как сообщить капризной принцессе, и кто это сможет сделать, только одному Аллаху известно...

На третий день после приезда Ахий Джаббар с десятью джигитами гулял по базару Кайсария.

– Какой огромный базар, вот это да-а! – изумлялся круглолицый крепыш-нукер по имени Учкора.

Разгар лета, время урожая... Повсюду горы дынь, арбузов. А пахнет то как! Не базар, а фруктовый рай! При виде дыни-скоропелки у Ахий Джаббара потекли слюнки. А она, окаянная, лежит вся такая глянцевая и перемигивается то с белой, то с зеленой, то с темной подружками...

В рядах красовались леденцы, халва, изюм всех сортов, парварда, сушеная дыня... При виде такого изобилия у Учкоры разгорелись глаза, он был большим сладкоежкой. Торговала сладостями смуглая, среднего роста женщина. Учкора торопливо отдал дыню своему другу, приблизился к лавке, молча взял одну красивую конфету и с удовольствием стал ее рассматривать. Женщина, занятая своими мыслями, машинально хотела забрать леденец у юноши. Учкора ловко подкинул сладость и поймал ее ртом:

– Раз так, то не вам и не мне!

Джигиты расхохотались. Женщина удивленно улыбнулась:

– Бери! Можно еще одну, сынок! Нечет не годится! За пробу денег не беру...

Ахий Джаббар хотел купить у продавщицы леденцов, но услышал рядом чей-то шепот. Смотрит – огромный мужчина в лехах.

– Знаете, кто это женщина?.. Эх-хе! Это Раджаббиди, самая известная в Хорезме. Сладости у нее отличные. Она их даже во дворец хорезмшаха поставляет. Ее леденцы и парварду обожают принцессы, дочери хорезмшаха...

– Принцессы?

– Да, принцессы!

Старик пошел своей дорогой. В голове десятичника Джахангира Мирзы промелькнула какая-то мысль, и он с горящими надеждой глазами подошел к лавке...

¹ Кашкул - сосуд для сбора подаяний.

Наконец, через три дня Алуфа тавачи был приглашен во дворец.

– Посол Сахибкيرانа Амира Темура Курагана – Султана Турана! Прибыл из прекрасного Самарканда! – торжественно возвестил привратник, стоя у порога.

Алуфа тавачи уверенно направился к трону. Остановившись за пять шагов, с достоинством отнесил поклон, приблизился к трону, поцеловал благословенный свиток и протянул его правителю Хорезма. Не разгибаясь, он сделал несколько шагов назад и, оставившись на прежнем месте, стал ждать, сложив руки на груди.

Хусайн Суфи взял свиток и равнодушно отдал придворному:

– Ну-ка, прочти!

Придворный осторожно стал снимать печать со свитка. Сановники пристально наблюдали за ним. В приемной был слышен только шелест разворачиваемой бумаги. Наконец, придворный открыл свиток длиной в два локтя и стал громко читать. В послании после обычного вступления, принятого в переписке между правителями, было следующее:

«...Соблюдая заветы Чагатая, мы освободили землю Турана от всех притязающих на нее. Слава Аллаху, это Вам уже известно по отправленному ранее нами фатхнаме. Баба, Кат и Хевак издавна являются землями народа Чагатайского улуса. Во времена раздробленности и анархии на земле Туркестана Вы, пользуясь случаем, посягнули на эти земли. Теперь настало время возвратить земли законным владельцам. С надеждой, что этому решению не будет препятствий с Вашей стороны

Сохибкيران Амир Темур Кураган.

Самарканд, 772 год хиджры...»

Придворный, прочитав послание и отвесив поклон, отошел назад.

В приемной наступило напряженное молчание...

Юсуф Суфи обеспокоенно переминался с ноги на ногу, не решаясь раскрыть рот.

Тишину нарушил степенный голос хорезмшаха:

– Любезный, за такое послание я должен бросить тебя в самый темный угол зиндана, но ты посол... – Откровенная издевка Хусайна Суфи задела за живое Алуфа тавачи. – Скажи своему Сахибкيرانу, что не родился еще такой глупец, который отдал Кат и Хевак! Такая бестолочь все еще в утробе матери находится! Ты понял, любезный?..

– Понял, понял!... – беспристрастно ответил Алуфа тавачи, скрестив руки на груди.

Вдруг насмешливая улыбка на круглом лице Хусайна Суфи сменилась гневом и яростью:

– Я завоевал Хорезм! Кто захочет его забрать, тому придется встретиться с моей саблей!..

II

В это же время в западной части города на ближайшем от караван-сарая Кайсария повороте произошло неожиданное...

Сразу же за городом есть большая зеленая поляна, где горожане частенько, особенно в дни Навруза, гурьбой гуляют. Хорезмийские принцессы тоже иногда приезжают сюда отдохнуть, разбив яркие шатры на берегу Голубого озера.

В среду (счастливым день по народному поверью) принцесса Ханзада ханум с подругами изъявила желание приехать на поляну и пригласила с собой служанку-наперсницу Оккиз¹. Служанка обрадовалась предложению принцессы, так как у нее была важная весть для Ханзады ханум. Обогнув дворцовый цветник, она с легкостью бабочки с развеваящимся по ветру подолом красивого длинного белого платья побежала на второй этаж.

Оккиз родом из Самарканда, вернее, из кишлака Кумушкент, что на востоке от Самарканда. Ее отец – один из мюридов шайха Киромиддина ас-Самарканди. Когда ей было десять лет, ее отдали шейху как назр², а шейх, в свою очередь, подарил ее хорезмшаху Хусайну Суфи. Во дворце Оккиз своими манерами, поведением, прилежностью приглянулась Ханзаде ханум, и она выпросила ее у деда Хусайна Суфи. С тех пор прошло четыре года, они и едят, и спят вместе. Оккиз ничего не известно о ее родителях, о пяти сестрах (в семье их шесть девочек). Только, когда пойдет разговор о Самарканде, сердце у нее затрепещет от волнения и все, больше она ничего сделать и не может.

– Моя принцесса, если вы позволите, я хочу поведать вам одну тайну...

– Слушай меня, а потом тебя послушаем, – возразила Ханзада ханум.

– С большим удовольствием, моя принцесса...

– В пятницу мы отправимся погулять к Голубому озеру, Ок...

Ханзада ханум рассказала о прогулке за город вместе с дочерьми дядюшек Хусайна Суфи и Юсуфа Суфи – с Икбол бикой и Сиймин бикой.

Для девушек, однообразно живущих в четырех толстенных стенах дворца и не выходящих за пределы дома, прогулка на берег Голубого озера, отдых на природе в ярких

¹ Оккиз – белыночка.

² Назр – самое дорогое подношение в качестве слуг духовному лицу за обряд (обычно собственных детей).

шатрах – бесценный дар Аллаха. Оккиз тихо вздохнула, перед ее взором проплыли великолепные картины: прогулка по городу, зелень свежих трав, необъятная синь неба, огромные поля, приятный горный ветерок, теребящий подола платьев, гомон птиц, с шумом проносящихся над головой... Муназара образованных принцесс, их умные беседы были по душе Оккиз.

Служанка-подружка с горящими глазами подошла к принцессе:

– Моя принцесса, я вам на ухо скажу одну тайну...

Принцесса, чтобы хорошо услышать, убрала черные волосы за уши. Ох, эти волосы! Они прятали от посторонних глаз маленькие очаровательные ушки. Девушки остановились около ступеньки на второй этаж.

Оккиз прошептала:

– Моя принцесса, прошу меня помиловать... Есть весть из Самарканда...

– Ах, будь ты не ладна... Опять Самарканда... Ну, что за весть? – красивые черные брови Ханзады ханум нахмурились.

– Говорят, сын Туранского султана, Его величества Амира Темура Курагана, престолонаследник принц Джахангир Мирза влюблен в вас без памяти... Джахангир Мирза...

Принцесса Хорезма от неожиданности слегка отодвинулась, однако ее лицо и глаза оставались безучастными. Она пристально посмотрела в сверкающие надеждой глаза Оккиз.

– Что... сказала, Ок?

– Моя принцесса...

Служанка запнулась на полуслове: во двор с шумом, догоняя друг друга, вбежали шестнадцатилетняя Икбол бика и пятнадцатилетняя Сиймин бика. Оккиз так хотела поведать своей госпоже о красоте, мужестве, отваге и смелости Джахангира Мирзы, о которых слышала от Раджаббиди, мастерицы сладостей. Кто знает, может, судьба улыбнется, и принцесса станет самаркандской невесткой и увезет с собой Оккиз? Все может быть... И тогда ей удастся навестить родных, съездить в Кумушкент.

...Наконец, наступила пятница, которую с нетерпением ждали принцессы.

Когда поднялось солнце, из дворца выехал маофа¹, покрытый голубой и золотистой материей и, покачиваясь, направился на запад. В нем сидели Ханзада ханум, Икбол бика, Сиймин бика и Оккиз. Все, кто видел яркий паланкин в сопровождении двух стражников, сразу гадывались, кому он принадлежит, и торопились опустить глаза.

Лошади не успели еще повернуть направо, как произошел непредвиденный случай.

Принцессы, сидя в паланкине, перебивая друг друга, весело шептались и радовались предстоящему отдыху. В этот момент раздался громкий голос: «Бей! Прегради путь!», «Сначала убери стражу!», «Убей стражу!», «Хватайте принцесс!» Поднялась паника, девушки испуганно закричали. Ханзада ханум увидела четырех всадников в скаках и, поняв, что это разбойники, задрожала. Началась потасовка, стражники и арбакеш мужественно защищались, но перевес был на стороне разбойников. Икбол бика и Саймин бика дрожали от страха, бледная Оккиз крепко держась за руку Ханзады ханум, потеряла дар речи. В голове служанки лихорадочно стучало: «Что это за люди, провалились они сквозь землю, среди бела дня в Гурганже покушаются на жизнь принцесс Хорезма?». Тут же всплыли в памяти картины страшных баек о разбойниках. Бедняга лихорадочно шепчет: «О Господи, сохрани рабов своих!». А снаружи слышна возня, страшные крики и лязз сабель.

Крики, шум, возня не стихают, стражники отбиваются на пределе своих сил. Вдруг Ханзада ханум услышала со стороны города топот и крики:

– Загороди дорогу-у-у!!

– Бей его! Дави! Бей!

– Стой! Остановись!

– Хватай его! Держи!

Ханзада ханум испуганно приподняла полог паланкина и не поверила своим глазам: в их сторону летели с обнаженными саблями какие-то всадники. «Сообщники бандитов! Идут на помощь разбойникам!» – мелькнуло у нее в голове. Место было пустынным, кроме двух стражников и арабакеша, некому защитить бедняг...

Поначалу Ханзада ханум старалась быть спокойной, видя, как стража мужественно противостоит натиску разбойников, а сейчас ее охватила паника, она побледнела, кровь отхлынула от некогда пунцовых губ: «Теперь бандиты продадут их как рабынь. Продадут принцесс Хорезма как рабынь... теперь...теперь...» – Ханзада ханум боялась думать, что будет дальше.

Топот неизвестно откуда появившихся всадников приближался, и какова была их цель – неизвестно.

Потасовка не прекращалась, вдруг главарь шайки крикнул:

– В следующий раз украдем принцесс! Их оказалось больше! Не то погибнем! Надо уходить быстрее!

¹ Маофа – носилки, приспособленные для перевозки на лошадей.

– Нет, пусть погибнем! Но принцесс не отдадим! Пусть они подойдут! Я сам справлюсь со всеми! Подходи! Гей! – возразил своему главарю другой разбойник. Но его гнущийся голос был заглушен властным криком главаря:

– Не тяни!! Будет поздно! Эх, ты, тряпка, все испортил! Бежим!..

Разбойники разбежались.

Испуганные принцессы ошеломленно смотрели им вслед.

– Это наши люди? – спросил молодой стражник у другого, указывая на приближающихся всадников. С его рассеченного лица сочилась кровь. – Слава богу, во дворце узнали о нас...

– Не знаю... – сказал пожилой стражник, не решаясь радоваться. Он всегда сопровождал принцесс, но в такую историю попал впервые. – Нукеры хорезмшаха или нет? Никого из них не узнаю, помереть мне на месте! На всякий случай, будем наготове!.. Их тоже отправим в преисподнюю, да!..

Он стал угрожать всадникам, находящимся в шестидесяти шагах от них. Один из всадников, видимо, главный, остановился и спокойно сказал:

– Убери оружие! Слушай меня! Будь спокоен, мы не будем драться! Мы приезжие, проезжали мимо, увидели, что на вас напали... Мы честные люди. Матери нас родили для добрых дел. Возмутительно, что среди бела дня обижают бедняги! Не допустим! Боже упаси!..

– Знай, что говоришь, приезжий! Они вовсе не бедняги! Кто тебе сказал, что они несчастные?.. – Голос старшего стражника звучал увереннее.

– А кто же они тогда? – спросил приезжий.

– Они вовсе не несчастные! Это принцессы Хорезма: Ханзада ханум, Икбол бика, Сиймин бика, их подружка Оккиз... Едут отдыхать на Голубое озеро... А мы их стража.

То, что неизвестные – порядочные люди, сразу стало понятно по их открытым, без масок, лицам. Их главный постарался загладить свою неловкость.

– Рискую, мужчина уповаешь на Бога, не желая ни шита, ни хлеба ржаного! Прекрасную новость ты нам сообщил, о, глава стражи! Приятно узнать, кому торопились помочь. Слава Аллаху! Что ж... Вы уже поняли, что мы ваши друзья, а разве друзей встречают саблями? – Пристыдил стражников один из неизвестных. Это был десятник Ахий Джаббар.

Сердце Оккиз неожиданно затрепетало, не понимая причины, девушка украдкой взглянула из-за шторы. Высокий, крепкий, с пышными усами молодой человек давал указания своим нукерам. Его мужественный голос был обнадеживающим.

Принцессы радостно стали обниматься, весело шепеча, как птички. Речь неизвестного всадника успокоила стражника, он, хотя и с недоверием, но все-таки опустил саблю. «Их шестеро, к тому же вон какие здоровенные. Если придется сражаться, то все равно они нас одолеют...» – подумал стражник, стараясь скрыть свое беспокойство.

– Кто вы? Откуда будете?... – намеренно излишне уверенно спросил старший стражник.

– Ну, кто вы?... – добавил второй. Арбакеш хранил молчание.

Ахий Джаббар кашлянул и начал говорить, поглядывая в сторону паланкина.

– Знайте, мы воины отважного сына Его величества Туранского султана Сахибкирана Амира Темура Курагана, его опоры, света его очей, доблестного цветка сада власти принца Джахангира Мирзы. Мы приехали из Самарканда... Добрым делам учил нас наш отважный принц. Свою благодарность изъясняйте не нам! Благодарите принца, цветок сада владыки мира, величайшего предводителя, престольного принца Джахангира Мирзу!

Ахий Джаббар немного помолчал и добавил:

– А меня кличут Ахий Джаббаром бахадуром¹. Я всего лишь один из десятников моего принца...

А в это время в паланкине:

– Слышишь, Ок... говорит, что он один из богатырей Джахангира Мирзы? – удивленно спросила Ханзада ханум. – Слышишь... Того... Того самого Мирзы?..

– Видимо, того... – Оккиз радостно посмотрела на принцессу.

Воины Джахангира Мирзы собирались уехать. Заметив это, проникательная Оккиз открыла занавес паланкина и, с очаровательной улыбкой посмотрев на Ахий Джаббара, произнесла:

– Эй, отважный джигит, передайте нашу благодарность цветку сада владыки мира принцу Джахангиру Мирзе!

Ханзада ханум, незаметно ушпнувшись за бок Оккиз, укоризненно прошептала: «Ах ты, говорунья!»...

Был полдень...

¹ Баходур – богатырь, храбрец.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

I

Кепак Темур, один из монгольских вельмож, захватив власть в Жете, вел себя высокомерно и надменно, строя козни и открыто угрожая новому салтанату. Поэтому, как только появилась возможность, Темурбек решил направить против него войско, в состав которого вошли воины полководцев Бахрама жалайира, Аббаса бахадура кипчака и хакима Шибиргана Зиндачашма опарди. Амир ул-умара¹ Амир Жаку барлас поддержал кандидатуры первых двух полководцев, но против третьего возразил:

– Амир Сахибкиран, монгольский вилоят одна из самых важных областей. Туда необходимо отправить самых верных полководцев. Такие хитрецы, как амиры Анка Тура и Камариддин, мечтают и строя воздушные замки, способны на все... Нужны ловкие и расторопные бахадуры. По-моему, разумно было бы не брать с собой ненадежных амиров, подобных Зиндачашму опарди.

– Вы с хакимом Шибиргана в близких отношениях... – прямо, без всякой иронии сказал Амир Темур. На его лбу образовалась небольшая морщинка. – Мы, наоборот, думали, господин амир, что вы будете довольны нашим решением!..

Обычно участие в том или ином сражении считается большой честью для любого полководца и воина, потому что это – единственный путь к почестям и высоким наградам, а также возможность смыть с себя груз прежних грехов.

– Амир Сахибкиран, я это говорю потому, что не один пуд соли с ним съел. Я беспокоюсь, что хаким Шибиргана не достоин вашей милости...

После небольшой паузы Амир Темур продолжил:

– Нет, пусть собирается и оправдывает себя. Зиндачашм опарди для этого кое-что уже сделал. Дайте ему шанс.

«Чем быть в Шибиргане и плести интриги, пусть лучше будет при нас!» – подумал Амир Темур, вышагивая по периметру зала аудиенций.

...На двадцатый день пути войско Бахрама жалайира и Аббаса бахадура достигло вилоята Кепак Темур. Впереди показалась возвышенность, закрывавшая горизонт. Бахром жалайир предложил остановиться здесь, дабы перевести дух и послать кого-нибудь осмотреть окрестности. Это дельное предложение поддержал и Аббас бахаdur. Решили отправить сына Бахрама жалайира Адилшаха. Через какое-то время Адилшах возвратился с неприятною новостью:

– За холмом, заполонив собою все вокруг, стоит большой неисчислимый, подобный елям дождя, их столько, сколько листьев на дереве!..

Бахром жалайир замялся в нерешительности:

– Если врагов так много...

Аббас бахаdur резко оборвал его:

– Господин амир! Назад пути нет! Нужно найти какой-то выход, нужно продумать как напасть на врага! Подумайте, как вы предстанете перед взором Сахибкирана...

– Ваш покорный слуга тоже хотел это сказать, да-да, именно это хотел... – поддержал Бахром жалайир Аббаса бахадура.. – Другого мнения у меня нет! Зачем же тогда мы здесь!..

Предстоящая битва с Кепак Темуром озадачила присутствующих полководцев. Где быть нукерам, как распределить воинов правого и левого крыла, центральной части, время начала наступления, расположение войска Зиндачашма опарди – вот над чем предстояло ломать им головы.

Неожиданно стало известно, что у солдат Бахрама жалайира появились упаднические настроения. Неожиданная новость привела амиров в смтение, встревожила. «Пессимизм свойственен роду жалайиров! – злился в душе Аббас бахаdur... – Именно поэтому Боязид жалайир заслужил немилость Туглука Темурхана...»

– Как вы узнали об этом, господин амир? – спросил Аббас бахаdur. – Хорошо, что вы так осведомлены...

– Один из паникеров сам пришел и сообщил о том, что слышал... – ответил Бахром жалайир, испытывая неловкость. – Недаром говорится: из-за одного могут пострадать тысячи, а из-за тысячи – десятки тысяч. После проверим! А теперь нельзя отвлекаться, времени в обрез!

– О, Боже, один из паникеров сам и доносчик! Что за напасть! – посетовал Аббас бахаdur в адрес незримых предателей.

Назревала критическая ситуация. Амиры в замешательстве не знали, что делать.

– С одной стороны, перед нами огромное вражеское войско, которое трудно победить, с другой, и что самое неприятное, среди нас тоже есть враг... – задумчиво размышлял Аббас бахаdur.

¹ Верховный военачальник.

- Если говорить по справедливости, то сейчас не время начинать бой, господа бахадуры, – высказался Бахром жалайир.
- Да, видимо, это так в нынешней ситуации, – одобрил Аббас бахадур.
- Значит, надо заключить перемирие.
- Перемирие! Перемирие!

После долгих размышлений амиры пришли к следующему решению: чтобы выиграть время, нужно заключить перемирие и, объединившись с войском Зиндачашма опарди, сосредоточенным у святого места Удан ота, удвоенной силой начать сражение с врагом!

...Амир Темур с нетерпением ждал вестей от Алуфы тавачи, его затянувшееся возвращение стало немного беспокоить его. Тревожная весть о ситуации на границе с Джетой привела Сахибкирана в ярость. Он захотел лично увидеть этого наглого врага, поставившего в затруднительное положение таких опытных полководцев, как Бахром жалайир, Аббас бахадур и Зиндачашм опарди, и немедленно отправился в путь. Амир Темур понимал, что, не укрепив северные рубежи, нельзя приступить к другим делам.

– Разве можно, вплотную подойдя к врагу с высоко поднятыми флагами и демонстрируя свою боевую мощь, не вступив в сражение, сразу же заключать перемирие? – это первое, что сказал Амир Темур при встрече Бахрому жалайиру и Аббасу бахадуру. Амиры стояли опустив головы. Зиндачашм опарди, поглаживая бороду, похожую на редкую траву, высохшую на солнце, самодовольно глядел на амиров.

Амир Темур подробно расспросил о возвышенности, о количестве мостов на реке Айша хотун, что за холмом, выяснил, где лучше могут пройти лошади. Ранним утром разделил войско на три части. Бахрому жалайиру приказал встать у холма слева, Аббасу бахадуру в центре, Зиндачашм опарди занять позицию справа. От мощных звуков трубы и карнава сотрассались земля и небо, казалось началось светопреставление.

Воины Кепак Темура, заключив перемирие, расслабились: одни беззаботно спали, другие были на охоте, третьи разгуливали по аулам... Увидев войска Амира Темура, все в панике побежали кто куда: «Караул!» «Ратуйте!». Тут же был отдан приказ: «В погоню за противником!» Непобедимое войско с трумфом погнало врага на север в местечко Саккиз Егоч вблизи Иангкента.

II

Полдень. Шатер Хумаюн урду одиноко стоит на холме, словно корона на голове падишаха. Чуть ниже, на склоне холма, пестреют шатры Мир Сайида Бараки, Амира Жаку барласа, Мухаммада Чураги додхаха, Амира Сайфидадина некуза и других сановников. Еще ниже, слева и справа, как грибы после весеннего дождя, рассыпаны шалаши охраны.

Амир Темур, сидя на золотом троне перед голубым шатром, пристально вглядывается на север, степной ветерок ласкает траву под ногами. Всадники, преследовавшие войско Кепак Темура, уже скрылись за горизонтом. Тишина, лишь где-то вдали едва слышен шум битвы, слабое бряцанье сабель.

Амир Темур, поглощенный приготовлениями к сражению, не обратил внимания на окрестности. Степь, притягательностью своей необъятностью и красотой создал Всевышний! С высоты холма видны все четыре стороны света, как на ладони. Буро-зеленая растительность перемежается с алыми кострами полевых маков... Там, где восходит солнце, серебряной змеей извивается речка Айша хотун, обнимая изумрудные склоны. В трехстах шагах от нее пуновый от тюльпанов стоит в дозоре косогор. На юге, пленяя изгибом насурьмленных бровей, аппетитно дымятся кишлаки.

Какой простор, как прекрасно все вокруг! Вот бы вдоволь поваляться на этой лужайке! Насытиться горько-сладким запахом дикого клевера и маков!

Внезапно он почувствовал себя одиноким, затерянным в этом бескрайнем мире! В последнее время это повторялось часто... О, Аллах! В семье их было шестеро – четыре брата и две сестры. Младшим братьям Суюргатмишу, Оламшайху, Жуги нуену Бог дал короткую жизнь, они рано покинули сей мир. Теперь он – единственный сын, остался один-одинешенек. Нет, он не один, есть сестры – Кутлуг Туркан ока и Ширин бика. Всегда рядом с ним духовный наставник Мир Сайид Барака, отважные амиры, Мухаммад Чурага додхах... Слава Аллаху, есть сыновья Джахангир Мирза, Умаршайх Мирза, Мираншах Мирза, дочери Ока бегим ханум и Султан Бахт бегим... Тем не менее, ему иногда так одиноко. Может от того, что он на самом вершине? А на вершине власти только одно место! Дерзкая мечта покорить мир! Он знает, это его удел! Быть сильным, предвидеть, решать! И быть одиноким! Великие мира сего обречены на одиночество... Одиночество – верный спутник владыки мира...

В это время сзади послышался несмелый женский голос:

– Ваше величество, Амир Сахибкиран...

Этот нежный, чистый, глубокий голос Амир Темур узнает среди сотен голосов. Он, не отрывая глаз от севера, заметил, как подошла махди уле Сараймульханум. Не смея смотреть на Амира Темура, она поклонилась и грациозно присела на алый ковер у под-

ножия трона. Широкий подол ее длинного пунцового платья закрыл подножие трона, она задумчиво промолвила:

– Теперь... никому нет пути сюда...

Эти нежные слова будто означали: «Только я вхожу в этот мир одиночества». Царевна нежными пальцами, покрашенными хной, стала осторожно разминать раненую ногу Амира Темура.

Только тогда Амир Темур посмотрел на Сараймулькханум. Странно, когда он чувствует себя одиноким, Сараймулькханум словно догадывается о его мыслях и спешит разделить эту муку. Вот и сейчас, сидя в царском шатре, она почувствовала состояние Амира Темура и, словно рабыня, покорно ждущая повеления своего властелина, молча присела рядом.

– Биби ...

Амир Темур любил так называть царевну.

Сараймулькханум медленно подняла голову и с нежной улыбкой посмотрела в глаза Амира Темура:

– Я слушаю, мой повелитель... – сказала махди уле, продолжая массировать его ногу.

Амир Темур с восторгом смотрел на Сараймулькханум, на ее свежие румяные щеки, на завитки волос, на яхонтовые губки, на точеный носик, на брови-дуги. Сколько раз он жадно целовал эту волшебную родинку на левой щеке. Эта восхитительная родинка всякий раз капризно чернела и манила в дивный мир грез...

Вот и сейчас Амир Темур не мог оторвать от нее восторженных глаз...

Султан Турана порывисто встал с места. Взяв удивленную принцессу за руку, он стал спускаться вниз к небольшому холму, утопающему в ярко-красных цветах. У Темурбека неожиданно возникло нестерпимое желание погулять по этой тюльпано-маковой поляне вместе с Сараймулькханум как тогда, в Самарканде.

В Самарканде тогда тоже была весна, молодые гуляли в южной части города у берега реки Сияб. Они бродили по широкой площади, которая давно нравилась Амиру Темуру. Молодым взбрело в голову посадить саженцы чинары. Султан копал ямку, супруга придерживала крепкий ствол саженца. «Биби, здесь, если Аллаху будет угодно, будет наш сад, и назовем мы его «Боги Чинар», а между этими двумя чинарами воздвигнем дворец», – вдохновенно говорил тогда Амир Темур. А Сараймулькханум, глядя на молодые деревья, подумала тогда: «Саженцы, словно младенцы. Дай Бог нам тоже крепких, как чинара, детей! Вся надежда на Аллаха!..»

Они почти достигли холма. Султан и царевна издали были похожи на беззаботных юношу и девушку. Сверкающий на солнце золоченый халат Амира Темура и красное платье Сараймулькханум ярко выделялись на зеленой поляне. Повсюду их окружали красно-оранжевые цветы. Небо чисто, прозрачно, Сахибкирану показалось, что вокруг никого, кроме Аллаха и их двоих. Ему захотелось сорвать для царевны самые лучшие тюльпаны. Но опытный воин и полководец неожиданно растерялся: тюльпаны как на подбор были все великолепны. Каждый цветочек призывно кивал, уверенный, что только он достоин быть в букете для царевны. Наконец, Темурбек, зажмурив глаза, сорвал наугад два цветка и прикрепил их с двух сторон на черные локоны царевны. Белоснежное личико вспыхнуло алым пламенем, а родинка на левой щеке почернела еще больше. Амир Темур молча с восхищением смотрел на смущенную возлюбленную. Сараймулькханум отвела красивые глаза и, счастливо улыбаясь, спросила:

– Что?.. Мой повелитель? – но ответа не получила.

Окрыленный Амир Темур спешно стал собирать букет. Собрав большую охапку, вручил Сараймулькханум. Удивительно, она еще не видела так много тюльпанов. Цветы по-хозяйски улеглись на часто вздымающуюся от волнения нежную грудь Сараймулькханум... Остальные же, обступив со всех сторон Амира Темура и Сараймулькханум, радостно колыхались, подмигивая черными сердцевинками-родинками.

Султан и царевна, счастливые, вернулись к шатру, когда солнце стояло в зените.

К вечеру Мухаммад Чурага додхах доложил, что Амир Сайфиддин некуз просит срочно принять его.

Как только вошел глава племени некуз, Амир Темур сразу почувствовал его озабоченность.

– В чем дело, господин визирь? – нахмурил брови Амир Темур.

– Та-а-с... – по привычке кашлянул Амир Сайфиддин некуз после приветствия. – Слава Аллаху, все хорошо!.. Хорошо...

– Что? Пришел гонец с поля боя?

– Нет, Амир Сахибкиран! Гонца пока нет... Но я слышал неприятную новость. Змей сбрасывает кожу.

Амир Темур удивленно посмотрел на него:

– Неприятная новость?..

Историк Мавляна Убайд, почувствовав себя лишним, попросил извинения и осторожно вышел из шатра.

– Да... Не обессудьте, Амир Сахибкиран. Я еще раз вынужден напомнить вам о злоумышленнике. Та-ак-с... Эх, сказать – язык не поворачивается, не сказать – совесть мучает...

– О ком из них... хотите сказать, господин амир? – двусмысленно посмотрел на него Амир Темур. – Их... несколько...

Мир Сайид Барака выразительно глянул на него, но промолчал.

– Та-ак-с... хаким Шибиргана Зиндачашм опарди, Амир Муса и Абу Исхак Ясури задумали черное дело. Ханзада Абульмаоли Термези и Шайх Абульворис Самарканди им покровительствуют... Когда вы поедете на охоту, у Карасмана, о, сохрани Аллах.. эти несчастные решили вам устроить западню... Амир Сахибкиран... – обеспокоенно изрек Амир Сайфидин некуз. Он не решился открыто сказать: «Покушаются на Вашу жизнь», однако Сахибкиран все понял.

– О, Аллах, защити нас от лукавого! – зашептал духовный наставник, услышав среди заговорщиков имя Абульмаоли Термези.

– Нужные слова, сказанные в нужное время и нужным людям – признак мудрости, – спокойно сказал Амир Темур. Смущенный тем, что ему пришлось доносить, Амир Сайфидин некуз опустил голову.

– Откуда пришла эта весть? – лицо султана осталось непроницаемым. Но Амир Сайфидин некуз заметил, что Темурбек начал теревить пальцами кончик бороды.

– Та-ак... Вам известно, что Абу Исхак Ясури является братом моей жены. После того сговора, этот нечестивец нечаянно проговорился... На ловца и зверь бежит...

В шатре воцарилась тишина. За шатром темным-темно. Из открытой двери виднелось лишь мерцание костров дозорных.

Амир Темур задержал взгляд на вспыхивающих вдалеке огненных точках:

– Хвала и честь вечному Творцу! Он сам ниспослет несчастье и сам же избавит от него... – Затем вопросительно посмотрел на духовного наставника. Мир Сайид Барака поджидал этого момента и сразу начал:

– Амир Сахибкиран, неблагодарность – это врожденное качество глупцов. Обман, предательство – их спутники... Что же мне сказать по поводу хакима Шибиргана и его приятелей? Прежде, когда они допускали ошибки, мы принимали на себя посредничество, просили Вас помиловать. Не прошло еще и года, как Зиндачашм опарди и Абульмаоли Термези были организаторами беспорядков в Термезе, и ваш покорный слуга опрометчиво просил Вас простить их, считая, что шайтан сбил их с пути... Но услышав о темных замыслах этих недругов, лицемеров и подлецов, я так расстроился, что кровь в моих жилах закипела. Астагфуриллохи ал-азим!¹ Теперь мой онемевший язык не поворачивается что-то сказать, Амир Сахибкиран...

– Такое злодейство не должно остаться безнаказанным, – воскликнул амир Сайфидин некуз.

Амир Темур все еще теревил бороду и слушал не перебивая. «Не должно остаться безнаказанным, – размышлял он. – В честности человека, принесшего эту весть, не приходится сомневаться. Однако нужно проверить информацию и от друга, и от врага... Нужно наверняка быть уверенным в виновности, а уж потом карать»...

Войска салтаната вернулись из Джеты с победой. В Хумаюн урду издали высочайший указ о праздновании победы и месячном отдыхе. Амир Темур сокрушался, что Бахром жалайир погиб в сражении от вражеской стрелы. «Среди жалайиров он был самым совестливым и правдивым. Что поделать?! Воля Аллаха, сын его заменит?» – утешал себя Темурбек.

Отвага амиров и бахадуров стала притчей во языцах. Воины Зиндачашма опарди, опередив всех, захватили богатые трофеи. Сам опарди, прорвавшись в самую гущу противника, к вражескому флагу, захватил его, после чего войско Джеты пустилось наутек. Он затмил своим героизмом доблестных Аббаса бахадур и Адилшаха жалайира. Все, особенно Зиндачашм опарди, надеялись на высокую милость...

Через неделю гонец в месте расположения армии хокима Шибиргана прочитал объявление: «Его Высокопревосходительство Абульмансур Сахибкиран Амир Темур Кураган пожелали в среду выехать на охоту в Карасман. Всех приглашаем на охоту!». Хаким Шибиргана, Амир Муса, Абульмаоли Термези, Абу Исхак Ясури и Абульворис Самарканди, мечтавшие о таком дне, услышав эту новость заговорщически переглянулись, они ликовали. Зиндачашм опарди был на седьмом небе от радости. В тот день на рассвете они торжественно отправились в Карасман.

Карасман – это место, окруженное с одной стороны холмистой пустыней, с другой – глухими зарослями кустарников. Поэтому оно и считалось идеальным для охоты. Когда Зиндачашм опарди со своими единомышленниками прибыли в Карасман, Его Величества Амира Темура еще не было. «Слава богу, приехали раньше всех...» – обрадовался Зиндачашм опарди. Чтобы найти укромное место, он повернул своего коня в сторону зарослей. Неожиданно прямо перед ним высочил волк. Зверь опрометью пустился от

¹ Астагфуриллохи ал-азим! – Да простит Аллах!

всадников в степь. Зиндачашм опарди обожал охоту на волков. Он хотел было погнаться за волком, но Амир Муса остановил его:

– Палван, когда перед нами лев... уместно ли тратить время на какого-то паршивого волка? Поняли... Нельзя так унижать себя, господин хаким!

– Эх, славный был волк! Именно такого я искал! Мне не хочется упустить его...

– Ваша удача еще впереди, палван...

– Но я бы быстро расправился с ним и вернулся!.. Ладно, пусть будет по-вашему... – Зиндачашм опарди отложил «на потом» это увлекательное занятие.

Как только они приблизились к зарослям, из-за кустов неожиданно выскочило десятка три нукеров во главе с Аббасом бахадуром и набросились на них. Тут же скрутили руки и усадили на арбу спиной к спине. Аббас бахадур срочно отправил в Хумаюн урду гонца, чтобы сообщить о поимке заговорщиков. Пять воинов Зиндачашма опарди и нукер Амира Мусы Тармачук, спокойно ехавшие чуть позади и не знавшие о заговоре, увидев, что их амиры задержаны, разбежались в разные стороны.

Все произошло молниеносно. Удивленный Зиндачашм опарди не успел даже рта раскрыть. Он был убежден, что Аббас бахадур ошибся и что потом, узнав его, извинится и развяжет руки. Но, увидев спокойствие Аббаса бахадра с расширенными от удивления глазами и всклокоченной рыжей бородкой похожего на пугало, Зиндачашм опарди понял, что все намного серьезнее, чем он предполагал.

– Что вы делаете, бахадур?.. Кажется, вы меня не узнали... Приняли за другого? Ничего... Произошла ошибка, да-да ошибка, да так бывает... Развяжите руки, бахадур! – Скрип арбы заглушал голос Зиндачашма опарди. – Я говорю, развяжите руки!

Но в ответ – молчание.

– Вы меня знаете, бахадур, я хаким Шибиргана... Я не хочу, чтобы вы перед Высокопревосходительством Абульмансур Сахибкираном Амиром Темуром Кураганом оказались в неловком положении. Предупреждаю как друг. Прекратите маскарад! Очнитесь, господин бахадур!

Снова – ни звука...

– Задержать верного амира Его Величества Амира Сахибкирана и его друзей – это настоящий заговор! Даст Бог, вы еще будете наказаны!

– Поняли... Это заговор против нас... – прошептал Амир Муса.

– Вышли на охоту, а оказались добычей... – вступил в разговор Абу Исхак Ясури. Его слова показались Зиндачашма опарди странными, он не понял искренне это было сказано или с иронией. Но на размышления не было времени, у других головы опущены, все молчат.

Задержанным надели на головы мешки. Зиндачашма опарди, покачиваясь на арбе, пытался разгадать: «Кто же донес до Хумаюн урду тайну о покушении на Амира Темура?.. Кто? Кто?.. Амир Муса? Ну, нет! Он всегда был рядом со мной! Абу Исхак Ясури? Тоже нет! Он заклятый враг Амира Темура! Абульворис Самарканди? Или Абульмаоли Термези? Духовный наставник и шейх... – покачивание мешало сосредоточиться. – Кто? Ну, кто же!..» Если бы была возможность, Зиндачашм опарди всмотрелся бы каждому в глаза и узнал бы все! Эх, неплохо бы!

– В чем мы провинились? – вновь начал Зиндачашм опарди, задыхаясь. Его голос из мешка был подобен шипению шершня. – В чем наша вина? В том ли наша вина, что мы жертвуем собой днем и ночью, не щадя себя, проливаем кровь, не жалея себя на поле брани ради Амира Сахибкирана, ради салтаната?.. О боже! Что это за вознаграждение?..

Амир Муса тоже что-то ворчал.

Аббас бахадур безмолвствовал. Его нукеры тоже молчали, будто в рот воды набрали.

Арба остановилась в четырехстах шагах от Хумаюн урду около шатра Аббаса бахадра. Здесь с нетерпением ждал Аббаса бахадра посланный им гонец, уже вернувшийся с важным поручением. Гонец торопливо хотел что-то сказать при задержанных, но Аббас бахадур, подняв руку, остановил его и, отойдя в сторонку, напомнил, что надо говорить тихо. Гонец шепнул:

– По высочайшему указу Его величества Амира Сахибкирана вы должны привести в Хумаюн урду только Амира Мусу!..

Арест заговорщиков во главе с Зиндачашмом опарди в Карасмане, участие Амира Мусы в заговоре очень расстроили Сараймулькханум. Но как бы то ни было, он близкий родственник, родная кровь. Грустные размышления об участи дяди прервал визит Орзумульк оки, которая со слезами бросилась к ногам Сараймулькханум и, целуя подол ее платья, стала умолять:

– Помогите, моя царевна! Дом мой разорен! Помогите! Обездоли-и-ли-и! – редела белугой Орзумульк, ее красивое смуглое лицо было мокрым от слез.

Сараймулькханум спешно подняла Орзумульк оку с колен. Она не стала ни о чем ее спрашивать. Спросит – еще больше расстроит подругу. Напротив, нужно найти какие-то слова утешения, успокоить, ободрить...

– Смутьяны сбили с пути моего амира, сбили с пути! – причитала Орзумуль ока. – Он не виноват, момокиз, не виноват! Попросите Амира Сахибкирана помиловать его! Дай, Аллах, вам долгих лет жизни!

Сараймулькханум была дочерью старшей сестры Амира Мусы. Царевна знала, что ее дядя ненадежный человек, ей не нравилось его враждебное отношение к Его Величеству. При встрече она постоянно просила его образумиться, просила Орзумуль оку: «Момокиз, подскажите моему дяде правильный путь!» На самом деле, он считался другом Сахибкирана, но не оправдал возлагаемых на него надежд.

...Мухаммад Чугага долах, подойдя к шатру, обратился к царевне:

– Ваше Величество, госпожа махди уле! Его Величество Амир Темур Кураган готовы выслушать вас!

Сараймулькханум вышла из своего шатра и поспешила на встречу. Сахибкиран задумчиво прогуливался по зеленой лужайке около Хумаюн урду. Он шел навстречу царевне. В это время Аббас бахадур привел Амира Мусу с мешком на голове. Когда сняли мешок, от стыда тот он не мог поднять глаза, его лоб стал еще более выпуклым, амир не знал куда себя девать.

Вокруг – гробовая тишина, все ждут, что скажет Амир Темур. Через некоторое время Амир Темур нарушил всеобщее молчание:

– Слишком большой грех совершен... Великий грех. Но, благодаря нашим родственным отношениям, я тебя помилую, помилую твою седую голову, хотя ты и подлый заговорщик... Он хотел добавить, что тот является дядей царевны, но передумал. – Пусть Аллах сам усвоит своего раба!

Все благословили решение Сахибкирана. Когда развязали руки Амира Мусы, он на четвереньках подполз к Амиру Темуру и, целуя полы его халата, стал причитать:

– Теперь раскрылись мои глаза, Амир Сахибкиран! Поняли!.. Теперь я навек забуду слово «заговор». Моя пустая башка-тыква только теперь все поняла! Только теперь поняла!..

Амир Темур продолжал:

– То, что ханзада Абульмаоли Термези причастен к заговору, ясно как день. Трудно этого не понять. Но из-за того, что он является потомком пророка Мухаммада, да будет мир над ним, я наберусь терпения и не пожелаю ему плохого. Пусть он вместе с Абульворисом Самарканди отправляется в паломничество Хиджаза. Пусть Аллах простит их грехи... – Сохибкиран не захотел называть никого по имени, и это все отметили. – Благодаря заступничеству Амира Сайфиддина некуза, мы прощаем его...

Амиры облегченно вздохнули и поддержали решение:

– Справедливый приговор!

– Правильное решение! Справедливо!

Все с нетерпением ждали решения судьбы главаря заговора.

Амир Темур подумал, если бы сейчас Амир Жаку барлас был здесь, то непременно замолвил бы словечко за Зиндачашма опарди, и это избавило бы его от необходимости придумывать наказание амиру-бунтовщику. У амира ул-умаро хорошие отношения с этим вероломным хакимом Шибиргана... Но тот сейчас в Самарканде. Больше никто не может стать на защиту.

И на этот раз у Амира Темура было желание простить этого своенравного амира. Ему казалось, что, если он накажет кого-нибудь, то и сам морально пострадает, сердцу всегда больно от этого. Если же кого-то поощряет, будто сам вознагражден народом и Аллахом. Жизнь дается рабу божьему Всевышним, так с какой стати он будет отнимать ее? У нового султана Турана одно твердое убеждение: умение прощать есть мужество, нежелание прощать – малодушие, низость. О, если бы правление падишаха состояло лишь из поощрений и наград!.. Как было бы хорошо! Как-то один из мудрецов сказал халифу Харун ар-Рашиду: «Если человек злоупотребил добротой падишаха, его милостью, не отказался от злодеяний, то он истинный шайтан. Так и падишах, зная о преступлениях такого шайтана и испытывая праведный гнев, вдруг смалодушничает и испугается, то такой правитель – осел и неотесанный тупица». Благородный и добрый по натуре Харун ар-Рашид, чтобы не прослыть ослом и тупицей, всегда старался найти правильное решение.

Вспомнив это, Амир Темур усмехнулся. «Царь, не наказавший шайтана, безусловно, осел и неотесанный тупица!» – строго решил он.

– Далее... Не допускать ко мне хакима Шибиргана Зиндачашма опарди, чтобы тени его здесь не было! – гневно приказал Сахибкиран. – Вероломство – пригреть змею на груди, глупо считать врага другом. Да, каждый получит по заслугам!

А в это время заговорщики с мешками на головах с замиранием сердца ждали решения своей участи в шатре Аббаса бахадур.

Аббас бахадур поспешил к заговорщикам, чтобы объявить августейший фирман.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

I

Госпожа Кутлуг Туркан ока, старшая сестра Амира Темура, не сомневалась, что послы из Хорезма вернутся с положительным ответом. Поэтому, услышав об их возвращении от мужа Амира Довуда дуглата, она благодушно спросила:

– Путешествие послов благополучно завершилось?

– Дай Бог, надеемся на это... – сухо ответил Амир Довуд дуглат, не знавший с какими новостями вернулись послы. У ворот его поджидал конюх с оседланным жеребцом. – Узнаем об этом по приезду из Жеты Амира Сахибкирана...

– Ие! Что вы такое говорите, Сулайманшах, а ну-ка, выкладывайте все! – Муж и жена обращались к друг другу именами своих детей.

Амир Довуд дуглат, поглаживая незаметный шрам от сабли на правой щеке, предположил:

– По-моему... Судя по нерешительности Алуфа тавачи, видимо, дело безнадежное... – и направился к воротам.

– Боже, упаси от мрачных предположений!.. – озабоченно воскликнула Кутлуг Туркан ока.

Она взобралась на сури в тени над водоемом и села, опершись о пуховую подушку. В просторном дворе стояла тишина. Прислуга занята своими делами, не слышно даже голосов рабынь ичкари.

Кутлуг Туркан ока не зря беспокоится. Для нее очень важно, с какими новостями приехали послы. Это непосредственно отразится на судьбе Джахангира Мирзы и Ханзады ханум. Если обе стороны не придут к взаимному согласию, то ни о каком сватовстве и свадьбе речи быть не может...

В это время, весело переговариваясь, во двор вошли Сулайманшах и Джахангир Мирза. Поднимаясь на сури и приветствуя госпожу, они не скрывали своей радости. Расположившись на мягких одеялах, молодые амиры многозначительно переглянулись, словно желая рассказать о чем-то важном.

Сулайманшах бросил многозначительный взгляд на Джахангира Мирзу и, простодушно поглядев на мать, сказал, поднявшись с места:

– Мамочка, я на минутку в свою комнату.

Джахангир Мирза все понял.

– Бабуленька, бабушка... – начал он тихо. Кутлуг Туркан ока заметила волнение принца.

– Мой родненький... Здоровы ли вы?

– Слава Аллаху... Вернулись послы из Хорезма, бабушка...

– Да... Уже слышали? Теперь, мой принц...

Кутлуг Туркан ока стала подыскивать нужные слова, чтобы приободрить Джахангира Мирзу. Но не успела. Джахангир Мирза, словно ласкаясь, наклонился к ее уху и стал что-то шептать... Принц частенько так делал в шекотливых разговорах, это было удобно, не нужно смотреть в глаза, никто не заметит твоего смущения, и сейчас это было весьма кстати.

Кутлуг Туркан ока понимала, о чем предстоит разговор. Но, слушая горячий шепот любимца, она расплылась в улыбке:

– Вай... Ага, хорошо... Значит, ваши друзья гуляли по Хорезму...

Кутлуг Туркан ока восхищалась его сообразительностью, принцу удалось отправить своих джигитов в качестве охраны послов, и они попутно многое разузнали о Ханзаде ханум, привезли даже от нее благодарности! Да уж, не все взрослые способны на такую авантюру. Джигиты принца умудрились спасти от разбойников Ханзаду ханум и ее свиту, ай да молодчики!..

– Так вы, мой принц, покорили государство Хорезм! Милый вы мой! – Кутлуг Туркан ока поцеловала Джахангира Мирзу в лоб и одобительно похлопала по плечу.

Тетушка и племянник были вне себя от радости.

Вскоре всем стало известно о возвращении Сахибкирана с победой из Жеты. Это был первый поход Амира Темура после того, как он взошел на престол Турана и первая победа. Все знатные мужи города готовились достойно встретить Его Величество Абулмансура Абулмузаффа Амира Темура Курагана. Навстречу правителю выехали Джахангир Мирза с младшими братьями Умаршайхом и Мираншахом в сопровождении Амира Муайяда арлата, дочери Сахибкирана, жены и государственные сановники.

Начало каравана с государственными сановниками, вельможами, во главе с Суюргатмишханом достигло поляны Конигийль...

II

Хаким Хутталана Амир Кайхусрав, еще находясь в Самарканде, искал возможности встретиться со своим другом Махмудшахом Бухари, но не смог выбрать подходящего момента, слишком многолюдно было. Он казался весьма озабоченным. Хаким Бухары заметил же-

ление Амира Кайхусрава встретиться, однако, может, из осторожности не выказал своего благоволения. Когда же прибыли в устье, эта возможность появилась. Караван приехал одновременно. Все томятся в ожидании, прогуливаются, осматривают окрестности.

После Шибиргана они больше не встречались. Однако частенько отправляли друг друга гонцов. Благодаря дружбе Амира Кайхусрава с хорезмшахом Хусайном Суфи, частыми гостями в Хорезме стали и Махмудшах Бухари, и Абу Исхак Ясури, и Зиндачашм опарди.

– Господин хаким, вы отправили к хорезмшаху Хусайну Суфи гонца, о котором я говорю? – шепотом спросил Амир Кайхусрав, хотя рядом никого не было. – Мы об этом не осведомлены.

Махмудшах Бухари, сняв шлем, вытер платочком лысую макушку. Горный ветерок приятно освежал.

– Нет, не послал гонца...

– Ийе! Почему же? Почему же?...

– Гонца не послал... – повторил спокойно Махмудшах Бухари, как будто не замечая его раздражения. Почувствовав скверный запах изо рта собеседника, он отвернулся в сторону и продолжил: – Гонца не послал... Я сам посетил его!

– Так бы и сказали! Так бы и сказали! Ха-ха!...

– А с чем вернулся Ауфа тавачи? Вы знаете? – в свою очередь спросил Махмудшах Бухари, бросив мимолетный взгляд на собеседника. Его узкие глаза, казалось, всегда смеялись.

– Не-ет... – решил все выведать Амир Кайхусрав, хотя давно разузнал от сына Султана Махмуда о поездке послов.

В это время со стороны Ташкента послышались отчетливые звуки рожка и карнаев. У входа в устье сначала показалась личная охрана султана Турана. Амир Кайхусрав узнал личного придворного Сахибкирана Мухаммада Чурагу додхах. Да, Мухаммад Чурага додхах приехал раньше, чтобы узнать, как идет подготовка к встрече Сахибкирана и, если понадобится, самому возглавить организацию встречи. Месяц тому назад, когда они еще были в Ташкенте, Амир Довуд дуглат послал к нему гонца, хотел узнать, какова будет воля Хумаюн урду на этот счет. Острые глаза высокопоставленного придворного еще издали увидели темно-голубой флаг государства, гордо развевающийся на крутом утесе. На нем блестили три кольца, изображенные параллельно. Этот флаг с прошлого года по указу Амира Темура стал символом государства.

– Сахибкиран хочет сосватать Ханзаду ханум за любимого сына принца Джахангира Мирзу... Говорят, они хотят породниться...

Повелитель Туркестана Амир Хусейн тоже хотел послать сватов в Хорезм к прославленной красавице, тогда это возмутило Амира Кайхусрава, и он специально приехал в Хорезм и наметнул об этом Хусайну Суфи. С другой стороны, когда в Таткенте родилась дочь Амира Кайхусрава Рукия ханика, Амир Темур перед накрытым столом – самолично изъявил желание сосватать девочку за Джахангира Мирзу! Где его обет верности? Да, Ханзада ханум внучка Узбекхана, но и Рукия ханика тоже из племени чингизидов. Теперь вместо Рукии ханики выбрали Ханзаду ханум? Как бы не так! Амир Кайхусрав стал тяжело охать, как будто заняла старая рана:

– Хо-хо, хо-хо-о-о!.. Ишь, чего захотели? Куда метят! Желают породниться с родом Узбекхана!..

– Тихо! Тише!.. – попытался успокоить его хаким Бухары. Он неспеша вытер повисшую каплю с кончика носа Амира Кайхусрава и продолжил шепотом: – Я это говорю не для того, чтобы раздражать вас. Боже упаси! У меня другое предложение. Если вы, конечно, не против... Ваш сын – богатырь Султан Махмуд вырос прекрасным юношей на зависть всем. Если вы попросите руки Ханзады ханум для Султана Махмуда, то мы одной стрелой убьем сразу двух зайцев. Не двух зайцев, а считайте, двух львов! Да! Во-первых, мечта Амира Темура не осуществится. Во-вторых, дружба с хорезмшахом перерастет в крепкие родственные связи. И мы, как плод абрикоса, в косточке объединим и нашу, и мощную силу хорезмшахов. Одни мы не справимся с Амиром Темуром. Это, как день, ясно! А хорезмшах вам не откажет, нет, не сможет отказать...

Амир Кайхусрав был вне себя от ярости, а хаким Бухары искусно подливал масла в огонь. Хаким Хутталана не успел ответить, раздался голоса:

– Глашатаи Хумаюн урду! Хумаюн урду гла-ша-та-и!...

– Эй, люди, люди, не говорите, что не слышали! Прибывает Его Высокопревосходительство Абулмузаффар Абулмансур Сахибкиран Амир Темур Кураг-а-а-а-ан!

Наконец, показался сверкающий на солнце белый аргамак Амира Темура. Сахибкиран величаво сидел в золотом седле, упираясь ногами о золотые стремена. В тот же момент прекратились зрелищные представления на площадке, внимание всех было обращено на север... Сначала шагах в тридцати выступала охрана султана. Следом, держа за золотые поводья, вели белого аргамака амир ул-умар Амир Жаку барлас и визирь Амир Сайфи-дин некуз. Воины спешили и строем шли за Сахибкираном. Когда дошли до алых пла-

менеющих ковров, Аббас бахадур и Мухаммад Чурага додхах помогли султану слезть с коня. Амир Темур направился к золотому трону...

Прозвучали девять позывных рожка. Сурнай проголосил девять пронзительных мелодий. Карнай протрубил девять раз... Все воспрянули духом.

Духовный наставник Мир Сайид Барака занял свое почетное место справа от трона. Началась церемония поздравления. Зычный голос Мухаммада Чураги додхах объявил:

– Хан Туранской земли господин Суюргатмишхан! – Суюргатмишхан, встав на колени перед троном, девять раз отвесил поклон:

– С великой победой, Амир Сахибкиран! – хан поцеловал полы царского бархатного халата и провел рукой по глазам в знак почтения. Амир Довуд дуглат, целуя царственный наряд, с почтением пробасил:

– Дай вам Бог здоровья во имя нашего счастья!

Хаким Бухары Махмудшах Бухари приступил к обряду «целования», хаким Хутталана Амир Кайхусрав ждал своей очереди и ломал голову, как ему встать на колени. У амира старая болезнь – ревматизм ног.

Он незаметно обернулся. За ним следовали хаким Хисари Шадман Шайх Мухаммад Баен сулдуз, хакимы Андижана, Ташкента, беки, тысячники, старейшины кишлаков... Это была бесконечная цепь, которую нельзя разорвать и разрушить. Пожелавший вырваться – сам разорвется...

Когда Амир Кайхусрав встал на колени, заныло все тело, он задрожал, лицо от муки чуть не исказилось! На его лбу выступили капельки холодного пота. Амир Темур заметил на лице Амира Кайхусрава неестественную улыбку и отнес это за счет бывших притязаний хакима Хутталана.

Очередь дошла до детей Сахибкирана.

– Здравствуйте, мой достопочтенный отец! – поклонился Джахангир Мирза, приложив правую руку к груди.

Амир Темур кивком ответил на приветствие. Когда статный принц выполнял обряд поздравления, Амир Темур заметил, что его сын за эти три месяца еще больше возмужал, лицо украшали смольные усы.

Амиру Темуру нестерпимо захотелось встать, обнять сына, похвалиться таким сыном перед честным народом, но он сдержался. Подошли Ширин бика, Ока Беги ханум и Султан Бахт бегим в сопровождении Кутлуг Туркан оки.

По завершению церемонии поздравления слуги подготовили место на коврах, выстланных перед троном. Амир Темур сошел с трона, сел на мягкие позолоченные тюфяки, облокотился на пуховые подушки, с наслаждением вытянув правую больную ногу и показав тем самым, что официальная часть закончена и настало время спокойного отдыха. Прежде чем прочитать молитву, духовный наставник нашел нужным сказать:

– Его святейшество великий наш пророк, посланник Аллаха, да будет мир над ним, говорил: «Разумно и праведно прожитый час жизни царя лучше вознесения молитв в течение шестидесяти лет...» Глядите, родник успеха и власти питается водой смелости... Сад счастья и благоденствия благоустраивается и изобилует мощью и славой падишахов... Этот меч достоин рук тех падишахов, которые выбрали путь справедливости. Да будет еще лучше и краше жизнь Амира Темура, ишущего силу в справедливости, да будет меч его твердым и закаленным! Хвала Аллаху, Господу миров! Аминь! Аллах велик!

– А-а-а-мины! Аллах велик! – с этими словами собравшиеся открыли для священной молитвы ладони рук.

Только после этого стали накрывать разнообразными блюдами царский дастархан. Музыканты взялись за свои инструменты, и зазвучала триумфальная мелодия «Шодие-на». Голоса известнейших во всем мире певцов заполнили живописное ущелье. Веселье, зрелища, представления продолжались до вечера.

Алуфа тавачи сообщил диванбегі¹ Амиру Довуду дуглату и Мухаммаду Чураге додха-ху о своем возвращении из Хорезма с посланием хорезмшаха Хусайна Суфи Сахибкирану. Он с нетерпением ждал приглашения в Хумаюн урду и был очень встревожен.

Через какое-то время Мухаммад Чурага додхах позвал:

– Господин Алуфа тавачи! В Хумаюн урду! В Хумаюн урду!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

I

Утро в Самарканде восхитительно.

Сохибкиран приказал немедленно пригласить в Хумаюн урду хана Турана его Величество Суюргатмишхана, визиря Амира Сайфиiddина некуза и амира ул-умара Амира Жаку барласа.

¹ Диванбегі - сановник, управляющий государственной канцелярией.

Прежде, чем предпринять какой-либо шаг, Амир Темур считал, что нужно сначала просчитать все варианты возможного исхода дела. Отправляя Алуфу тавачи в Хорезм, он допускал возможность отрицательного ответа. К сожалению, так оно и случилось. «Неужели у себя на родине, в своем доме, мне придется поднять саблю, неужто я вынужден буду идти войной на Хорезм?..» — мучился вопросом Сахибкиран.

В это время Мухаммад Чурага додхак доложил, что хан Суюргатмишхан и амиры ждут аудиенции.

— Пусть войдут!

Амир Темур указал гостям место справа от трона.

— Господа, одна из наших задач — уважение к противнику и попытка мирного урегулирования спорного вопроса! — Голос Амира Темура звучал как всегда спокойно и сдержанно.

Все сразу поняли, о чем пойдет речь, и переглянулись.

— Действительно, это признак доблести и благородства! — подтвердил хан.

— Нет никакого сомнения в этом, Амир Сахибкиран! — присоединился Амир Сайфидин некуз.

— Соблюдать нормы шариата, благочестия, призвать противника поступать честно и справедливо, напомнить о нежелательных последствиях войны — это действия мужественного человека. — Слова Амира Темура звучали твердо и убедительно. — Если противник не образумится, не внемлет справедливому совету, не отступится от своей гордыни, то вина падет на толстую шею этого строптивого врага...

— Вы абсолютно правы! Если балзам не помог, иного выхода нет, придется применить лезвие... — подтвердил Амир Жаку барлас.

В поступках султана Турана есть резон. Амир Темур не хочет завоевывать другую страну, он стремится соединить разбитые части сосуда, восстановить свое государство, объединив его! Да-да, объединить! К тому же он не наступает без предупреждения, а, следуя примеру справедливых царей, дает противнику шанс, отправив послов — хочет решить дело мирно. Сам Аллах этому свидетель!..

Прошло два месяца...

В конце месяца хамаль 773 года хиджры¹ в Хорезме началась грандиозная свадьба. Хорезмшах Хусайн Суфи выдавал свою дочь Икбол бику замуж за доблестного Жакан Малика, сына влиятельного амира Ходжи Шаха. Ежедневно по утрам во дворце шаха раздавались звуки карнаев и сурнаев, приглашающие жителей столицы, учащихся медресе, приезжих из караван-сарая Кайсария на свадьбу. За свадебным дастарханом множество гостей, нескончаемые зрелищные представления радуют глаз. Страна предается свадебному веселью, олицетворяющему саму жизнь...

На шестой день свадьбы после полудня со стороны Гурлана прискакал всадник на взмыленной гнедой лошади. Путник был удивлен праздничными звуками карнаев и сурнаев...

— Эй, там, есть ли кто? Есть ли кто-нибудь? — кричал он. — Откройте ворота! Скорее!

Командант города Бекходжа, стоявший сверху, не поверил глазам:

— Менглиходжа? Хаким Гурлана?..

Открыли ворота. Менглиходжа спешил, едва переводя дух. Это был тридцатипятилетний круглолицый богатырь с маленькими узкими глазами.

— Несчастье, бек, беда пришла! — Амир Гурлан широко распахнутыми глазами смотрел на Бекходжу. — Что за напасть? Несчастье постигло, несчастье! Воины султана Самарканда Амир Темура разорили наш дом. Они прошли через местечко Сепоя у реки Жайхун и взяли город Кат... Враг, как буря, жесток и нахрапист.

— Нужно срочно сообщить Его Величеству хорезмшаху Хусайну Суфи. Срочно!

Бекходжа кое-как нашел дворцового слугу и объяснил ему что-то. Тот поспешил к хорезмшаху. Ни Бекходжа, ни Менглиходжа из-за праздничного столпотворения не увидели, как слуга передал известие хорезмшаху.

Дворцовый слуга, подбежав к ним, пригласил их в приемную хорезмшаха. В роскошном зале их с нетерпением ожидали раздраженные хорезмшах Хусайн Суфи и плоский, лет тридцати пяти, Юсуф Суфи, беспрестанно скрипевший зубами.

Амир Гурлана поклонился, опустившись на колени, воздал почести и рассказал об ужасном происшествии.

Хорезмшах Хусайн Суфи вдруг побледнел и стал задыхаться. Побежали за водой. Приворный лекарь сказал, что Его Величество хорезмшах слегка переутомился, что ему нужен покой и отдых. Его отвели в отдельную комнату.

Ночью на совет были собраны все военачальники.

Юсуф Суфи рассказал о том, что был собран совет и определена стоянка войск. Хорезмшах не скрыл своего удовлетворения: слова Шах Юсуфа «Поговорим с хромым Темуром на языке сабли!» ему очень понравились.

¹ Март 1372 г. н.э.

Свадьба была наспех завершена. Все были в панике.

Смеркалось.

Именно в это время со стороны речки Жуйи Кавун, в двух фарсах от Гурганжа, прибыл гонец:

– Ваше величество! Ваше величество! – задыхался гонец. – Дозор сообщил, что приближаются несметные вражеские полчища. Число воинов не исчислимо, говорят, во главе войска сам свирепый хромой Темур. По словам очевидцев, никто не может с ним сравниться!

Эта неожиданная весть не на шутку обеспокоила Хусайна Суфи. Армия Хорезмшаха не сравнится с ратью Амира Темура. Их сила в количестве. Он чувствовал это. Действовать на авось – неразумно... Лучше умереть, чем быть побежденным. Что же делать? Что же делать?! Что?! Что?! Мучился он, пока не пришли на машварат Юсуф Суфи, Ходжа Шайхзаде и другие сановники.

– Только сабля поможет! Сабля! Сабля! – громко и решительно сказал Юсуф Суфи.

Хорезмшах посмотрел на бекларбегу Ходжу Шайхзаде, желая услышать его мнение.

– Я ни пылинки нашей родины не желаю отдать нашему врагу! – сказал Ходжа Шайхзаде. – Это ясно как утреннее солнце. Великий падишах, вы правильно сказали, положение тяжелое и неопределенное... как бы сказать... Нельзя пренебрегать очевидным. Нужно все взвесить. Сейчас нам не справиться с войском хромого Темура. К сожалению, это так. Поэтому нужно отправить послов, попросить перемирия, чтобы он возвратился обратно. Чтобы копыта вражеского коня не ступили в наш город. Говорят, Амир Темур склонен и податлив к переговорам и перемириям. Так воспользуемся этим и, уловив момент, взвесим, что к чему, соберем дополнительные силы из соседних городов и кишлаков, усилим мощь наших войск. Как бы сказать... Наши сабли в ножнах, их, Ваше высочество, в любое время можно обнажить...

Хорезмшах Хусайн Суфи понял, что в горькой речи бекларбегу скрыта истина. В ней верно определена картина настоящего. Тут он вспомнил послание Амира Темура. Если бы он тогда, безгранично веря в свое могущество, не дал резкого ответа, а пошел бы на компромисс... К сожалению, время упущено...

– Эй, столпы государства! Заключить перемирие с врагом – это еще не значит, что мы побеждены, – сказал хорезмшах. – Это древний прием во внешних отношениях между царствами, путь взаимных согласий... это... Господин начальник крепости! С утра отправляйтесь к Амиру Темуру! Узнайте, какие требования предъявляет султан Турана. Необходимо, чтоб он во что бы то ни стало отказался от наступления.

Когда машварат уже подходил к концу, привратник объявил о гонце:

– Покровитель мира! Явился срочный посол от хакима Хутталана Амира Кайхусрава Курагана!

Срочным послом был Тармачук, бывший сначала у Амира Мусы, а теперь у хакима Хутталана доверенным человеком. Посол в хорезмской папaxe остановился в десяти шагах от трона, встал на колени, поцеловал землю, вытащил из-за пазухи свиток и бережно передал хорезмшаху.

«Яркой звезде правоверных мусульман, лучшему из султанов мира, царю Хорезмского государства Его Высокопревосходительству хорезмшаху Хусайну Суфи... Прежде всего, величественно кланяется до земли и выражает свое уважение Ваш друг... Время чрезвычайно ограничено и жестоко. Вынуждены довести до вас, что султан Турана, упрямец Амир Темур Кураган, желает захватить Хорезм. Мы сделали очень многое, чтобы он не предпринимал такого шага, но все оказалось бесполезным, как дождь, падающий на камень... Кат, Хевак, Гурлан уже в руках Амира Темура. Через два дня он может быть в Гурганже... Следовательно спешим дать Вам совет. Прежде всего, Вы ни в коем случае не доверяйтесь ему, не открывайте врата дружбы. Затем, ни в коем случае не соглашайтесь заключать перемирие. Сейчас войско Турана разбросано, после взятия Гурлана, забыв о былой славе, воины разбрелись кто куда, все заняты только грабежом... Уловив удобное время, Ваше величество должны подойти со своими доблестными хорезмскими войсками к речке Жуйи Кавун, в самый разгар боя мы со своими славными нукерами отделимся от войск Турана и, волею Аллаха, присоединимся к вам. Над войском будет развеваться белый флаг, это будет символом нашей отваги, знаком нашего решительного шага... Мы, два войска, уничтожим Амира Темура! Избавимся от нашего страшного врага!

С нетленным приветом, молящийся за Вас ваш преданный друг Амир Кайхусрав Кураган Хутталани.

773 год хиджры 5-день месяца савр. Город Кат.»

Текст послания, вызвал во дворце радостные крики, хотя каждый выражал свое отношение к посланию.

– Мы считали, что воинов наших мало... Сам Бог послал нам подмогу, – не скрывал своей радости Юсуф Суфи. – Теперь мы проучим хромого Темура, зададим ему трепку! Да!

– Да, проучим его! – крикнул амир Гурлана.

Хорезмшах посмотрел на Ходжу Шайхзаде, будто вопрошая: «Ну, что скажете на это?» Все молчали.

– Положение изменилось, Ваше величество! Как бы сказать... Теперь можно встретиться с врагом лицом к лицу! Вражье войско изнутри начало разлагаться, Амир Кайхусрав перейдет на нашу сторону. Несомненно, это милость Аллаха, покровитель мира! Да, Бог сам сохранит наше хорезмское государство!

В это время Тармачук попросил разрешения уйти.

Хорезмшах быстро вызвал своего писаря и велел написать ответное послание. Писарь взял в руки карандаш:

«Нашему верному и преданному другу, господину Амиру Кайхусраву Кураган Хутталани.

Накануне наступления нашего смертельного врага Ваше послание стало бальзамом для души, силой для наших рук. Мы приняли ваш достославный совет. Ваше отделение от войск Турана на берегу речки Жуйи Кавун, господин амир, и ваш переход на сторону Хорезма, волею Аллаха, решит судьбу Амира Темура. Будьте спокойны: как вы сказали, мы не откроем врагу врата дружбы, не пойдем на перемирие! Горим желанием быстрее увидеть ваш белый флаг, развевающийся над Жуйи Кавун.

С приветом

Хорезмшах Хусайн Суфи. 773 год хиджры, 13-ый день месяца савр, город Гурганж».

Тармачук взял свиток с золоченой бахромой, провел им по глазам в знак глубочайшего уважения и, положив за пазуху и отведя поклон, покинул дворец

Кутвал Гурганжа Бекходжа не понимал, идти ему завтра утром заключать перемирие или нет...

III

Хорезмшах Хусайн Суфи решил не допускать врага дальше Жуйи Кавуна и велел бекларбегу Ходже Шайхзаде под звуки барабанов и труб смело выводить из крепости армию. Хорезмские войска, горя желанием сразаться, с гиканьем и криком направились на берег Жуйи Ковун, что в двух йигача¹ от города.

Воины Амира Темура на самом деле расслабились и в поисках добычи разбрелись кто куда. Амир Кайхусрав был прав, когда писал об этом. Повелитель Турана решил начать поход на Хорезм чуть позже, он все еще надеялся на перемирие, хотел еще раз отправить туда своего посла, ему не хотелось зря проливать кровь... Но когда его сердце наполнилось добрыми намерениями, Сахибкирану вручили свиток, отнятый у Тармачука, доверенного Амира Кайхусрава...

Амир Темур велел Мавляна Убайду огласить принесенное послание. Со словами: «Слава Аллаху милостивому и милосердному» тот стал выразительно читать тонким голосом... По мере чтения густые черные брови Амира Темура сходились на переносище, а в больших глазах засверкали искры недоуменной ярости, он невольно стал теревить пальцами кончик бороды... Да, в одном хадисе сказано: несправим человек, который всю жизнь творил злодеяния. Он не успокоится до тех пор, пока жив, пока не ответит злом тому, от кого получал добро... Какая великая мудрость! Подлость Амира Кайхусрава переполнила чашу терпения, у Амира Темура закипела кровь в жилах. Но он взял себя в руки. Дал задание амир ул-умара Амиру Жаку барласу:

– Ворваться в шатер хакима Хутталана, задержать его немедленно и никуда не выпускать, не трогать, не наносить никаких увечий! Чтобы никто ничего не знал! Воинов его разделить на семь частей и рассредоточить по войскам!

Амир Темур помолчал и задумчиво сказал:

– После Хорезма тщательно проверим все, что связано с ним, а потом придем к какому-то решению... Вот уж год, как он советует напасть на Хорезм, напасть... Вот теперь понятно, к чему он клонил...

Амир Жаку барлас пошел выполнять высочайший указ.

...Когда войска Турана прибыли к месту назначения, на противоположном берегу Жуйи Ковун уже стояло могущественное хорезмское войско. Амир Темур проверил готовность передовых подразделений, правого и левого флангов. Ни одна из сторон не осмеливалась начать бой. Но трубы с обеих сторон давно призывали к бою. От оглушительного рева труб земля дрожит, закладывает уши. Солнце изумленно неподвижно стоит в зените.

Амир Темур выразительно посмотрел на Суюргатмишхана. Хан Туркестана подошел к речке и собственноручно пустил стрелу в сторону врага, начальник крепости Хорезма покинулся назад. Это вдохновило нукеров. Окрестности наполнились криками: «Бей!» «Ах!» «Ох!», «Руби!», всюду был слышен звон сабель.

Амир Темур, стоя на возвышенности, наблюдал за битвой и был недоволен ходом сражения. Больше он не мог оставаться безучастным. Ему захотелось тотчас броситься в бой, быть рядом со своими самоотверженными воинами. Несмотря на просьбы Мухаммада Чурагу додхаха,

¹ Йигач – мера длины: один йигач – примерно равен 12 км.

Темурбек хотел было направить своего коня с сторону холодных быстротекущих вод Жуйи Кавуна, но подбежал принц Джахангир Мирза и, удерживая поводья аргамака, воскликнул:

– Помилуйте, мой достопочтенный Сахибикиран! Окажите нам милость! Прошу, не делайте этого! Повремените немного! Даст Бог, наступит благоприятный момент перейти речку!

После полудня появился, тяжело дыша, Юсуф Суфи. На его бледном лбу образовалась мрачная складка, лицо темнее тучи. Посмотрев на хорезмшаха, невозмутимо сидевшего на троне, он, глядя в сторону, с горечью произнес:

– Положение тяжелое, великий брат! Нужно срочно отступать, иначе мы все погибнем! Нужно скорее добраться до крепости и наглухо закрыть ворота! Воины хромого Темура не люди, а дьяволы, ничего не боятся! Трудно справиться с ними... Да!...

– Шах Юсуф, может быть, Амир Кайхусрав еще появится ...

Голос Хусайна Суфи звучал неуверенно, и это еще сильнее действовало на Юсуфа Суфи:

– Теперь нет резона ждать, мой брат! – Зубы Шах Юсуфа невольно заскрипели. – У нас колоссальные потери, восемь из десяти погибших на поле брани – это наши нукеры... К хромому Темуру отовсюду идет подмога. Велите скорее, надо отступать! Нужно удерживать крепость!

– Бекларбеги...Зовите Ходжу Шайхзаде... – ослабевшим фальцетом приказал хорезмшах своему есаулу.

Юсуф Суфи удивился, услышав этот безвольный, слабый голос. Он посмотрел на хорезмшаха и запаниковал. Хусайна Суфи охватила дрожь, крупные капли пота, выступившие на его лбу и красивом лице, поползли вниз по аккуратно подстриженной черной бороде. Правитель Хорезма пытался что-то сказать, но ему не хватало дыхания.

– Воды! Воды! – крикнул Юсуф Суфи прислуге. – Позовите лекаря!

Один за другим появились Ходжа Шайхзаде, шайхулислам Киромиддин ас-Самарканди и личный лекарь. Лекарь пощупал пульс хорезмшаха. Больной лежал на шелковой курпаче без сознания. Вдруг раздался какие-то неестественные звуки, похожие на икоту: «Хик!», «Хик!». Юсуф Суфи похолодел: неужели его брат собрался на тот свет?! Неужто?... Шайхулислам стал читать Коран у изголовья Хусайна Суфи. Усилия личного лекаря на сей раз оказались тщетны. Через минуту хорезмшах покинул этот мир.

Войскам Турана, достигшим крепостных стен, пришлось несколько дней простоять перед воротами. Никто не выходил из крепости. Люди Амира Темура вернулись, не имея возможности проникнуть туда. Наконец, один из гонцов сообщил, что скончался хорезмшах Хусайн Суфи, и что в городе сейчас траур.

– Сам Хусайн Суфи был хорошим человеком, но он не сумел подобрать себе достойных соратников... – Амир Темур раскрыл руки для молитвы. – Да будет ему место в раю!

После семидневных поминок Юсуф Суфи получил послание от Амира Темура. Читая послание, начатое традиционными словами этикета, Юсуф Суфи скрипел зубами от бессилия:

«...Султан без визира, наделивший каждого правоверного мусульманина своей судьбой – это сам Аллах. Мы бесконечно сожалеем о кончине достопочтенного Хусайна Суфи хорезмшаха и сообщаем, что крайне опечалены этим событием. Теперь между нами вместо вражды и ненависти пусть воцарится спокойствие и согласие, пусть возникнет взаимная бескорыстная дружба и вместо раздора и злобы установятся самые близкие родственные отношения... Забудем вражду, станем друзьями, родственниками. Наше желание: просить любимую дочь высокопочитаемого Амира Ок Суфи Ханзаду ханум для света наших очей, престольного принца Джахангира Мирзы. Достичь согласия, заключив этот благочестивый брак... В нем наша надежда на то, что между нами исчезнет ненависть и два великих семейства соединятся между душевными и родственными узами...»

Для Юсуфа Суфи, оказавшегося в критическом положении, отклонить данное предложение было равносильно продолжению войны. К сожалению, войско ослабло, положение бедственное... Новый хорезмшах не нашел иного пути, как выразив благодарность, обещать, что без колебаний согласится на заключение брака.

Начались дипломатические переговоры между двумя влиятельными семьями...

Когда эту новость объявила Ханзада ханум, она неожиданно опечалилась, удивив тем самым свою достопочтенную мать Шакар бику.

– Я не хочу замуж, матушка... Я...

– Замолчи! Успокойся! На твою голову собирается сесть птица счастья. Сам Амир Темур Кураган сватается, будешь невесткой султана Турана, дух деда Узбекхана возрадуется. До каких пор мы будем отказывать сватам? – решительно сказала Шакар бика. – И потом, твой дядя хорезмшах Юсуф Суфи дал согласие. Нельзя ему возражать... Он же правитель, и дал слово шаха! И страна наша будет жить в мире.

(Окончание следует)

ПОЭЗИЯ

*Ты не лешай непознанному
появляться...*

Амазонка.ру

Она не поедет на дачное стойбище
с тобой, твоей мамой и вашей рассадой –
к монахам цветочно-плодовое поприще.
Ее появление – всегда эскапада
в периоде чисел и полураспада
ковчег с манилово-герценским скопищем.

Она в полнолуния готовит приваду
из слов, странно пахнущих солью и йодом,
и фразы из них – каустичней Невады,
удобренной янками ядерным плодом.

Она не вскрывает курганное горбище
с отжившими ритмами ноющей спеси.
Забилла она на тшеславия торжище
и все конденсаторы пафосной взвеси
заточенный кол – «...» и «сразу»,
имея другого порядка сокровище.

Ее не вставляет: фэншуева мода,
убой сериалов, рекламные штаммы,
прирост «одноклассников» к каждому году –
ей незачем вся эта соцфутурама.

Она не приносит венки рифм на капище.
Натужно дыша через алуя жабрѣ,
она не ползет саламандрой по кладбищу –
несбывшихся мечт с января по декабрь...
Но с ней обалденно вытапывать пастбища,
где, морду понутив, пасется слюнябрь.

Ниший. Голуби. Февраль

...а давайте-ка, я пожалею вас, люди, –
накрошу я вам солнца в ладони немного –
лунен сроком февраль и на радости скуден.
Вам еще выбирать дураков и дорогу,
растекаясь по городу каплями ртути.
Вы бы пальцы разжали... неужто убудет?
Распустите ладони цветком. Ненароком.
Я бы солнца в ладони насыпал. А, люди...?
Что, теплей и надежнее с вырванным клоком?
Да не морщитесь, милые, как от ожога,
я – никто и ничто. Пыль. Шербинка на блюде.
Но я также как вы – на ладони у бога.
И пока он второй не накроет всех... будем.

Алексей ГВАРДИН

Родился в 1965 г.
Окончил Ташкентский
госуниверси-
тет. Работает в
объединении
«Узбекмультфильм»
(ОАО «Узбекфильм»).

Член творческого
объединения худож-
ников при Академии
художеств. Участник
и призѣр междуна-
родных конкурсов кар-
рикатур. Лауреат пре-
мии «Грифон» (1993 г.).
Обладатель Гран-при за
мультфильм «Фархад и
Ширин» (2011 г.).

Каприз

...вдруг так захотелось
иметь гладкий лоб,
мозг ровный,
желательно, плоский.
Двускатную крышу над ними.
И чтоб –
под крышей
свет узкой полоской
слегка освещал небольшой
бардачок
из пары рингтонов...
в размер с кулачок
желаний простых –
без загвоздки –
отъесть и отпить...
натарашить сучок
на девочку в камнях Сваровски.
Увядавших знакомств
запыленный пучок
лежит пусть в углу как обноски...
и пусть в нем негромко
свингует сверчок –
как этих знакомств отголоски.
А что?
Хорошо. Цвирк-цвирк-цвирк –
как мотив.
Но лучше б – шуршание баков...
И кем-то использованный
позитив
пусть будет.
На случай релакса...
А то, не дай бог,
вдруг умолкнет сверчок –
и все,
вместо радуги – клякса!
Да!
Чтобы не капала на мозжечок
чужих неурядиц известка.
Уютный такой
типовой чердачок
с шелями, залитыми воском.

Но Некто мне в ухо шепнул:
«Старичок,
не поздно ли обзаводиться...?»
С таким чердачком,
ты пойми, дурачок, –
уж надо было б родиться».

Ну

Ну да... ну родился... ну школа... ну бился...
ну отслужил... ну вернулся живой...
ну это как бриться сегодня «Невой»...
ну даже не думал... ну вроде не спился...
ну да без охраны – на кой мне конвой...
ну бизнес... ну деньги... ну вмонтекарлил...
ну проласвегасил – ну ерунда...
ну дом... ну достаток... ну было б когда...
ну был... ну ловил, даже марлина багрил...
ну ел и не раз... ну еда и еда...

ну были моменты... ну да не стелился...
 ну да... ну помог... ну никто окромя...
 ну пробовал, как же... и сразу с двумя...
 ну связи – что надо... ну тоже стремился...
 ну в Альпах, конечно, сгорла и стоймя...

ну с «одноклассов» скопируют фотку...
 ну... это уж если кому припечет...
 ну постоят надо мной со свечой...
 ну погрузят... ну попьют вдоволь водку...
 ну может поплачет... и все. Ну – и ЧЕ...?

Цинк

Это – когда вранье про Ассоль
 срезано
 словно сухая мозоль
 без кровинки со среднего пальца
 вместе с памятью по скитальцу,
 брившему череп brutalный
 под ноль
 и пившему перед сырые яйца,
 а после скулившему:
 «Не неволь –
 не сыграна мной еще
 главная роль».
 Это – когда мнут ладони лицо,
 отравленное
 недосыпов свинцом,
 а под кожей такие же кости:
 как у Иорика,
 или же Кости, –
 питающегося
 дешевым винцом
 (прижившегося на погосте)
 и вбивающего в крышки гвозди.

Догма

...и был обескрылен – очеловечен.
 Низвергнут был тотчас.
 Да нет,
 просто сброшен
 в оплившую веру котла долгостроя –
 на арматуру
 земного терпенья.
 И назиданием –
 ныне и присно рядом парившим с ним –
 было паденье.

...пронзенное тело, под утро нашедший
 сторож устало подумал:
 «О, боже...
 на все твоя воля. Но разве ж так можно?...»

Папа

- Папа... а, пап... а ты смерти боишься...?
– Да, нет... не боюсь я. А смерть – это что?
– Ну как ты не знаешь, ведь ты же большой!
Вот ходишь ты куришь, вот ходишь ты злишься...
потом смерть приходит такая... аж ой!
– Как баба Яга? И с метлой и с мешком...?
А как смерть приходит? Наверно, пешком...
– Папа, а, папа... а ты мне приснишься,
когда ты от мамы уйдешь? – Спи скорей...
конечно... приснюсь... только ты не болей!
– Ну ладно, не буду. А ты рассмешишься...?
Папа, а чье там лицо на луне...?
Пап... знаешь, откуда дети бывают? –
они ведь сначала по небу летают.
А крылья им тети-врачи отрезают.
Скажи, очень больно ножом по спине?...»
– Конечно же, очень... и даже больней,
если ножом отрезательнокрыльным.
– Поэтому мамам детей раздавают,
а папы про деток потом узнавают
и любят их сильно так, сильно-пресильно!
– Наверно все так. Просто это забыл я...
– Тебе, папа, тоже отрезали крылья?

Жертвоприношение

Слышишь,
вод холодных сталь
точит ветер: жаль-жаль-жаль?..
Видишь, дым камлания
врастает в неба даль.
И наполнится Грааль
влагой расставания.

Что там смерть Сарданапала,
гарем его заколотый...
Посмотри, как расплескала
Осень кровь по золоту!

Видишь,
дворник – пьяный жрец
ворох золотых сердец
сгребает на заклание.
И поет седой скопец,
вибрируя за сотни герц,
песню о прощании.

Превратит в белесый чад
жар костра с беспечностью –
все, что день тому назад
всем казалось вечностью.

Млечный Путь, обмотав
вокруг шеи
мегасупергламурный шарф,
вне пределов иду, хорошея,
Мрака старый князь
Света юный граф.

Разделенный надвое
линией
мглы глухой и слепящего света,
я брожу и цитирую Плиния,
точно зная,
что Время – это:

только здесь и сейчас –
не более.
Пяткой звезды вминаю в темень
и присутствием глаз мозолю
разбросавшему
звездное семя.

И фланирую я
между галактик,
оказавшись тут образом частным –
теоретик безделья и практик,
ни к чему и никак
непричастный.

Надо мною
кометы проносятся,
Я иду, светом их осиян.
Гарь Египта сюда не доносится
и свободы угар
россиян.

Виджу принцип перпетуум мобиле:
можно действовать,
если предписано.
Но лауреата премии Нобеля
я не вижу
запятнанной лысины.

Виджу тусклые всплески
терафтов,
спичкой, вспыхнувшие в городах...
А здесь миры разрывает на такты –
остается лишь свет
навсегда.

Исчерпав пребывания
квоту,
за Беду, чтоб была бы она
далеко, выпью холод азота
из созвездия Чаши
до дна!

И от возлиянья
чрезмерного
я шагну на вселенский карниз –
проблежаться и болью, и скверной...
И сорвусь, оступившись вдруг,
вниз.

Насквозь
осью пронзенный земною,
я паду так, что вспыхнет трава!
И услышу слова надо мною, –
Сволочь!
Шастает по головам...

Глюк

– Какой дурак на Плюке
правду думает? ©

Глюк из глюков
всем глюкам глюк:

Линчу – линчево и на крюк.
Чатлы¹ чатлами... луц² – на Плюк!
Встала панночка на каблук,
оплетая косы вокруг.
...а ПэЖэ –
еще тот яйценюк.

Вию веки полнать недосуг.

Nemo немощен, слеп и глух.
Тень свою ловит птица Рух.
Нух давно всех послал на йух.

Йодом мазанный мир протух.

И текут:
ядовитый сок,
электрический холодок
между слов из бегущих строк.

Через запах и на восток
мухи плавно летят на юг...
и рефлексы у них, и нюх.
Возвращаются, сделав круг.

Перекован в дамоклов... плуг.
...Воланд гонит галопом суг.

Глюк.
А что еще?... Точно глюк.

¹ Чатл – денежная единица на планете Глюк.

² Луц – топливо для пелесца.

**Сайдамин
БАКИЕВ**

Родился в 1942 г. Окончил МГУ. Доктор технических наук. Имеет более 100 научных публикаций, автор 2 книг по мерфологии (изд. Москва). Представлен в международных биографических изданиях «Кто есть кто в мире», «Кто есть кто в Азии» и «2000 выдающихся интеллектуалов XXI столетия».

Дураческие законы Бакиева или введение в научную дуракологию

Сперва резвясь на жизненном просторе
Мы глупы, словно молодость сама,
Умнеем после первого же горя,
А после терпим горе от ума.

И. Губерман

Закон интеллектуального различия К. Пруткина

Гений мыслит и создает. Человек обыкновенный приводит в исполнение. Дурак пользуется и не благодарит.

Классификация Н. Макиавелли

Умы бывают трех родов: один все постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий – сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может.

Определение умного по «Пшекруй»

Умный – это человек, могущий находить убедительные оправдания собственной глупости.

Определение идиота

Идиот – это человек, чья глупость выходит за все разумные пределы.

Первый закон спора

Никогда не спорьте с дураком – люди могут не заметить между вами разницы.

Первое следствие к закону спора

Если ты согласишься с дураком, вероятно, он делает то же самое.

Следствие Бакиева к первому закону спора

Никогда не спорьте с умным, если не хотите его дискредитировать.

Бритва Хелмона

Не усматривайте злого умысла в том, что вполне объяснимо глупостью.

Постулат Катона Старшего

Умные большему учатся у дураков, чем дураки у умных.

Недоумение Бакиева

Чему, интересно, научился Катон Старший у дураков?

Аксиома А. Чехова

Умный любит учиться, а дурак – учить.

Классификационный закон Губермана

Люди делятся на умных, и тех, кто много говорит.

Вопрос Бакиева

Скажи, читательница, честно: кто многословнее – мужчины, или женщины?

Закон Коула об общем и частном разуме

Общая сумма разума на планете – величина постоянная, а население растет...

Аксиома О. Уайльда

Только неглубокие люди знают себя до самых глубин.

Отличительный признак Свентоховского

Когда умный человек начинает фразу, мы не догадываемся, как он ее кончит. Когда фразу начинает дурак – конец мы знаем наверняка.

Различительная аксиома Шекспира

Глупец думает, что он действительно умен, а мудрец знает, что он глуп.

Вторая различительная аксиома

Дурак говорит, что он умный, а умный молчит, что он дурак.

Девиз Дидро

Умен лишь тот, кто так же глуп, как мы.

Аксиома различия Зубкова

Умный может сыграть дурака, дурак умного никогда.

Аксиома различия Бакиева

Умные способны исследовать дураков как явление, а дураки не могут; причем, не только умных, но и самих себя.

Дуракографический метод Колби

Нельзя правдиво описать дурака, не затратив достаточно времени на терпеливое изучение самого себя.

Правило двусторонней лести Э. Булвер-Литтона

Дурак льстит себе самому, умный льстит дураку.

Вопрос Бакиева

Догадайся, читатель, кто кому начальник?

Наблюдение Б. Франклина

Дураки устраивают пиры, а умные едят на них.

Закон Туровского

Для дурака все умные – инакомыслящие.

Интеллектуальный прогноз В. Мозгового

Дурак не одуреет, умный не поумнеет.

Постулат А. Сухорукова

Дурак – это гений, родившийся не в свою эпоху.

Познавательная аксиома Бакиева

Чем меньше знаний и проще мышление человека, тем более ему понятен мир.

Постулат Г. Гейне

Есть вещи между землей и небом, которые не в состоянии понять не только наши философы, но и самые обыкновенные дураки.

Образовательный принцип П. Бошена

Образование может превратить дурака в ученого, но оно никогда не изгладит первородного отпечатка.

Интеллектуально-временный народный закон

Если дурак, то это надолго.

Интеллектуально-правовой народный закон

Дуракам закон не писан.

Закон А. Филатова

А у нас покоя веков

Нет суда на дураков!..

Презумпционный аспект проблемы (АИФ)

Трудно доказывать, что ты не дурак, особенно, если верно обратное.

Принцип В. Буша

Глупые мысли бывают у всякого, только умный их не высказывает.

Замечание Б. Фонтенеля

Сколько глупостей нам пришлось бы теперь говорить, если бы древние уже не сказали их раньше нас и, так сказать, не предвосхитили бы их.

Наблюдение Г. Гейне

Как разумные люди бывают часто очень глупы, так глупцы часто отличаются сообразительностью.

Аксиома Бакиева

Иногда дурак – это не диагноз, а состояние человека.

Правовой принцип Берне

Каждый человек имеет право быть дураком, но и правом надо пользоваться с некоторой умеренностью.

Рецепт Марка Твена

Лучше помалкивать и казаться дураком, чем открыть рот и окончательно развеять сомнения.

Закон М. Генина

Чем реже открываешь рот, тем меньше слышишь глупостей.

Аксиома Достоевского

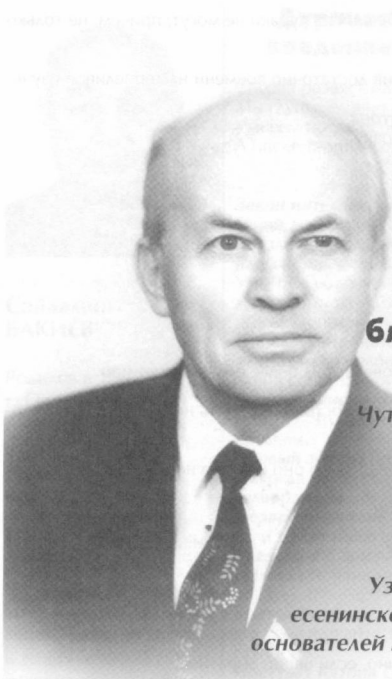
Дурак, сознавшийся, что он дурак, есть уже не дурак.

Комплиментарный закон Губермана

Дурак, который хвалит нас, умеет прямо на глазах.

(Продолжение следует)

караван истории

**Под сенью
благодарной памяти...**

Чуть более года назад ушел из жизни
известный ученый-филолог
Узбекистана, есениновед, видный
общественный деятель,
первый председатель Русского
культурного центра
Узбекистана, член Международного
есенинского общества «Радуница», один из
основателей Музея Сергея Есенина в Ташкенте
Сергей Иванович Зинин.

4 апреля 2014 г. в Русском культурном центре
Узбекистана при участии Интерцентра, представителей
Российского посольства в Узбекистане и научной
общественности прошел вечер памяти С.И.Зинина и
презентация книги воспоминаний «Вокруг себя объединив-
ший...», изданной РКЦ Узбекистана, в которой о светлой
личности, оставившей значимый след в культурной жизни
нашей страны, рассказывают люди,
близко знавшие С.И.Зинина.

О СЛОВЕ И ДЕЛЕ...

Эти строки, оставшиеся в памяти после откровенных разговоров наших в разные годы, были написаны еще тогда, когда Сергей Иванович Зинин готовился к славной своей дате – 75-летию. Мне тогда очень хотелось сделать ему что-то приятное. И взялся я за перо, как мне показалось, имея полное на это моральное право. Ведь знакомы были более полувека. Я был уже старшекурсником, а он только перешагнул порог высшей школы, когда мы «нашли» друг друга в стенах нашей alma mater. Хоть и учились мы в разных группах, но были, что немаловажно, одногодками и во многом единомышленниками, таковыми долгие годы и оставались, не теряя связи до самого конца. Написанное показал ему и спросил о впечатлении. Он прочитал и, не удержавшись, сделал, по закоренелой своей привычке, правку, внес какие-то изменения, исключив в основном слова, как ему показалось, «нескромно возвышающие его как личность». Со всем остальным согласился, поблагодарил за объективность, заявив, что все этапы его биографии изложены мною верно и что ничто не извращено.

Конечно, время прошло. Многое изменилось, привнес в душу шемящее печальное чувство в связи с безвозвратной потерей этого незаурядного человека. Но главное, помоему, осталось таким же, каким было при его жизни. Поэтому я и взял на себя смелость опубликовать ныне этот текст.

Тот, кто берется доброе рассказать о конкретной личности, конечно, наверняка, многое знает сам, что-то слышал из уст других, а что-то – от самого этого человека. Но всегда есть риск сбиться на сухое анкетное изложение, традиционно как бы скороговоркой перечисляющее: «имя – отчество – фамилия – год рождения – социальное положение – где учился – где работал – чего добился – чем награждался», ну, и так далее... Пробежит по подобным строчкам глазами читатель и без эмоций, ничего, скорее всего, не оставив в памяти, перевернет страницу, так и не поняв, кому, кроме отдела кадров или правоохранительных органов, а главное, зачем нужны все эти данные.

А если попытаться рассказать обо всем том же самым, несколько отойдя от схемы, предложенной, кажется, раз и навсегда кадровиками? Попробуем...

Итак, никуда, естественно, не денешься, он действительно родился! Произошло это радостное событие в Ташкентской области три четверти века назад (теперь – уже больше) 5 декабря 1935 года, в небольшом поселке Троицкий, как – в честь возведенной здесь церкви Святой Троицы – звался тогда нынешний крупный индустриальный центр Чирчик. Смеем предположить, что семья была счастлива, как и многие тысячи самых обычных семей, в которых появляется желанное дитя. Счастлив, вне всякого сомнения, был и ребенок. Вспомните-ка свои детские ощущения: в эту пору любой из нас пробуждался утром в эйфории, с истинным ощущением счастья.

Жизнь до поры до времени текла своим чередом. Папа Иван Иванович работал, мама Надежда Алексеевна воспитывала детей – Сергея и родившегося чуть позже Геннадия. Все шло прекрасно. Но однажды – неожиданно, как всегда, – грянула беда. Когда Сереже было четыре года, а братишке и того меньше, случилось непоправимое: мама скоропостижно скончалась. И это трагическое событие круто изменило все.

Убитые горем отец и мать покойной решили покинуть ставший для семьи столь несчастливым поселок. Сергей и его младший брат вместе с бабушкой и бабушкой вынуждены были по их настоянию уехать в киргизское село Сретенка, расположенное в тогдашней Фрунзенской области. Дед, Алексей Ефимович Берков, был человеком очень основательным и рассудительным. Глава большого семейства знал что почем, а потому, не без основания, считал, что овдовевшему зятю – родителю мальчишек – одному никак не поднять их, потому как и нужного опыта воспитателя он по молодости лет иметь никак не мог, да и материально не тянул, как ни старался. И стали ребята жить-поживать у деда, впитывая в свои формирующиеся души нравы и традиции многоликой родни, где не было ни одного бездельника, где все были труягами, где царствовали определенная мораль, дисциплина и порядок, что впоследствии послужило им добрым посылком в самостоятельной жизни.

Судьба отца – Ивана Ивановича Зинина – сложилась, как и у многих мужчин того поколения, трагично. Когда грянула «война народная» он, естественно, был призван в армию.

Воевал как все: отступал и наступал – все было. Под Сталинградом его ранило. По этой причине был «комиссован». Куда путь держать раненому солдату? Конечно, в Среднюю Азию, где находятся его сыновья и остальные, хоть и далекие, но все-таки родственники. Были, само собой, у него некоторые способности, но умениями особыми Иван Иванович не обладал. В поисках лучшей доли удавалось устроиться лишь на бухгалтерские должности, которые вели его сначала по городам Киргизии, а потом – и Узбекистана. Но ничто уже, как и у многих бывших фронтовиков, не очень обладалось отчизной, которую они защищали, не складывалось позитивно в его бытии. Ни здоровьем, ни достатком отец похвастать не мог, потому и не налаживалась никак его семейная жизнь, а значит, сыновья, которым он помочь никак и ничем не мог, продолжали оставаться на попечении деда.

Когда в 1952 году папа умер, Сережа был уже старшеклассником Сретенской средней школы, которая, вполне естественно, довела своего уже тогда упорного, упрямого в достижении цели воспитанника, как положено, до выпуска. Сами собой возникли неизбежные вопросы: «Что делать дальше?» «Как быть?» «Кем быть?» Наверное, думал он, стать военным, как отец. Аттестат зрелости с хорошими оценками вполне позволял не разлучать слова с делами, и в 1954 году Сергей подал документы в летное училище, но... подвело зрение, не сумел парень пройти строгую медицинскую комиссию и не был допущен к приемным экзаменам. Время поджимало. Метнулся, было, юноша в сторону Ташкентского политехнического института. Документы приняли. Экзамены сдал. Но по конкурсу не прошел – балла не добрал.

Уже в октябре, в соответствии с законами страны был призван на армейскую службу. Попал в войска связи Белорусского военного округа, где, не изменяя своему правилу, достаточно быстро выучившись, стал не просто радистом первого класса, а даже был назначен начальником передвижной войсковой радиостанции. Служил честно и добросовестно, не отклоняясь от требований армейских уставов. Был на хорошем счету у командования, которое в знак поощрения в 1957 году позволило, как гласил приказ, «старшине Зинину Сергею Ивановичу досрочно демобилизоваться для поступления в высшее учебное заведение».

И опять в полный рост встала перед ним проблема: «Как быть дальше? Куда подавать?» Правда, уже тогда что-то подсказывало молодому человеку, только-только расставшемуся с солдатской казармой, что небольшой, но интересный и поучительный, зачастую с забавными оттенками, опыт армейской жизни можно было бы изложить на бумаге – в назидание будущим воинам, идущим ему на смену. Так появились небольшие публикации в дивизионной, а затем и в окружной военной газете. Но ясно стало и то, что выстраивать слова, пытаться изложить свои мысли на этой самой бумаге, очень непросто, этому тоже надо учиться. Опять-таки вопрос: «Где же?»

Однако бывший сержант уже неплохо ориентировался в преподносимых жизнью проблемах и старался целенаправленно решать их, а потому, недолго раздумывая, направился в приемную комиссию Ташкентского государственного университета, чтобы подать документы на факультет журналистики. Но, увы, в группу с русским языком обучения в тот год набора не было. Поэтому пришлось передать необходимые для допуска к экзаменам бумаги на филологический факультет, тоже обещающий научить владеть тайной слов и словосочетаний.

Вот тут-то началась полоса везения, которая, кажется, уже никогда не прерывалась. Скорее, по зрелому размышлению, это не везение вообще-то, а закономерное упорное продвижение к цели. После успешной сдачи вступительных экзаменов Сергей стал студентом. Учился с удовольствием, легко и, как всегда, хорошо. В принципе, Сергей Зинин повторил, можно сказать, классическую и типичную, судьбу добросовестного среднестатистического студента того времени: жил честно, как издавна было принято говорить, грыз гранит науки.

По праву, будучи хозяином слова, данного самому себе, «пользуясь непрекращаемым авторитетом» (прошу прощения за изъезженный штамп ушедшей эпохи, но ведь из песни слова не выкинешь!), длительное время был лидером общественной молодежной организации филологического факультета, избирался вторым секретарем комитета всего университета. Во всем всегда был в первых рядах. Соответственно и оценивался по достоинству. В 1958 году, к примеру, как успешный руководитель студенческого отряда университета, помогавшего земледельцам Казахстана в уборке урожая зерна, был удостоен медали «За освоение целинных и залежных земель».

Мужал человек, учился, и, главное, в сознании Сергея менялись взгляды на значение слова как таинственного чуда. Хотелось не просто познать то, что открыто другими, а увидеть в том, что зовется словом, что-то неведомое людям вообще. Начал заниматься лингвистическими исследованиями в студенческом научном обществе. Слово, будто некий алмаз, раз за разом раскрывало перед ним свои новые грани – секреты и тайны, позволяющие складываться в сверкающий бриллиант – зримое выражение мысли. Ежегодно студент выступал с оригинальными научными сообщениями, удивляющими и сокурсников, и преподавателей своими далеко не школярскими изысканиями. Апогеем стала высокая оценка его выступления на Всесоюзной научной студенческой конференции в МГУ им. Ломоносова.

Финал студенческой жизни оказался закономерным: в 1962 году, вручив диплом «с отличием» выпускнику филфака Сергею Зинину, учитывая его знания и возможности, руководство ТашГУ предложило ему остаться на родном факультете в должности преподавателя кафедры русского языкознания. И стал он преподавателем Сергеем Ивановичем, принявшим, кстати, это предложение с нескрываемым удовольствием как должное и заслуженное, хотя и понимал, что ждут его неизбежные трудности, потому что учиться и учить – это понятия диаметрально противоположные.

За дело взялся новоспеченный педагог высшей школы так же горячо и добросовестно, как делал это всегда. Учил студентов и одновременно совершенствовался сам. Накопленный опыт позволил уже наработавшему определенный авторитет молодому преподавателю опубликовать в 1966 году ценное методическое пособие для специального семинара «Понимания и омонимия в русском языке», чем он как бы отметил свое поступление в очную аспирантуру МГУ. Однако после неожиданной кончины научного руководителя профессора С.А.Копорского, последовавшей в 1967 году, был вынужден перевестись в заочную аспирантуру, где под руководством ведущего научного сотрудника Института языкознания АН СССР доктора филологических наук А.В.Суперанской стал работать над другой предложенной диссертационной темой – по русской исторической ономастике.

Его научные интересы были определены проблемами общей и русской ономастики. Об этом лучше всего свидетельствует хотя бы краткий перечень публикаций научных статей разных лет: «Имена собственные и русская лексикография», «Русские «некалендарные» личные имена в Таможенных книгах Московского государства XVII века», «О личных именах в произведениях Д.И.Фонвизина», «О Словаре личных имен русской литературы XVIII века» и целый ряд других. В научном мире всегда вызывали интерес его регулярные выступления на Всесоюзных ономастических конференциях.

В 1969 году Сергей Иванович Зинин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Русская антропонимия XVII – XVIII вв. (на материале переписных книг городов России)», а через два года он стал доцентом кафедры общего языкознания. Достаточно высокая должность и звание ничуть не изменили его отношения к работе, к коллегам и, главное, к всегда любящим его студентам, общаясь с которыми он во все времена находил общий язык.

Как говорится, на кого грузят, тот и везет. С 1970 по 1975 годы он заместитель декана филологического факультета, в 1979 году по конкурсу избирается на должность заведующего кафедрой русского языкознания, затем с 1982 года руководит вновь образованной кафедрой истории и диалектологии русского языка, а с 1985 года доцент С.И.Зинин возглавляет в университете межфакультетскую кафедру русского языка.

Все более весомым становится багаж знаний. С.И.Зинин готовит и издает ряд ценных учебно-методических пособий, им опубликовано более ста научных статей по общему и русскому языкознанию, ономастике, книговедению и библиографии. Успешно осуществляется научное руководство соискателями ученых степеней: три его аспиранта защитили кандидатские диссертации по ономастике и социолингвистике.

Высокий авторитет педагога-ученого позволил ему достойно представлять науку Узбекистана за рубежом, куда он дважды выезжал для преподавания русского языка. В 1975-1976 годах Сергей Иванович трудился в Айншамском университете (Египет), а в 1981-1982 годах – в Университете Тенрико (Япония).

С 1986 по 1990 годы С.И.Зинин занимает должность заведующего отделом русского языка и литературы Академии наук Узбекистана. К его заслугам можно смело отнести активизацию социолингвистических исследований в нашей стране в связи с вышедшими на новый уровень межязыковыми отношениями. Он был одним из инициаторов и организаторов проведения в 1989 году в Ташкенте Межреспубликанской конференции по актуальным языковым вопросам, многие из которых не потеряли своей актуальности и сегодня. Все, связанное с проводимой в стране языковой политикой, нашло отражение в многочисленных публикациях в республиканских газетах и журналах: «Роль языка в формировании национального самосознания», «Решение современной языковой политики в Узбекистане. Проблемы реальные и мнимые», «Закон о языке: прошлое, настоящее, будущее», «Основной закон и языковая политика», «Чтобы избежать ошибок. Статья 22 Закона «О государственном языке Узбекской ССР» вступила в силу», – это лишь некоторые из них.

Обретенный за долгие годы, достаточно богатый опыт общественных отношений, успехи в педагогической и научной деятельности выводят С.И.Зинина на еще более высокую государственную орбиту. В 1990 году он избирается депутатом Верховного Совета Узбекистана, становится заместителем председателя, а затем секретарем комитета по науке, образованию и культуре Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Сергей Иванович принимает непосредственное участие в разработке законов «О государственных символах», «О государственном языке», «Об общественных организациях» и ряда других, не менее значимых. Входил в состав Парламентской делегации Олий Мажлиса во время официальной встречи с Парламент-

ской делегацией Государственной Думы Российской Федерации в Москве. Дважды, в 1995 и 2000 годах, С.И.Зинин переизбирался в высший законодательный орган власти республики. Его заслуги на этом поприще отмечены медалью «Шухрат».

Не могу не сказать о том, что на протяжении всего времени нашего тесного общения, он живо откликался на любой призыв выступить в печати, по радио или телевидению. Говорил он легко, просто. Не каждому дано так четко излагать свои мысли. Он был профессионалом высокого класса, специалистом и потому всегда знал о чем и что говорить у микрофона.

Думается, мне здесь следует прерваться, потому что остальные авторы, тесно связанные с С.И.Зининым на тех или иных этапах его жизни, конечно, более подробно изложат свое видение его личности. Расскажут о нем как об одном из инициаторов создания в Ташкенте Музея Сергея Есенина, редакторе и издате бюллетеня «Мир Есенина», основателе Республиканского общества книголюбов, о его увлеченности экслибрисами, о том, как он руководил Русским культурным центром Узбекистана, а также о многих-многих других деталях биографии доброго, отзывчивого к нуждам других и очень порядочного человека.

Эней ДАВШАН,

Член Союза журналистов Узбекистана

ФИЛОЛОГ-РУСИСТ ШИРОКОГО КРУГА НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ...

Имя Сергея Ивановича Зинина известно не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами.

Его первые научные исследования связаны с проблемами ономастики: «Имя собственное и контекст», «Микротопонимия Ташкента», «Русские «некалендарные» личные имена в Таможенных книгах Московского государства» – темы его докладов на научных конференциях аспирантов ТашГУ. Интересовала его и практика лексикографирования имен собственных. В статьях «Имена собственные и лексикография», «О словнике «Словаря русских фамильных прозваний XVII века», «Словари русских личных имен», «Создадим словарь современных русских фамилий» он поднимает и анализирует вопросы методики отбора, семантизации, презентации ономастического материала в специальных словарях.

По результатам диссертационного исследования им издано учебное пособие для студентов-филологов «Введение в русскую антропониимию» (Ташкент, 1972г.), в котором прослеживается история формирования русской антропонимической формулы на различных временных срезах. В его основу положен богатейший фактический материал – рукописные списки из фондов Разрядного приказа, ревизские сказки, переписные списки XVII-XVIII веков более десятка городов различных диалектных зон.

С.И.Зинин убедительно доказывает, что выработка трехчленной антропонимической формулы шла не так прямолинейно, как казалось некоторым исследователям. В древнерусских памятниках, отмечает он, встречаются формулы, в которых, например, полностью прослеживается родословная: «Владимир Святославович, внук Всеволож, правнук Ольгов, праправнук Святославль, прашур великого Владимира». В именование человека могло входить также прозвище (в современном понимании этого термина), а также до пяти различных неантропонимических компонентов: этно- и топонимы, указания на социальное положение, на какие-либо физические отличительные признаки или особенности характера: «Фрол Федоров сын, прозвище Русак, новгородец, вольный человек, волосом рус». Женские именованья были еще более громоздкими, т.к. включали и формулу имени мужа: «Ивановская жена Абрамова сына Замотина вдова Матрена Федосеева дочь».

Значительное место уделено в пособии описанию истории становления антропонимической терминологии. Примером могут быть интересные сведения о термине «фамилия» в XVIII в. «Фамилия» стала означать не только собственно семью, но и всю околосемейную прислугу и челядь. Близкое к современному значение зафиксировано в словаре В.И.Даля, но только на втором месте после значения «семья». В начале XX века этот термин стал употребляться в привычном нам значении: «наследственное семейное именование, прибавляемое к личному имени и переходящее от отца (или матери) к детям, а также от мужа к жене».

С.И.Зинин вел кропотливую систематизаторскую работу. Им создан библиографиче-

ский указатель «Антропонимика», включающий около 500 источников на русском языке с начала XIX века. Например, статьи Е.Болховитинова «О личных собственных именах славяноросов» 1813 г., Ф.И.Буслаева «О значении собственных имен Лютичи, Вильчи» 1851 г., А.И.Соболевского «Заметки о собственных именах в великорусских былинах» 1890 г. и др. В указателе «Ономастика республик Средней Азии и Казахстана» представлена соответствующая специальная литература за 1917-1972 гг.

В 50-60 гг. XX века активизировались исследования в области ономастики художественных произведений. Работы С.И.Зинина внесли свой вклад в процесс выработки терминологического аппарата нового раздела ономастики, сбора и осмысления литературного ономастического материала, в разработку методики его лексикографирования, а также в выявление границ и своеобразия структуры ономастического пространства художественного произведения. Вот лишь некоторые из многих его работ в этом направлении: «Антропонимия «Войны и мира» Л.Н.Толстого», «Антропонимический мир Гринландии (Имена собственные в произведениях А.Грина)», «Русская антропонимия «Записок охотника» И.С.Тургенева», «О личных именах в произведениях Д.И.Фонвизина», «О «Словаре личных имен художественной литературы XVIII века» и др.

В последние годы С.И.Зинин помещал свои работы на сайте в Интернете. Он пытался теоретически осмыслить и обобщить имеющиеся разрозненные исследования, наметить перспективы развития поэтической ономастики, выработать основные принципы методики анализа поэтонимов различных ономастических полей в рамках ономастического пространства художественного текста. Он мечтал написать общую теорию поэтической ономастики, но не успел.

Публикации С.И.Зинина в журналах «Русская речь», «Русский язык в школе», «Русский язык в национальной школе», «Звезда Востока» и газет «Правда Востока», «Вечерний Ташкент», «Народное слово», «Сырдарьинская правда», «Печать Узбекистана», «Ташкентский университет» служили делу популяризации русско-узбекских филологических и культурных связей.

Книжные знаки (экслибрисы) – еще одна сфера интересов этого разностороннего ученого-филолога. Он их увлеченно собирал, систематизировал, писал о них статьи в журналы и газеты, устраивал выставки, посвящал им заседания Общества книголюбов, организатором и руководителем которого являлся. Общество книголюбов Ташкентского университета в 70-е годы объединяло людей разного возраста и разных специальностей. В его работе с равным интересом принимали участие преподаватели и студенты, ученые с мировым именем и аспиранты, филологи и историки, работники библиотеки и сотрудники ректората. Всех Сергей Иванович заражал своей увлеченностью, активностью, разнообразием интересов. Только здесь, на заседаниях общества книголюбов, студенты-первокурсники филологического факультета могли видеть Г.И.Коляду – одного из первых заведующих кафедрой русского языкознания университета, крупного ученого-слависта, специалиста в области истории русской книжности, автора статей о жизни и деятельности первопечатника Ивана Федорова. Здесь работники библиотеки показывали членам общества редкие книги, хранящиеся в специальном фонде, рассказывали об их истории. Сергей Иванович всегда находил такие темы, которые были интересны всем.

Авторитет С.И.Зинина как серьезного ученого и активного общественного деятеля в республике был настолько высок, что он занимал ответственные должности в Верховном Совете, а затем – в Олий Мажлисе Узбекистана, где работал заместителем председателя Комитета по вопросам межнациональных отношений, секретарем Комитета по вопросам науки, образования и культуры, принимал непосредственное участие в разработке и внедрении таких законов, как «О государственном языке», «Об образовании», «О вывозе и ввозе культурных ценностей», «Об архивах» и др.

Он возглавлял учебно-методический совет по подготовке учебников русского языка для средних школ Узбекистана, сам в соавторстве с другими методистами и учителями республики создавал новейшие учебники. Созданное по его инициативе Ташкентское общество преподавателей русского языка и литературы способствует распространению передового опыта среди учителей школ, преподавателей средних специальных и высших учебных заведений.

Много статей Зинин посвятил вопросам образования в высшей школе, стал одним из авторов единственного в республике учебника по курсу «Введение в славянскую филологию» (Ташкент, 1996 г.).

Любовь к поэзии С.Есенина выразилась не только в изучении его творчества, но и в кропотливой краеведческой работе, сборе биографического материала о пребывании Есенина, членов его семьи, друзей в Туркестанском крае. Логическим продолжением этой работы стало создание музея Сергея Есенина в Ташкенте, который посещают не только жители различных областей Узбекистана, но и представители других государств. По результатам своих исследований С.И.Зинин издал ряд книг. Он принимал активное участие в организации и работе ежегодных поэтических праздников и конференций в селе Константиново Рязанской области – на родине выдающегося русского поэта. Регулярно публиковал статьи в периоди-

ческих изданиях, посвященных творчеству Есенина, выступал перед студентами с беседами о литературных местах Узбекистана и Ташкента, о местах, связанных с именем Есенина.

С.И.Зинин – наш преподаватель, читавший курс «Введение в языкознание», необходимый первокурсникам для дальнейшего успешного освоения специальности. Помнится, его мало интересовал ответ строго по билету, главным было собеседование после ответа, в ходе которого выявлялся общий лингвистический кругозор студента.

Не обходились без участия Сергея Ивановича и хлопковые кампании. Его жизнерадостность, оптимизм, постоянные шутки помогали нам в это нелегкое время.

Много воспоминаний связано со студенческими диалектологическими практиками, неизменным руководителем которых был Сергей Иванович.

Нам довелось и работать под руководством Сергея Ивановича, когда он был заведующим кафедрой русского языкознания. По его инициативе был разработан курс «Славянская палеография». Интересно вспомнить, как он контролировал занятия молодых преподавателей, стоя за дверью аудитории, чтобы не смущать начинающего лектора.

Проходит время, меняются поколения студентов и преподавателей, но остаются традиции, заложенные старшим поколением русистов университета, остается добрая память о наших учителях и коллегах.

Анна ШЕРЕМЕТЬЕВА,

Зав. кафедрой русского языкознания НУУз

Нина РОГОЗИННИКОВА,

Ст. преподаватель каф. рус. языкознания НУУз

«...ХОТЕЛОСЬ БЫ, ЧТОБЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА В ТУРКЕСТАНЕ ЧТО-ТО ПОЛЕЗНОЕ ОСТАЛОСЬ»

Сергей Иванович Зинин был из тех людей, кого в прежние времена называли «старыми туркестанцами», имея в виду крепких русских, российских людей, живущих в Средней Азии уже не в первом поколении, любящих и знающих этот край и его народ, и снискавших признание за свои человеческие и профессиональные качества. Я представляю, какие душевные терзания ему пришлось испытать, когда неумолимая диалектика жизненных обстоятельств подвигла его на переезд в Подмоскovie.

И, конечно, Сергею Ивановичу накануне отъезда, в конце августа 2011 года, и не думалось, что он покидает Узбекистан навсегда. В то последнее его ташкентское лето мне довелось довольно часто с ним встречаться – Сергей Иванович попросил оказать небольшое техническое содействие в хлопотах, неизбежных при переезде – и из его слов чувствовалось, что душой он остается с Ташкентом, предполагая приехать сюда ближайшей осенью, в крайнем случае, следующей весной. Ведь здесь оставались многочисленные друзья, коллеги, ученики, с Ташкентом были связаны разнообразные ещё не завершённые начинания из области его научных интересов.

С С.И.Зининым я познакомился в первой половине 80-х годов, во время моей работы в Ташкентском государственном университете. К тому времени он был уже маститым профессионалом. Знакомство наше было больше шапочное, общего «общительного пространства» у нас практически не было. И служебные сферы были разные, и «весовые категории» не одинаковы. Позже, служба моя сменилась, и мне вовсе не доводилось видеться с Зининым.

А потом случилось то, что назовут «крупнейшей геополитической катастрофой века», – распад Союза. Как-то неожиданно важными стали проблемы, которых раньше вроде бы и не было. В нашей многонациональной республике так же, как и в других, все бросилось искать свои корни, радеть о самобытности, скорбеть о, якобы, утраченной идентичности.

Как грибы после дождя появлялись национальные культурные центры. Был создан и русский центр, председателем его избран С.И.Зинин. К тому времени он был известен не только как педагог, ученый-филолог, но и как депутат узбекистанского парламента, в котором активно занимался вопросами культурной политики.

Я же как историк занимаюсь вопросами российской-узбекистанских, российско-среднеазиатских связей, роли и места России в Средней Азии, вклада россиян в разные сферы жизнедеятельности среднеазиатских народов. Естественно, мне захотелось установить

контакт с новообразованным центром.

Сергей Иванович тоже старался привлечь историков, понимая, что историко-краеведческая работа должна быть одним из основных направлений в деятельности культурного центра. Мы встретились, и с тех пор, я как бы «курирую» это самое историко-краеведческое направление.

С.И.Зинин был открыт для всяких новых идей и предложений, охотно и с интересом их выслушивая. Изредка то или иное предложение он находил трудно выполнимым либо преждевременным, но не навязывал своего мнения, деликатно излагая свое понимание. Доброжелательно воспринимал контраргументы и не стеснялся признать их основательность, если таковая обнаруживалась.

Ещё одна замечательная черта, характерная для С.И.Зинина, – он никогда не забывал выразить благодарность за инициативу, осуществленную акцию, причем, делал это публично. К сожалению, многие руководители разного ранга не обременяют себя этим, а между тем, доброе слово, как правило – единственное вознаграждение, на которое может рассчитывать общественный активист.

В обстановке новых идеологических тенденций последнего двадцатилетия С.И.Зинин занимал позицию здравомыслящего человека, хорошо понимающего неумолимый противоречивый ход перемен с неизбежными в такой ситуации кренами в разные стороны. Заслуживает уважения то, что он не пытался, словно флюгер, перестраиваться с каждым новым дуновением идеологических ветров.

Будучи активным человеком своего времени, С.И.Зинин состоял, конечно, и в комсомоле, и в компартии. Он придерживался атеистических взглядов и не последовал за многими воинственными атеистами предыдущего времени, в одночасье вдруг прозревшими и объявившими себя истинными верующими. Однако он с уважением относился к религии, признавал важную роль Русской Церкви в деле консолидации русских людей, не пытаясь скрывать своих атеистических взглядов, не подстраиваясь под соответствующую ситуацию.

Под руководством С.И.Зинина Русский культурный центр с первых дней своего существования наладил активное сотрудничество со Среднеазиатской епархией Русской Православной Церкви.

Зинин был одним из авторитетных (и не только в пределах Ташкента) библиофилов, знатоков книги. Обладал очень большой, буквально уникальной библиотекой, собиравшейся всю жизнь. Увы, с ней пришлось расстаться. Он щедро раздарил свое богатое книжное собрание друзьям, ученикам, коллегам. Многое было передано в библиотеку Национального университета, с которым была связана большая часть его жизни.

Очень ценное собрание книг по языковедению, ономастике, топонимике, памятников древнерусской письменности количеством более 1,5 тысяч томов С.И.Зинин подарил библиотеке Среднеазиатской епархии. Конечно, для такой библиотеки это не профильная литература, но, по крайней мере, она сохранится (хочется надеяться на это) и сохранит память о своем владельце.

В 2000-е годы мне довелось быть организатором ряда научных инициатив, осуществлявшихся под эгидой Среднеазиатской епархии – ежегодных Востоковедческих и Кирилло-Мефодиевских научных чтений, традиция проведения которых продолжается, и по сей день. И тогда я познакомился с новыми гранями Зинина-исследователя.

Сергей Иванович Зинин явился одним из инициаторов проведения в Узбекистане праздничных мероприятий в честь Дня Славянской письменности и культуры. Поэтому совершенно естественным был его живейший отклик на Кирилло-Мефодиевские чтения, в которых он охотно принимал участие. Представляемые им материалы всегда вызвали интерес: эпизоды литературной жизни Туркестана начала прошлого века, неизвестные доселе факты о среднеазиатском этапе жизни легендарного лингвиста Е.Д.Поливанова, который до сих пор малоизучен.

Даже в последние дни жизни Сергей Иванович продолжал активно работать, обрабатывая результаты архивных изысканий о Поливанове, завершая свою документально-биографическую книгу «Александр Ширавец – поэт российский и туркестанский», шлифовал другие материалы, в том числе статью «Мотивы Первой мировой войны в творчестве А. В. Ширавеца» – эта тема ещё никем не освещалась. «Хотелось бы, чтобы для истории изучения литературного процесса в Туркестане что-то полезное осталось», – писал он, за пару месяцев до смерти.

До последних дней он старался быть полезным делу, которому служил всю жизнь. Памятью о таком человеке надо дорожить.

ЮРИЙ ФЛЫГИН,

Историк, публицист, член правления РКЦ Уз.

переводы

Икром ОТАМУРОД

Родился в 1951 г.
Окончил Ташкентский
госуниверситет.
Много лет работает
в журнале «Шарк
юлдузи». Автор 13 по-
этических сборников.
Его стихи переведены
на русский, англий-
ский, немецкий, араб-
ский, французский,
азербайджанский, пер-
сидский и др. языки.

Птица

Поэма

Перевод с узбекского Айгуль Суюндиковой¹

*Птица – бессонница
каждую ночь
над моей головой
летает.*

Яннис Рицос
(греческий поэт)

Птица.
Окошко.
Вечно друг другу друзья,
любят друг друга,
друг другу – опора,
поддержка друг другу
каждое мгновение,
всегда,
особенно тогда,
когда рядом
зависть кружит.
Кружится
птица
над открытым окошечком
старого дома.
Далеко ли, близко,
но их души сроднились,
и она
испытывает нежность,
Ища средь шума тишину,
птица,
унылая, села на угол окна,
внимая шуму,
от шума
к тишине
тянется с восторгом.

Птичья цель – свить гнездо
в тишине,
погрузиться в тишину,
что ж делать ей,
когда беспокойный грохот
разрушает тишину!..

¹ Айгуль Суюндикова родилась в 1957 г. Окончила Московский литературный институт. Автор нескольких поэтических сборников, переводила стихи М. Цветаевой, А. Ахматовой, Д. Максимова, А. Абиджана.

Птица удручена,
к тишине стремится
зачем-то,
почему-то
томится,
тоскует,
горюет.
С болью рвется
стон из груди,
а Вселенную захлестывает шума петля.

Вселенная,
все вокруг
молчит,
звучат громко, все громче,
безжалостно пилят нервы
резкие гудки машин.

Разрывается птицы грудь,
Сердце удручает гибель деревьев,
здания к небу рвутся,
на куполах звонят колокола.

Птица прислушивается
к тишине,
ощущает тишину,
слышит ее стенанья.
Воображение красочно рисует
тишину,
дух захватывает
от беспредельной тишины.

Днем ловит
солнечные лучи,
в ночи соприкасается
со светом
луны,
звездами,
поддерживает
птицу в страданье
окошечко –
терпение,
окошечко –
опора...

...Ко-о-о-ог-да-то-о-о...
у птицы было
широкое небо,
безграничное,
безбрежное,
манящее ее.
Расправив крылья,
облететь его
самозабвенно
птица хотела

все, до конца...
...Ко-о-о-ог-да-то-о-о...
Небо ее
высоким было
и бездонным
было родным,
сильным,
могучим.
Птица
летала в небе,
лишь изредка
к земле
опускаясь,
птица
была надежды полна...

...Ко-о-о-ог-да-то-о-о...
Небо было синее,
голубое,
ясное и
чистое.
Горизонты сходились в небе
и в сердце птицы
тайной
пламенной...
...Ко-о-о-ог-да-то-о-о...
В небе ясные лучи
переливались радугой цветной.
Сиянье,
свет
и яркий блеск
дарили травам
чистые росы...

...Ко-о-о-ог-да-то-о-о...
Ее небо было
полно секретов:
хранило изумительные
тайны!

Птицу
ласкало волшебное
небо,
воздух был чистым,
струился, как смерч.

...Ко-о-о-ог-да-то-о-о...
Ее небо
было цельным,
полным:
ни трещин
ни расщелин.
Небо
рано или
поздно
доверчиво
открывало свою душу...

...Ко-о-о-ог-да-то-о-о...

Небо ее нежно
звало,
даль приближая.
Днем солнце,
ночью – луна,
великие светила,
освещали его...

...Ко-о-о-ог-да-то-о-о...

Небо было
тихим, спокойным,
но тревожным вдруг стало,
слившись с ее
слабым телом.
Сомкнулись с тоской:
Юг
и Запад,
Север,
Восток...

...Ко-о-о-ог-да-то-о-о...

...е-е-е не-бо-о-о...

...Птица – три начала...

...Птица – три уголка...

...Птица – три цифры...

...Птица – три поддержки...

...Птица – три движения...

...Птица – три пристанища.

...На Земле не найдя покоя,
и в небе его не найдя,
беспокойство шумит:
ждет чего-то
из небытия!
Успокаивается,
с трудом сохраняя терпение,
как будто оно
поможет.
Видит –
землю разграбили,
в небе слышит
железные крылья грохочут.
Безысходность –
предел, который разорвать
необходимо,
безысходность –
привычка соглашаться
со всем.
Птица,
парящая в небе

в беспредельной тоске
и
надежде,
смотрит на землю.

Птица
от неба оторвана,
оторвана от земли:
унылая,
недовольная,
осточертели
печальные думы,
будто
в тельце ее
вонзили клинок.

Птицу
спасает терпение,
но оно иссякает уже,
все
труднее его сохранить,
нет
уже сил у нее.

Птица
терпение ценит,
терпение бережет.
Терпение,
несомненно,
предвестник птичьего бунта.

Тревожась,
она
беспокоится,
но
даже когда
невыносимо
от непокоя, она,
увы,
вздыхая,
надеется
на терпение,
старое, как этот мир.
В сущности,
жизнь собирает свою паутину,
соединяет
все тайны и
колдовство
воедино.
Птица
надеется на терпение,
терпение
копит в себе возмущение...

...Птица
Ищет свое пространство:
где же летать,

где оседать.
 Стоны –
 пространство ее души.
 Куда же
 лететь...
 Где же
 садиться...
 стоны –
 пространство ее души...

...Обитель
 не ищет птицу,
 птица ищет ее,
 жаждет она деревьев,
 страстно мечтает о небе,
 и не обнять ей
 неба дрожащего.
 ...Сгибает ее
 трудностей груз,
 преграды стоят на пути,
 коварное время
 одно лишь спокойно.

...Птицу гнетет неволя,
 стыннут желанья в груди,
 хочется сесть –
 нет терпения,
 и не под силу взлететь...

Птица –
 отражение
 моего сердца,
 птица –
 слепок моей души.
 Приходи
 в надежный приют
 моего сердца.
 Радуйся здесь
 и свободно
 дыши,
 приходи!...

...Пустыня...
 ...Сушь,
 гибнет гусиный лук,
 дует ветер,
 поднимая пыль,
 покачивая пламени
 языки,
 израненная дорога
 спешит,
 изнемогает,
 закусив удила...
 ...Злодей-сухоевой

погубил траву,
 смешались
 земля и небо...

...Ползут, как змея,
 кружат пески,
 пошечины
 солнцу даря,
 дрожат янтaki,
 расползаются черви,
 тамариска кору
 пожирая.

Сохнет
 Земля,
 потрескались губы,
 безоглядно
 вихрь кружит.
 Внешне
 пустыня,
 как решето,
 внутри –
 сукровица
 сочится.

Рысачут гармсели,
 со всех
 сторон
 вылизывая пустыню,
 опустошая ее,
 беседуют между собой.
 Пусто.
 Голо.
 На веточку сухую
 присела бедная птица...

...Птица на небе...
 ...Величавые облака
 собираются время от времени,
 воздвужая на горизонт чадру,
 бродят, довольные,
 в миг готовы обрушиться.
 Птица тревожится,
 сердце терзает боль,
 как можно
 спокойной быть, если
 тучи
 все решительней поглаживают
 небесный круп?

Неба все меньше и меньше,
 Пыль, горизонт
 закрыт,
 запутавшись окончательно,
 птица
 тоскует, грустит.
 Птица вокруг

осмотрелась,
туманом застило взор,
мысли рассыпались,
спутались,
сливаясь со стоном
несчастной...

...Птица, в небе...
...паряшая,
дрожит.
Что же делать
ей:
рушится
старый мир!
Крылья ее, несмелые,
дрожат,
облака небесные
бурю предвешают.

Небо –
куча облаков,
их все больше, больше,
вдребезги о них разбиваются
думы,
о птице...
...Птица в небе...

...Волны
к берегам стремятся,
лакируя шебень,
разбросав по сторонам,
обрывают корни.
И из трав
связывая сети
для пней ловушки.
Рыбы танцуют
на гребне волны,
разлетаются в клочья,
столкнувшись с ситом
небесных волн,
на высокой волне
плавно колышется,
прячется солнце
за край океана,
малый луч солнца
птице спит глаза.
Хлеб добывая засушенный,
над океаном
тревожно
птица летает одна...

...Птица предчувствует...
конец...
каким он будет?
Множество признаков
смешано,

каждое мгновение
приближает его.
Все меняется
тысячи раз,
бессилие.
Ее цель –
скрыть тревогу свою,
ее душа, будто
слоенный пирог:
страх,
подозрение,
бормочут,
боятся,
тушуются,
бредят слегка.

Зависть
не упускает случая,
чтоб не забыли о ней
подсматривает,
приближая
развязку,
она очень похожа
на подлость.

Здесь, возможно,
уместно сказать
о воле судеб,
ах-ха...
Смысл всего
во Вселенной
в словах –
«да» или «нет»!

Когда, запутавшись,
слабое существо
на низость идет охотно,
долго скрывается все,
держится в тайне,
держится в тайне,
но скоро
становится явным,
бессилие...

...Вокруг...
Птица оглядывает
все вокруг –
шум и
безразличие.
Горе бродит в тишине,
тонет в тишине
глубокая печаль,
иссушающая боль,
все сильней,
все сильней
увы!..
Иссякло терпение.

Погода меняется,
хмурится,
портится,
расквиталась
с пылью.
У птицы нет выбора.
Волей судьбы
капли дождя
падают,
бьют ее больно.

Вода течет в желобах
с шумом,
тело ее насквозь
промокло.
Дождь с жалобным
стоном
вонзает струю
в край окошка.
Бок стены
глинобитный,
мочит его сильный
дождь,
взор затуманился,
тяжко на сердце.

Все дрожит,
трепещет,
трясется от
кнута дождя.
Каменные стены
радостно блестят
от веселых капель.

На краю окошка
сидит
птица,
она у Творца,
просит поддержки
для страждущих душ.
Мольба
всегда спасает
от
безысходности...

...Окошечко –
только
кусочек мира,
погруженного в тишину.
С нежностью
и надеждой
птица
тянется
к тишине.

Тишина,
как
ни трудно и тяжело,
все равно
в птичьей душе –
цифра лучей,
правопописание света
заглушают печаль.

Приближаются дни тишины,
спешат,
отражаются на настроении
птицы,
где-то брезжит
их появление.
О, боже,
свет сияет на дне тишины!

ПОЭЗИЯ

**Александр
КАМЕНСКИЙ**

Родился в 1952 г.
Лауреат многочис-
ленных фестивалей
песни. Автор сбор-
ников стихов «Семь
струн», «Камни»,
«Сказано – сделано».
Печатался в альма-
нахе «В лучах созву-
чий» (Севастополь),
в журнале «Звезда
Востока».

Встречайте – это я

Первый луч

Из-за дальней гряды, робко высунув нос,
Первый трепетный луч унесется на пик
И решая, как видно, свой важный вопрос,
Потихоньку опустится он на ледник,

А потом в синеве поплывут облака
Будет град или снег, заметелит слегка.
Ветер белые флаги на гребнях развесит
И ручьи зазвенят, а пока...

Очарованный, таю тихонько душой
И пытаюсь объять необъятную суть,
Бесконечность и миг, гром лавин и покой,
Оглянуться назад и вперед заглянуть.

Перевал застонал, распахнулся и сник.
Ветер. Ветер в лицо и небес синева!
Я душой оробел и глазами вдруг сник,
Сердце ухнуло вниз и трепещет едва....

Возвращаясь глазами потомков своих,
Преступая черту, одолев перевал,
Я, наверно, поэтому робко притих
Перед теми, кто раньше меня здесь бывал.

В осенней свежести туманной,
Как тонок яблок аромат
И на кистях рябин багряных,
Прощаясь, прячется закат,

Как гулки голоса деревни,
Мычанье стада, скрип ворот,
А на пригорке старец древний
Стоит уже, который год...

Верней сказать – какое лето.
В каких летах? – не сосчитать,
Здесь все прожито и пропето,
Постичь бы все и дополнять.

Зажглись далекие Стожары,
Уводит в вечность Млечный путь,
В глазах еще горят пожары,
Но впору лечь и отдохнуть.

А поутру в хрустальной сини
Разбудят песней петухи
И заволнуются осины,
И затрепешет лист ольхи,

В полях чернеют жирно пашни,
Кустится озимь, зелена,
Уходит жизнь, как день вчерашний,
С рождением нынешнего дня.

Утро Ташкента

Новый день рассвет встречает...

Утро. Дышится легко.

«Ста-а-ры вещи покупаем...»

«Ки-и-сло-пресно молоко-о-о !»

Просыпаются соседи

И гудит, как улей, дом,

Слышится «Салом алейкум!»

«Ва-а-лейкум ассалом!»

Поташился лифт за дверью

И пошел по кухням чад,

День крутнулся каруселью

Новый день на старый лад.

На вокзале звон трамвая

Поезд на Москву пошел,

Новый день Ташкент встречает,

Милый город. Город мой.

Восточный базар

Развал восточного базара,

Коканда, Оша, Ферганы,

Здесь слов не нужно, слов здесь – мало,

Здесь все семь чувств тебе нужны

На переливах разноцветья,

Смешенье запахов клубит,

Тут перепутаны столетья,

А жизнь ликует и кипит.

В рядах зеленщик и молочник,

Глядишь, – там специй продавец,

Мясник, травник, нон вой, лотошник,

А этот в сухофруктах спец,

В лепешках утро озаряет

Едва забрезживший рассвет,

И все собой благоухает,

Манит и шлет тебе привет,

Самса, истекшая слезою,

Шашлык уложен на мангал,

Казан уже шкварчит думбою,

Ошпаз уже на плов собрал...

У входа арбакеш скучает,

Ничипуль?, Экспенсив! Боже мой!!!

И развалившись, как Даная,

Арбузы, дыни предо мной.

Кипят прилавки зелеными,

Под овощами гнется стол,

В веках сплеталось все корнями,

От пиков, до равнин и дол.

Здесь все, во всем, на все таланты,

Поэт, художник и актер,

Философы, негоцианты,

Дехканин, грузчик и вахтер

Какой бы улицей не шел ты,

Как не крутил бы кругaley,

Базара мимо не пройдешь ты,

Как от стези судьбы своей.

Языки, сленги, диалекты,

Поверьте, здесь не нужно слов,

Иди, смотри, лови моменты

От мироздания основ.

Читая старое письмо,

Я возвращаю все назад,

Как было все давным-давно,

Вновь оживает боль утрат.

А на конверте лишь: Памир.

Поляна Луковая. Мне!

С снова оживает мир,

И днем и ночью, при Луне.

Я возвращаю эти дни,

Слагаю песни по ночам,

И снова голос твой манит,

И снова сердце пополам.

Читаю старое письмо,

А там ромашки – это мне,

Вот кто-то призрачно в окно,

Глядит и тихо шепчет мне.

Спасибо. Бог тебя храни.

Пусть будет счастлив твой покой,

Пусть будут долги твои дни,

Прости за то, что я такой

Как жаркое лето любовь остывала

Под первым осенним дождем.

И боль потихоньку в груди утихала

Под думы мои о былом.

Как долго и тонко сплетались узоры,

Хрустальные нити орнамент плели.

И как все непрочно, как все иллюзорно,

Как все быстротечно.... Пойми.

В осеннем тумане растают печали
А песни мои допоют журавли,
А я вновь умчусь в бесконечные дали
Искать там свои корабли.

А там все случится, а там все найдется,
Дорога укажет мне путь.
И сердце проснется, и что-то вернется,
Ты только надейся и будь.

Ты верь и надейся, что все еще будет,
Что эта разлука – начало пути.
А время залечит, и сердце забудет,
И все у нас там, впереди.

Разговор с дочерью

– Папа, папа! Что со мною?
Сердце бьется, ночь без сна.
Да и днем мне нет покоя...
– Это, доченька, – весна.

– Убегаю за край света,
Успеваю то и это.
Папа, папа! Что со мной?
– Это, дочка, – твоё лето.

– Грустно мне. Года идут.
Журавли уплыли в просинь.
Папа, что сейчас со мной?
– Это, дочка, – твоя осень.

– Говорю сама с собой,
За окном плывут дома.
Папа, где ты! Что со мною...?
– Это... доченька, – зима.

Видел ли, мой друг, ты звезды?
Был ли ты в горах Памира?
А вдыхал ли ты тот воздух? –
Самый лучший воздух мира!
А я был! Я точно знаю,
Все во мне переменялось,
Разбудило мою душу
И за сердце зацепилось.

Там понять порой пытался
Жизнь и суть мирских основ,
По ночам ко мне спускался
Пес с созвездья Гончих псов.
Пели песни под луною,
А когда огонь угас,
Мы душой друг друга грели
И сияньем добрых глаз.

Видел ли, мой друг, ты звезды?
Был ли ты в горах Тянь-Шаня?
А вдыхал ли ты тот воздух,
Напоенный утром ранним?
А я был! Я точно знаю,
Все во мне переменялось,
Разбудило мою душу
И за сердце зацепилось.

В черном бархате... Нет – в синем!
Впрочем, может быть и в черном.
Звезды небо полосили,
А вдали темнели горы.
Вам, друзья мои, скажу я:
Сколько жизни той осталось!
Так остаток проброжу я,
Как хотелось, как мечталось.

Видел ли, мой друг, ты звезды?
Был ли ты в горах Чимгана?
А видал ли ты то Солнце,
Что встает там утром рано?
А я был...

возвращение к читателю

Наим КАРИМОВ

Трагедия Иззата Султана «Милый чужестранец»

Иzzат Султан, человек яркого, многогранного таланта, был не только одним из основоположников узбекской школы литературоведения, но и известным драматургом и киносценаристом. Достаточно назвать два шедевра узбекского кино и театра – «Алишер Навоий», фильм и спектакль, – в создании которых он принимал непосредственное участие. В отличие от своих коллег – ученых-литературоведов – Иззат Султан на протяжении всей своей жизни постоянно обращался к художественному творчеству, где он мог больше самовыражаться. Так были написаны его пьесы «Люди с верой», «Неизвестный», «Юность гения», «Прощание с Нисо», «Огонь», «Золотые оковы», «Цитадель» и др.

Иzzат Султан, будучи представителем Комитета по изучению творчества Навои при Академии наук Узбекистана, последние сорок лет своей жизни отдал исследованию жизни и творчества великого узбекского поэта, в результате чего еще в 1969 году появился его капитальный труд «Книга признаний Навои». Жизнь и творчество Навои, вершины поэзии Востока так увлекли ученого, что он проштудировал все книги древних авторов – предшественников и современников Навои в ташкентских и московских книгохранилищах.

После ухода из жизни Иззата Атахановича Замира Султанова, его любимая жена и верный друг, обнаружила в архиве ученого бесчисленное количество незаконченных статей, воспоминаний, пьес и романов. К большому сожалению, человек эмоциональный и романтически настроенный, Иззат Султан не всегда доводил до конца однажды начатую им вещь: в его голове постоянно появлялись и исчезали все новые и новые идеи, для осуществления которых необходима была не одна жизнь.

Предлагаемая читателям журнала «Звезда Востока» незавершенная пьеса Иззата Султана посвящается воссозданию образа выдающегося государственного деятеля, поэта и писателя-мемуариста Захириддина Мухаммеда Бабура.

После поражения в сражении с шахом Шейбани Бакур вынужден был покинуть свою родину. Он перешел в Афганистан, а позже завоевал Индию. Династия бабуридов, царствовавшая в Индии триста двадцать шесть лет, оставила о себе добрую память у коренного населения, что не всегда удается завоевателям.

Неоконченная пьеса Иззата Султана называется «Милый чужестранец». Само название пьесы говорит о том, кем был для индийского народа и благодаря каким своим действиям завоевал доброе, уважительное отношение к себе Бакур.

Однако жанр пьесы определен автором как трагедия. Трагедия в двух действиях. Предлагаемая читателям часть пьесы завершается словами о возникших между сыновьями Бабура серьезных разногласиях. Возможно, именно развитие этих разногласий, по мнению автора пьесы, предопределило трагедию Бабура. Ибо на свете нет ничего страшнее для отца, чем ссора, тем более кровавая война между сыновьями. Не исключено, что трагедийность пьесы автор видел в чем-то другом, нам не известном.

Пьеса была начата автором в конце 1981 – начале 1982 года. В одном из отрывков пьесы, написанном на узбекском языке, проставлена дата – 9 января 1982 года. Этот отрывок, состоящий всего лишь из девяти страниц, отличается от русского варианта пьесы тем, что в нем имеется начало второй картины, где идет спор между индийскими и хорасанскими табибами о том, можно ли вернуть жизнь мертвецам, недавно похороненным.

Иzzат Султан, несмотря на хорошее владение русским языком, всегда писал свои художественные произведения только на родном языке. «Милый чужестранец» – это единственный случай, когда он, возможно по совету неизвестного нам работника русского театра, решил писать пьесу для русского театра.

МИЛЫЙ ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Трагедия в 2-х актах¹

Акт первый

Картина первая

На сцене темно. Из глубины сцены в лучах света к нам идет Глашатай. Он остановился на авансцене.

ГЛАШАТАЙ (торжественно). О, народ, о, жители великолепной столицы, Кабула! О счастливые подданные великого повелителя кабульского государства Захириддина Мухаммеда Бабура! Слушайте, слушайте! Не говорите потом, что вы не слышали... В великом кабульском государстве спокойно. Могушественный падишах Бакур, слава богу, здравствует. Эмиры и беки покорны своему государю. Свои дни наш любимый падишах проводит в неустанных заботах о процветании страны, о счастье своих подданных и в пышных пирах, которые и не снятся падишам других стран. Да продлит Аллах жизнь защитника нашего имущества и наших жен и детей — падишаха Захириддина Мухаммеда Бабура без конца. Аминь!

Прожектор погас. Пауза. На сцене еще темно. Начался гул многолюдного базара.

Когда сцена освещается, мы видим маленькую кривую улицу провинциального индийского городка. Это тыльная сторона базара. Сюда выходит уголок средневекового кахвахана (кафе), украшенного решеткой, оружием и посудой старинных образцов. Над этим укромным местом возвышается огромное тенистое тропическое дерево. Издали слышен шум базара. В течение всего действия сюда заглядывают редкие посетители, чтобы выпить чашку кофе. Сейчас здесь никого нет.

Вдруг базар начал сильно шуметь. По шуму можно догадаться. Что туда ворвались какие-то люди. Слышно ржание коней. Люди кричат, ругаются, плачут. Слышны обрывки речей: «Отпустите меня, я уже заплатил!», «Опять налог, когда же кончится этот грабёж?», «Мне нечем платить», «До каких пор мы будем терпеть это?», «Я не хочу в зиндан, отпустите меня!», «Я беден, дети мои голодают»...

В кафе торопливо входит человек в одежде путешественника. Он, очевидно, сбежал с базара и старается не попасть в руки тех, кто сейчас творит насилие. Он ищет здесь кого-то, но не найдя его, приходит в ужас. Путешественник растерян. Замечает кого-то за сценой. Путешественник пытается скрыться, он торопится, но в его движениях нет суеты. Его походка поцарски солидна. Это человек, которому не свойственен страх. Поколебавшись в выборе места сокрытия, он уходит из кафе, бросается на противоположную сторону, поворачивает на бо-

Иззат СУЛТАН

Родился в 1910 г.

Действительный член Академии наук Узбекистана, лауреат Государственной премии имени Бируни. Литературовед, драматург. Автор многих драм, киносценариев.

Умер в 2001 г.

¹ Учитывая, что это художественное произведение, допущенные автором исторические несоответствия, редакция оставила без изменений.

ковую улицу и исчезает. В кафе появляются его преследователи – два индийских сипахи.¹ Не обнаружив в кафе никого, первый из них жестом приказывает второму искать преследуемого на левой стороне улицы, а сам поворачивает направо. Со стороны базара выбегает молодой человек лет двадцати пяти, богатырского телосложения. Это тимуридский простой воин и борец Шахбек. Он одет как простой путник. За ним спешит по-индийски одетая молодая красивая женщина. На ней богатая одежда и украшения.

ЖЕНШИНА. Как думаешь, Шахбек, почему этот человек сбежал с базара?

ШАХБЕК. Не пойму, госпожа. Может быть, он опасается нас.

ЖЕНШИНА. Он не заметил меня. Судя по всему, он тот путешественник, о котором нам говорили в караван-сараяе.

ЖАХБЕК (с сожалением). И который ушел с тем, чтобы не вернуться туда.

ЖЕНШИНА. Да. Если мы его упустим сейчас, то не найдем скоро.

ШАХБЕК. Почему этот путешественник избегает сипахи? И сипахи гонятся за ним?

ЖЕНШИНА. Непонятно.

ШАХБЕК. А вы убеждены, моя госпожа, что сбежавший именно тот, кого мы ищем?

ЖЕНШИНА. Похож. Но не успела я как следует рассмотреть.

ШАХБЕК. По-моему, вы ошибаетесь, госпожа моя. Если это он, то почему он один? Где его спутники? Где его главный спутник Ходжа Калан?

ЖЕНШИНА. Не трать время на болтовню, Шахбек. Иди. Ищи там. Знай: если ты потеряешь этого путешественника, то твоя госпожа надолго потеряет покой. Иди скорее искать! Встретимся здесь (уходя в разные стороны улицы).

Шум базара стих. Путешественник возвращается, по-видимому, избавившись от своих преследователей. Он спокоен. Он уходит в глубь кафе и возвращается оттуда с чашкой кофе. Садится, пьет и кого-то ждет. Сипахи возвращаются. Путешественник взволнован.

ПУТЕШЕСТВЕННИК (стараясь опередить сипахи своей учтивостью). Привет, добрые люди!

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. Ты чужестранец?

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Да. Я путешественник.

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. В таком случае ты платишь двойной налог.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Я готов платить двойной налог.

ВТОРОЙ СИПАХИ. Готов, а бежишь от нас, сломя голову.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Я поспешил сюда, чтобы увидеть своего слугу.

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. Заплати немедленно двойной налог.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. При мне нет денег. Мои деньги у слуги.

ВТОРОЙ СИПАХИ (первому). Врет!

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. Конечно, изворачивается.

По молчаливому приказу первого сипахи второй сипахи обыскивает Путешественника.

Появляется Мухаммед Али Дервиш и с удивлением смотрит на происходящее.

ВТОРОЙ СИПАХИ. У него действительно нет денег.

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. В таком случае ты пойдешь с нами, чужестранец.

Ташут Путешественника.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Куда вы ташите меня?

ВТОРОЙ СИПАХИ. В зиндан.

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. Посидишь в тюрьме, пока твой слуга не заплатит за тебя налог.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. А как же найдет меня мой слуга?

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. Найдет, если он вообще есть у тебя.

ВТОРОЙ СИПАХИ. Все знают, где находятся те, кто уклоняется от уплаты налогов.

Оба начинают уводить Путешественника.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Стойте, сипахи. За этого мусульманина заплачу я. Отпустите чужестранца.

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. Пожалуйста. (Принимает от Мухаммеда Али Дервиша деньги.)

А сам за себя ты заплатил?

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Только что заплатил на базаре.

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. Откуда мы это знаем?

ВТОРОЙ СИПАХИ. Мы же не видели.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Ну, что же, если вы не верите мне, то я готов заплатить

¹ Сипахи – солдат.

еще раз (**копается в своем кармане**). Увы. Деньги у меня кончились!

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. В таком случае ты посидишь в тюрьме, пока за тебя не заплатят.

Оба сипахи ташут Мухаммед Али Дервиша. Возвращаются Женщина и Шахбек. Оба обрадовались.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Стойте, сипахи! Что вы делаете? Считайте, что он заплатил за себя. Я пойду в зиндан. А ты, дервиш, кричи везде: «Путешественник Ходжа Муслим в зиндан».

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Нет, уважаемый гость, это я пойду в зиндан. В этом городе у меня много знакомых, они освободят меня скорее.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Нет! Будет большой несправедливостью, если в зиндан пойдешь ты, заплатив за меня. Сипахи, возьмите меня.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Нет, возьмите меня.

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. Так, кого же из вас взять?

ЖЕНЩИНА. Никого! За обоих заплачу я. (**Дает первому сипахи денег. Сипахи рад большим деньгам.**) Верните дервишу его деньги.

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. Нельзя возвращать деньги из государственной казны. За это жестоко наказывают.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. И не надо! Бог с тобой!

ПЕРВЫЙ СИПАХИ. Вы, госпожа, заплатите и за себя.

ЖЕНЩИНА. Опять? Ну, берите. (**Дает много денег.**) А это за моего слугу (**Опять дает деньги**).

Сипахи быстро удаляются.

ПУТЕШЕСТВЕННИК (уходящей женщине). Стойте, госпожа! Я хочу знать, кто моя спасительница.

ЖЕНЩИНА. Какое тебе дело до меня, чужестранец? (**Быстро уходит. За ней следует Шахбек. В отдалении Женщина его останавливает.**) Ты оставайся здесь и не упускай его из виду.

ШАХБЕК. Это он?

ЖЕНЩИНА. Он. Но...

ШАХБЕК. Понимаю, надо подождать, пока уйдет этот дервиш.

ЖЕНЩИНА. Я буду недалеко от тебя (**исчезает**).

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Странно: наша спасительница отказалась назвать себя. Теперь хоть ты назовись, добрый человек.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Меня зовут Мухаммед Али.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. И Мухаммед, и Али? Мудро!

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Да. Мои родители чтили и Мухаммеда – нашего пророка, да осветит алах его прах, и Али – его сподвижника. Они не одобряли тех глупцов, которые нашу единственно верную и единую религию ислам делят на два враждующие толка. А прозвище у меня – Дервиш.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Что ты дервиш, это сразу видно по тебе, Мухаммед Али. Твоя родина где?

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ (фанатично). Моя родина – вся четвертая часть света, где обитают мусульмане – моя сегодняшняя родина, а там, где еще властвуют гяуры – моя завтрашняя родина!

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Твоя уверенность во всемирном торжестве нашей веры делает тебе честь! И с каких пор ты проповедуешь священный ислам, божий человек?

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Очень давно. Особенно с тех пор, как перестал служить воином правителям Самарканда и Бухары.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. А я из Хорасана, Ходжа Муслим, я путешественник.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Что ты чужестранец-мусульманин, я понял с первого взгляда.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Рыбак рыбака видит издалека (**смеются**).

Мухаммед Али Дервиш уходит в глубь кафе. Появляется Мужчина лет сорока. Он одет просто, но в нем угадывается человек благородного происхождения и высокого положения. Почти тогда же возвращается Мухаммед Али Дервиш.

ПУТЕШЕСТВЕННИК (дервишу). А вот и мой слуга Музаффар. Увы, вся моя жизнь в руках этого беспечного разгильдяя.

МУЗАФФАР (без всякой обиды). Этот беспечный разгильдяй был занят выполнением вашего поручения, хозяин (**понижив голос**). Я нашел беженцев с Юга. Они рассказывали мне так много и так долго, что я...

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Об этом потом! (**К дервишу**) Сколько лет ты бродишь по земле индостанцев, достопочтенный дервиш?

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Скоро будет четырнадцать лет.

ПУТЕШЕСТВЕННИК (с завистью). Большой срок! Стало быть, ты хорошо знаешь Индостан и индийцев.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. В этой огромной стране теперь мало городов и деревень, куда не ступали мои ноги. Некоторые места я посетил по несколько раз, встречался со всяким народом. Мне посчастливилось встретиться даже выдающимися правителями, и для каждого я желанный собеседник. Для меня везде есть благое дело. Да я сам не люблю сидеть на одном месте. Стоячая вода гниет.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Что ты скажешь, божий человек, если я приглашу тебя на свою родину?

Музаффар одобрительно покачал головой.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Хорасан – моя давнишняя мечта. И во всех странах я нужен народу.

ПУТЕШЕСТВЕННИК (тихо). В моей мусульманской стране ты особенно нужен нашему падишаху, уважаемый дервиш.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Зачем?

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Я отвечу тебе, божий человек, ибо уверен, что то, что затевает наш падишах, очень понравится тебе.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Он намерен завоевать Индостан и сделать его мусульманским?

ПУТЕШЕСТВЕННИК. На свете нет ничего приятнее, чем разговор с догадливым человеком. Да, божий человек, наш падишах хочет завоевать Индостан.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Это было бы очень кстати.

МУЗАФФАР (обрадовался). Кстати?

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Даже очень.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ. Много, много лет длится война между правителями Севера и Юга Индостана. Люди изнемогают. Индийскому народу нужен спаситель. Хоть чужестранец!

Путешественник и его слуга радостно смотрят друг на друга.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ (взволнован). Когда мы поедем в Хорасан?

ПУТЕШЕСТВЕННИК (шутит). Хоть сегодня, хоть сейчас.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ (счастлив). Я готов. Я почти готов, мой новый, милый друг, Ходжа Муслим.

ПУТЕШЕСТВЕННИК (серьезно). Я тебе скажу, когда наступит время нашего возвращения на родину.

МУЗАФФАР. Теперь, когда мы встретились с тобою, ждать остается недолго.

Дервиш встает, чтобы уйти.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. Ты куда, дервиш?

МУЗАФФАР (смеется). Конечно, в Хорасан.

МУХАММЕД АЛИ ДЕРВИШ (обиделся). Ты не смейся, слуга Музаффар. (К Путешественнику). Разреши мне попрощаться с моими друзьями.

Ходжа Муслим одобрительно кивает головой.

Я вернусь быстро (уходит).

МУЗАФФАР. Этого человека нам сам бог послал. (Тихо). На его ладонях весь Индостан.

ПУТЕШЕСТВЕННИК. А в его сердце неугасимый огонь нашей веры!

Пьют кофе и ждут возвращения Дервиша. Появляются Женщина и Шахбек. Женщина сильно взволнована, и это заметил Шахбек. Они шепчутся.

ШАХБЕК. Это действительно он?

ЖЕНЩИНА. Да, это государь. И рядом – великий визирь.

ШАХБЕК (взволнован). Неужели мы достигли цели, госпожа моя?

ЖЕНЩИНА. Глазам своим не верю!

Оглаживается и, убедившись в том, что вокруг нет наблюдателей, быстрыми шагами выходит к Путешественнику и Музаффару.

ЖЕНЩИНА (в глубоком поклоне). Здравствуйте, знаменитый путешественник Ходжа Муслим и великий государь Захириддин Мухаммед Бабур!

Путешественник не узнал Женшину или не поверил своим глазам. Женщина сняла с себя индийское платье и осталась в хорасанском одеянии. Первым ее узнал Музаффар.

МУЗАФФАР (радостно вскрикнув). Ханзада-бегим! Моя молодая госпожа!

ПУТЕШЕСТВЕННИК (узнал, наконец, Женшину). Сестренка! Жизнь моя! (Обнимают-ся.) Ты ли это, моя несчастная?

ЖЕНШИНА (ХАНЗАДА-БЕГИМ). Как видите, государь мой, я не столь несчастна, как вам показалось. Я в объятиях любимого брата, и нет для меня большего счастья на свете.

(К Музаффару.) Здравствуйте, великий визирь Ходжа Калан.

МУЗАФФАР (ХОДЖА КАЛАН). Бесконечно рад нашей неожиданной встрече, госпожа моя.

БАБУР. Сестренка моя, дорогая. Я поблагодарю аллаха, если счастье встречи с тобою не сведет меня с ума. Ведь казалось, что судьба разлучила нас навсегда.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. И я давно потеряла надежду на нашу встречу. Но однажды я решила следовать по вашим священным следам.

БАБУР. В этой огромной стране вы искали нас?

ХАНЗАДА-БЕГИМ. И нашла.

ХОДЖА КАЛАН. Аллах милостив ко всем нам!

ШАХБЕК. Тише, господа! И стены имеют уши!

Разговор продолжается тише, но по-прежнему взволнованно.

ХОДЖА КАЛАН. Как видите, моя молодая госпожа, мы бесконечно рады нашей встрече. (Учтиво) Но мы не понимаем, как вы, моя госпожа, могли предпринять такое длительное и опасное путешествие из Самарканда в Индостан вослед нам?

БАБУР. Воистину не понимаем.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Друзья, свобода и необходимость привели меня к вам.

ХОДЖА КАЛАН. Свобода?

БАБУР. И необходимость? И как вы могли узнать, что мы находимся в Индостане?

ХАНЗАДА-БЕГИМ. О вашем опасном путешествии я узнала в Кабуле.

БАБУР. Вы прибыли к нам через мою столицу?

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Да, брат и государь мой. И вот мое доказательство – письмо того, кому вы поручили вашу столицу и ваше государство, и в этом письме ответ на главный вопрос, который интересует вас сейчас.

БАБУР (быстро просматривает письмо. К Ходже Калану). Касымбек, как и в предыдущих письмах, пишет, что в нашей столице и государстве все по-прежнему спокойно.

(К Ханзаде-бегим). И это правда, сестренка?

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Клянусь аллахом, это сухая правда.

ХОДЖА КАЛАН. Иначе и не может быть, государь.

БАБУР. Да. Мы были всегда уверены, что в наше отсутствие мудрый и решительный Касымбек, наш зять и друг, сможет держать наше государство в полном покое.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Конечно, без этой уверенности вы не решились бы покинуть ваше государство в такое опасное время и на такой довольно длительный срок.

ХОДЖА КАЛАН. Как приятно слышать, что вы, госпожа моя, понимаете все это.

БАБУР. Но как вы оказались в Кабуле, дорогая моя? И какому счастливому случаю мы обязаны этой желанной встрече с вами?

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Дорогой мой брат. После того, как в последней вашей битве с Шейбани-ханом я попала к нему в плен, ваш злейший враг женился на мне.

Бакур низко опускает голову.

ХОДЖА КАЛАН. Это несчастье известно государю, госпожа моя.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Но скоро падишах Мавераннахра развелся со мною.

ХОДЖА КАЛАН. Почему?

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Шейбани-хан решил, что сестренка его побежденного врага может отравить его. И он отдал меня своему эмиру Амину.

БАБУР. Подлец! Его место в аду!

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Шейбани-хан отправился вскоре туда, где бог приготовил ему подобающее место.

БАБУР. Шейбани умер?

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Он убит под Мевром в битве со своими соперниками Абдуллахом и Исмаилом Сафави.

БАБУР. Шайбак-собака мертв! Вы слышите, Ходжа Калан, какую весть привезла нам моя сестренка!

ХОДЖА КАЛАН. Дай бог ей долгую, долгую жизнь.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. И мой муж эмир Амин также убит в этой битве.

ХОДЖА КАЛАН. Какие времена. Какой ужас. Принцесса в свои двадцать три года дважды вдова.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Нет, великий визирь. Я лишь однажды вдова. Шаха Шейбани я никогда не считала своим мужем. Я уважала эмира Амина за его благородство, храбрость и честность, да и он полюбил меня от всего сердца. Но... **(Внезапно остановилась, вспомнив Шахбека. Шахбек волнуется.)** Я отвлеклась, простите... Внезапная свобода дала мне возможность распоряжаться своей судьбой по своему усмотрению, и я с помощью вот этого сподвижника моего мужа эмира Амина – воина Шахбека сумела добраться до Кабула.

БАБУР (взволнован). Вы видели мою Махим-бегим?

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Благодарите, мой брат, бога, ваша любимая жена, ваши дети и ваши друзья в полном здравии.

БАБУР. От всей души благодарю вас, дорогая моя, за благую весть.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. После бесчисленных бедствий, пережитых мною, я была особенно счастлива в Кабуле, в кругу нашей семьи и друзей.

БАБУР. Так что же заставила вас, дорогая моя, покинуть благословенный Кабул и броситься немедленно по нашим следам, рискуя жизнью?

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Мне поручено остановить вас и вернуть в Кабул. **(Бабури и Ходжа Калан удивленно переглянулись.)** Да, господа, вас с нетерпением ждут в Кабуле.

БАБУР. И напрасно. Нам еще рано возвращаться домой. Пока в нашем государстве нет признаков бунта или нашествия, мы обязаны продолжать наше путешествие по индийской земле.

ХОДЖА КАЛАН. Мы еще недостаточно изучили Индостан.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Изучить с тем, чтобы завоевать – не такова ли ваша задача, государь?

БАБУР. Изучить достаточно, чтобы завоевать легче, скорее, навсегда.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Государь, теперь нет необходимости ни изучать, ни завоевать Индостан.

БАБУР. Как? Ведь вы решили завоевать ослабленный в междоусобице Индостан только потому, что нам было необходимо уйти от смертельного удара наших сильнейших врагов в Мавераннахре и Хорасане. И это должен был объяснить вам Касымбек.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Касымбек объяснил мне все. Но положение вашего государства изменилось к лучшему, государь.

БАБУР. Изменилось?

ХОДЖА КАЛАН. Возможно ли это?

БАБУР (быстро пробегает письмо). Но об этом в письме Касымбека ни слова. **(Письмо передает Ходжа Калану.)**

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Государь, в конце письма есть приписка.

ХОДЖА КАЛАН (читает письмо). Тут, государь, действительно, есть приписка. **(Читает.)** «Государь, верьте всему тому, что передаст вам податель сего письма устно». **(Передаёт письмо обратно.)** Самое важное не пишется в письме, ибо письмо может попасть в руки врага. Самое важное передается устно.

БАБУР (успел ознакомиться с припиской). И Касымбек следует этому нашему обязательному правилу. А мы в радостях не обратили внимания на приписку.

ХАДЖА КАЛАН. Мы рады услышать от вас тайную и важную весть, госпожа.

БАБУР. Я весь внимание, сестренка!

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Как я уже сказала, ваш злейший враг Шейбани мертв, мой брат.

БАБУР. Это не меняет дела, ибо Убайдуллахан и Исмаил Сафави еще живы.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Но они уже не страшны.

БАБУР. Как?

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Мой брат, мой государь! Ваши враги теперь во много раз слабее вас. Они потеряли свою мощь в долгой, изнурительной войне друг с другом. Убайдуллахан ушел в свои Дашти Кипчак, опасаясь встречи с вами. Даже одержавший победу Исмаил Сафави скрылся в своем Иране, оставив в Мевре и Герате на всякий случай только своих наместников. Ваши враги не знают, что вас нет в Кабуле. А Касымбек широко распространил слух о том, как вы, уединившись, неустанно готовитесь к большому походу. Исмаил опасается вашего смертельного удара. И ваши враги будут рады, если вы оставите их в покое.

ХОДЖА КАЛАН. Весьма важные вести, государь!

БАБУР: Счастье улыбнулось нам!

ХОДЖА КАЛАН. Всевышний внял нашим молитвам! Все совершенно изменилось, мой государь!

БАБУР. Все стало на свое место!

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Вы, брат мой, теперь можете спокойно править своим государством. Ваши враги лет десять, нет, больше, не посмеют поднять свои головы.

Общее радостное волнение.

БАБУР. Ханзада-бегим, моя жизнь, вы принесли нам бесценную весть.

ХОДЖА КАЛАН. И нам понятно, почему именно вы, а не кто-либо другой прибыл к нам с такой вестью.

БАБУР. Да. Весть такой важности мудрый Касымбек мог поручить только моей преданной сестре.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. И бесстрашному воину, моему верному слуге Шахбеку.

Бабур и визирь восторженно посмотрели на Шахбека. Последний низко поклонился.

БАБУР. Что воин Шахбек беспредельно верен вам, сестренка моя, мы поняли тот час, как вы начали говорить при нем о наших государственных делах.

ХАНЗАДА-БЕГИМ. Если одного из нас постигло бы несчастье, то другой сообщил бы все то, о чем теперь вы знаете, государь.

БАБУР. Вы оба совершили подвиг. Я вас отблагодарю, друзья, тот же час, как наши ноги ступят в нашу столицу. А теперь... **(Задумался. Смотрит на дерево. Любуется им.)** Прощай, Индостан! **(Слегка вздохнул.)**

ХАНЗАДА-БЕГИМ **(удивленно)**. Брат мой, в ваших словах я слышу странную грусть.

ХОДЖА КАЛАН **(с упреком)**. Достойно ли это вас, государь мой?

БАБУР. Чему вы удивляетесь, друзья? Ведь мы покидаем Индостан навсегда. А я падишах, и я не привык покидать землю, куда однажды ступили мои ноги... В эту страну мы пришли с высокими, благородными намерениями. Нам казалось, что сам божий перст направляет нас в Индостан. В этой стране все великое! Народ великий! Земля великая! Реки великие! И каким надо быть истинно великим человеком, чтобы иметь право вершить судьбы такой страны и такого народа. А мы? Увы! **(Вздохнул так облегченно, как будто с его плеч свалилась гора.)** Слава Аллаху, который избавил нас от столь тяжкого бремени!

ХОДЖА КАЛАН. Теперь, государь, остается собрать наших спутников и – в добрый путь!

БАБУР. Да, конечно. Поздравляю вас, друзья, с великим счастьем, ибо в этом беспокойном мире только счастливыцы благополучно возвращаются домой. **(Снимает с себя большую чапму и халат.)** В этой внушительной лжи мы уже не нуждаемся.

Одежду принимает Шахбек. Бабур остался в простой хорасанской одежде путника. Он помолодел. Ему около сорока лет. Все двинулись, но вбежал Человек в хорасанской одежде.

ЧЕЛОВЕК: Государь, прибыл гонец из Кабула!

Исчезает. За ним уходит Шахбек.

ГОНЕЦ АКБАР **(вбегает и падает к ногам Бабура.)** Великий государь, обещайте, что вы не отрубите мне голову за то, что я принес вам неприятную весть.

БАБУР. Я прошу тебя, мой доблестный воин Акбар. Говори!

ГОНЕЦ. Принц Камран пошел войной на принца Хумаюна!

Это известие потрясло всех. Ходжа Калан жестом разрешил Акбару удалиться.

БАБУР. Великий аллах, чем же я провинился перед тобою, что ты посылаешь одного моего сына на другого войной? За что ты наказываешь меня так жестоко? За что?! **(Молчит. Потом говорит так спокойно и деловито, как будто не было никакого горя.)** Стрелой летим, друзья, в Кабул!

Уходит. За ним спешат Ханзада-бегим, Ходжа Калан. Сиена пустует. Возвращается Мухаммед Али Дервиш. Не увидев своих новых друзей, потрясенный неожиданной и неприятной разлукой, он обессиленно садится на пол.

ПОЭЗИЯ

*Улыбь в объятия
твои...*

Ты посмотрела на меня,
И я сказал: «Сезам, откройся!»
Я говорил себе – «не бойся»,
Я повторял себе – «не бойся!»,

Но знал, что это западня.
Полна чудес и красоты
Твоя волшебная пещера,
Богатств в ней собрано без меры,
Но всех вошедших губишь ты...

Я знал об этом наперед,
Но я из тех, кто чуда ждет
И кто шадить себя не станет:
Пусть сердце вспыхнет и умрет,
Пусть сердце вспыхнет и умрет –
Оно сокровищ не возьмет
И только душу ей оставит.

Быть ласковым стараясь,
Я к стеблю потянусь,
Тюльпана алый парус
Зовет меня в весну.

Он обещает терпкость
Пунцовых лепестков
И раскрывает сердце
Бутоном из оков.

Он обещает красок
Веселый разнобой
И молодую радость
Свидания с тобой.

Николай ИЛЬИН

Родился в 1950 г.
Окончил Ташкентский
госуниверситет.
Кандидат педагоги-
ческих наук, доцент,
автор более 60 на-
учных публикаций,
редактор журнала
«Преподавание язы-
ка и литературы».
Автор поэтических
сборников: «Первая
тетрадь», «По кла-
вишам души», «На
кочевьях времен»,
«Обетованная па-
мять», «По стопам
листопада».

Опять мне выпала удача
нежданных теплых встреч с тобой,
и я уже подспудно начал
свою борьбу за разум твой.

Но тут же страх: а вдруг ты видишь
мои старания и борьбу? –
и я подобьем Атлантиды
на дно души своей иду.

Там притаившись, отдышавшись
И оглядевшись, как в лесу,
Медведем, в спячке отошавшим,
Опять иду – встретить весну.

При ней окончились волнения,
И мир сомненья разрешил,
И обрело успокоенье
Дервишество моей души.

Под звуки солнечной свирели
Она вошла, как утра знак,
И снов весенних акварели
Светились у нее в глазах.

Джюльетты вправе удивляться
В своем кругу:
Как можно после нас влюбляться? –
А я могу!

Шекспир и Байрон посмеются:
How do you do?
Где после нас слова найдутся? –
А я найду!

Все новое – старье навыверт, –
Твердят тома,
Но что примерившему крылья
До их ума?

Мысль – это опыт с назиданьем,
Но в ком любовь,
Тот движим времени дыханьем –
Он вечен нов.

Дано ль вам женщиной прельститься
И не остыть?..
Иных хватило удивиться,
Меня – любить.
И в этом сила слов и чувства,
И новизна –
Ведь слово, мысль, любовь, искусство
И все – она!

Без тебя
я не могу привести мир в порядок:
он не раскладывается на мои полочки.

Без тебя
я не могу привести в порядок себя:
я делаюсь меньше, чем был.

Без тебя
я не могу тебя ясно представить:
ты больше моей памяти.

Отчего
ты так похожа на жизнь,
а я без тебя – на пустые полки?

Еще прозрачны облака
И пронизаемы туманы,
И звезд осенних караваны
Бредут средь черного песка.

В ночном оазисе луна
Плывет, прикрытая вуалью,
И шлейф льняного полотна
Колесится небесной далью.

Луна то будто не видна,
То бросит взгляд, скользнувши мимо,
Подобьем бледного окна
Недосягаемой любимой.

Я старался говорить с тобой ласково,
Но сомненье в тебе засело плотно,
Я сулил тебе какие-то лакомства,
Но в тебе преобладала кислотность.

Я старался говорить тебе ладности
И пытался тебя звать на прогулку,
Но тебе мерещились банальности,
Да и в трубке что-то ухало гулко.

Я старался вязать как надо лыко
И прибавил бодрости тону,
Я пытался прельстить тебя улыбкой,
Но ты ее не видела по телефону.

Ты каждый шаг сверяешь с небесами,
Где высший разум распростерт крылато;
А я все силюсь действовать мозгами,
И до меня доходит слабовато.

Возможно, что во многом и права ты –
И не находим истины мы сами,
Но и ответ твой жду я долговато:
Ты каждый шаг сверяешь с небесами,
А там сидят такие бюрократы!

Меня уже не пробудят
реальности проявления:
я жду светопредставления –
потопа, огня, затмения,
когда все мои представления
переиначены будут.

Я дорожу не шутя
каждым нашим свиданием –
мое постижение тебя
стало вероисповеданием.

Твой сдержанный жест руки,
сомнений невольных ноша...
я стану совсем другим,
когда ты меня коснешься!

Пусть вечер застыл во тьме,
и крылья лучи сложили:
твои губы ответят мне –
и я прикоснусь к твоей жизни.

Я в чудеса не верю,
но, трогая твое плечико,
я разрываю время,
как финишную ленточку.

На вдохе меж временами,
на бледной черте свободы
останется только воздух –
последний барьер между нами.

Я высмотрю твоё «да»,
волшебное, как знамение,
и перейду тогда
в твоё измерение:
В измерение ясных длин,
в измерение светлых высот,
в глубину золотых долин,
в осязаемость света звезд,
где весну бесконечность длит,
где волна в океан зовет.

Мое головокружение,
и губ твоих радость...
Казалось – волны скольжение
коснулось и задержалось.

Я думал, вся эта пряность
исчезнет, как наваждение,
что это весна и слабость,
неясных времен брожение.

Но вышло опровержение:
наваждение схлынуло,
ты – осталась!

Я живу в твоём поле, в твоей теплоте,
в сладкой вязкости слов и признаний,
в откровениях снов, в ненасытной мечте,
в жажде встреч и тоске ожиданий.

Я живу твоим жестом, движением глаз,
молчаливым присутствием света
золотой глубины, поглощающей нас
благоклонностью доброго лета.

О, как ты чувствуешь любовь,
Как ты красива!
Ты открываешь сердцу новь
Всего, что живо.

Твои касанья так легки
И так невольны,
Твои объятия глубоки
И сладко больны.

Уплыть в объятия твои –
И не вернуться,
Уснуть в беспамятстве любви –
И не проснуться!

Твоих признаний, взглядов, ласк
Мне в этой жизни не хватило,
Стыдливых губ и смелых глаз,
И этой пряной женской силы...

И я на грани забвения
От сослагательных видений:
Была бы ты, и был бы я,
И ты могла бы быть моя,
И «бы» и «бы» средь всех суждений.

И пусть бы вдруг сама судьба
Меня удачей одарила,
Но что удача без тебя?
Но что удача без тебя?
Зачем и песнь, и жизнь, и сила?

ВЕЖОК ПОЭТУ

НОВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

...И вот, спустя 215 лет со дня Его рождения,
мы как бы заново встречаемся с Пушкиным.

Конечно же, не с тем, бронзовым, пылливо
и чуть вопросительно смотрящим на нас
с пьедесталов памятников,

к подножию которых мы столь привычно возлагаем цветы.

И уж никак не с тем, сусально-приглаженным,
хрестоматийно-благодным, каким он выглядит на
большинстве портретов в учебниках.

А с тем, каким Он остался в Вечности:
непосредственно юным и неисчерпаемо
мудрым, безукоризненно простым и
непостижимо сложным, любящим и жаждущим
любви, и безбрежно одиноким в
своих думах и помыслах.

Светло открытым для восприятия тем,
кто может его понять, и мучительно замкнутым.

Казалось бы, понятным и знакомым с
юности и до конца неразгаданным по сей день...

Нашли ли мы ответ на вопрос, что делает

Пушкина единственным, не
схожим ни с кем? Сумели ли оценить
во всей полноте его умение

опережать вездесущее Время? Как же многое
он предвидел и предугадал в грядущих днях своих потомков!

Как замечателен неповторимый
роман в стихах «Евгений Онегин».

В нем не только образное отражение
самых разных пластов жизни,

многообразий характеров, поступков и судеб, но и
предупреждение о трагической
опасности опустошения души. В той

или иной степени вынужденное или самопроизвольное
опустошение души мощно вторгается в

судьбу каждого героя. А тончайшая нюансировка состояний
духа, мучительных внутренних исканий, при

кажушемся внешнем спокойствии, возводит
действие «Евгения Онегина» до уровня

будущих чеховских «трагедий подтекста»,
хотя этот жанр сложится в литературе и

театре гораздо позднее – уже к концу XIX века.

Это яркий пример невероятной пушкинской прозорливости,
неосознанного стремления опередить свою эпоху и ее эстетику.

Каким непостижимым феноменом является многопластовый «архипелаг» пушкинской лирики! Да, она кажется редкостью простой, но в этой простоте – изысканность, бездонная мудрость. «Печаль моя светла...» – можно ли точнее воплотить симфонию любящей и тоскующей души человеческой? И еще одно ее свойство, которым одарены немногие истинные творцы. Это – умение воспарить духом и взглянуть на земное с высоты непостижимого полета. «Редеет облаков летучая гряда...» – в этом поэтическом шедевре как бы с огромной высоты окинуты взором земля и люди, отчего горизонты чувств и деяний становятся истинно необозримыми, тяготеющими к бесконечности.

В многогранности творчества Поэта необходимо отметить пушкинский дар предвидения. Так, в вихрях метели Поэту явственно видится неукротимый и злобный полет над землей множества Бесов – темных сил, слепо противостоящих всему истинно человеческому. В новизне так называемых «маленьких трагедий» скрыты и завешаны нам, сегодняшним, величайшие конфликты современного мира. Здесь и схватка Дара с Ремесленничеством («Моцарт и Сальери»), и трагическая обреченность «Пира во время чумы», и inferнальная противоречивость противостояния свободы духа и каменной Статуи Командора в «Каменном госте», и безысходная обреченность скаредного накопительства в «Скупом рыцаре», и многое, многое иное – как распознанное нами, так и не разгаданное до конца.

Важная грань творчества А.С.Пушкина – тяготение к постижению чарующих таинств Востока, что особенно ценно для нас, жителей Узбекистана. Эта грань пушкинского творчества овеяна ореолом волшебной таинственности. Восточные образы истинно прекрасны, загадочны, утонченны в своей изысканности. Глубокое уважение Пушкина к основным фундаментальным устоям культуры Востока пронизывает цикл «Подражание Корану». Это красноречивая и емкая страница в пушкинском творчестве, ярчайшая краска в многоцветной палитре творений Поэта...

Пушкинский дар светел и жизнеутверждающ. Даже в наброске трагического, несовместимого с гармонией духа у него нет уныния, обреченности. Озорной юмор и юношеская улыбочность сопровождают его путь познания мира, который всегда пролегает через множество препятствий, но неизменно – к светлому и гармоничному началу.

Как ни прискорбно, но сегодня, в хаосе смешавшихся понятий, в потугах заурядности возвыситься над истинным величием Дара, все чаще слышатся безрассудные и настырные реплики о том, что пушкинский стих «устарел и отжил свое». На театральных подмостках там и тут возникают попытки вогнать истинно пушкинское в куцые нормативы обывательских представлений о «новой правде жизни и театра», и мощь полета Слова Пушкина обрамляется либо убожеством примитивизации, либо сусальной слащавостью.

Бог судья этим «новаторам», и на споры с ними вряд ли стоит тратить время. Тем более, что сам Поэт по подобному поводу, как известно, высказался однозначно: «И не оспаривай глупца!». Впрочем, со своей особой недостижимой позиции Пушкин, наверное, и сам имеет некое «право выбора» – в чье сознание входить глубинно и мощно, а чей скудный разум и восприятие обойти стороной.

...Пушкинская дата сегодня гораздо более нужна и важна для нас самих, чем для Поэта. Как хочется верить, что сегодня при этой новой встрече с Александром Сергеевичем нам есть что от имени потомков поведать о себе! Да так, чтобы ему – не бронзовому, не гляцевому, а живому – было бы с нами гармонично и... интересно. И если это хоть отчасти может осуществиться, то есть надежда, что и мы, и наш мир смогут стать хоть немного лучше, чище, возвышеннее...

Андрей СЛОНИМ,
Заслуженный работник культуры Узбекистана

ПУШКИНСКИЙ ЛИЦЕЙ ПОЭЗИИ

В чем секрет всеобъемлемости поэзии Пушкина? На мой взгляд, прежде всего, в том, что для Пушкина поэтическая речь так же естественна, как для обычного человека – разговорная, но еще ближе она от души идущей песне, которая понятна всем и почти каждому хочется ей подпеть. Секрет в ее божественной простоте: кажется – ах, как просто сказано, и я так мог бы! Но это иллюзия: для того, чтобы говорить от имени всех и для всех, надо быть гением, или голосом бога, или самим богом Поэзии.

Другой секрет – в универсальности поэтики Пушкина, которая вобрала в себя, как великая река, множество ручейков, богатство поэзии многих стран мира: и английской (Байрон), и немецкой (Гете), и польской (Мицкевич) – всех не перечислить. Особенно много он почерпнул из восточной поэзии, правда, в основном, из хороших переводов на французский, английский, немецкий. Он умел уловить ее глубинную суть. Ему равно близки были и Байрон, и Хафиз, И Гете, и Саади, и, в меньшей степени, народная поэзия и песня, отголоски которой слышны во многих его стихах. И дело не только в чисто поэтических премудростях и технических особенностях мировой поэзии, к которой он был чуток, но и в способности понять и принять дух и суть иного мировосприятия. «Подражания Корану», например, – это не просто подражания, но адекватный перевод Корана на понятный русскому человеку язык и образный строй. Читая Подражания, воспринимаешь Коран как настоящую русскую поэзию, а значит, принимаешь сердцем. Впервые прочитав Коран лет двадцать назад, я не мог не воскликнуть: «Какая поэзия!» А Пушкин понял это более двух веков тому назад:

Клянусь четой и не четой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянусь я утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:
Нет, не покинул я тебя,
Кого же в день успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от злого гоненья?

Дай нам всем, Бог, хотя бы на километр приблизиться к уровню его поэзии, которая понятна и русскому, и узбеку, и арабу, и еврею, и чукче, и финну, и французу, и немцу: Потому что Пушкин – поэт мира, а мы все – ученики Пушкинского Лицея Поэзии.

Нас Пушкин учит стихотворству:
Служению, а не притворству,
Умению пророком жить
И свято честью дорожить,
Как бога, почитать свободу
И, как отцу, служить народу,
Храня Поэзии секрет:
Любовь – других секретов нет...

Владимир ВАСИЛЬЕВ,

Член Союза писателей Узбекистана

Андрей СЛОНИМ

...О, как сегодня горько не хватает
Нам пушкинской заветной простоты
И живости, и трепетной мечты,
И страсти, что преград в пути не знает.

И чувств людских таинственной игры!
Ведь в сути всех Его творений –
Земная первозданность ощущений
Исконной, незапятнанной поры...

...Но если б чудом из глубин Вселенной
Поэт был снова к нам перенесен,
То был бы он, конечно, потрясен
Произошедшей с нами переменой.

Растратили мыклады слов живых
И разучились и смотреть, и видеть.
Мы можем, не любя, – лишь ненавидеть,
Живя в страстишках мельничных своих.

Иные мэтры в мире торжествуют,
Крича о новом положении дел.
«Любовь – банальна! Разум – устарел!
Дар и таланты? Их не существует!»

И лишь Поэт, до дна сумеет учесть
Распада душ губительную меру,
Один, как прежде, выйдет вновь к барьеру
За наше и достоинство, и честь...

Олег БОРДОВСКИЙ

Душа поэта

Душа поэта – и загадка и потемки,
Под оболочкой внешней сокровенна,
Своею уникальностью бесценна.
И как единственную во Вселенной
Понять ее порой доступно лишь потомкам.

Незащищенный, оголенный нерв поэта
Его душа. Он с дарованием Божиим
Вмиг распознает то, что невозможно
Другим увидеть, ну а им – будет воспето.

И в том, что путник озирает равнодушно,
Поэту вдруг увидится творенье
Небесной прелести и вдохновенья,
И сочинится стих, гармонии послушный.

Душа поэта – и загадка, и потемки,
Под оболочкой внешней сокровенна.

Баходыр АХМЕДОВ

Поэты разбивают зеркала,
чтобы из них не вышел кто не надо.
Второе «я», пришедшее из ада,
холодная, пустая маска зла.

Поэты видят глубже и страшней,
но каждый раз, заглядывая в бездну,
они меняют свой талант на трезвость
и принимают к твердой глади дней.

А если немота наступит вдруг,
поэт уходит, размыкая круг,
в игрушечное небо из стекла...
В сожженный стих, в бессмертье, в зеркала.

Владимир ВАСИЛЬЕВ

У памятника Пушкину

Поэт не в мраморе, не в бронзе,
Не в славословиях пустых,
Поэт – в поэзии и в прозе,
Когда абзацем станет стих.

Секрет поэзии в дыханье,
Согласном с ритмами сердец,
В страдании и со-страданье
И в божьей искре, наконец.

Поэзия есть форма жизни,
Непроторенная стезя...
Она прекрасна и капризна,
Но и свернуть с нее нельзя.

Хоть кудри сделай на макушке,
Хоть миллиард в пиар вложи,
Но, чтоб стихи писать как Пушкин,
Жизнь надо Пушкиным прожить.

Сухбат АФЛАТУНИ

Пушкин

(акростих-палиндром)

По тоП
УмУ?
ШалаШ?
КабаК?
Или
Жуль луН?

Раим ФАРХАДИ

Как ты далек, позавчерашний век,
Мой огонек и право на ночлег.
Ты мнишься небом синим
Над рекой,
Пером гусиным,
Пушкинской строкой.

проза

МНОГОТОЧИЕ ОТСЧЕТА

РОМАН

Перед вами первая книга трилогии «Многоточие отсчета», являющаяся своеобразной семейной хроникой с элементами авантюры.

Небольшое вступительное слово, предваряющее публикацию, поможет читателям составить общее представление о трилогии.

«Что бы ни случилось в твоей жизни, никогда не забывай о своей семье, о своих корнях, о своем происхождении. Помни: ты есть то, что вложили в тебя твои предки», – вот главная тема трилогии, охватывающей достаточно большой период времени – почти век. Действие в первой книге разворачивается на исходе XX века, последующие книги отправляют читателя к истокам, а описанные в них события охватывают период с 1914 года вплоть до конца столетия.

Как ни странно, лет сто назад Туркестан отождествлялся с землей обетованной, и в народе ходило много упорных слухов о его сказочном изобилии. Люди перетолковывали их по-своему, так что уже едва ли не каждый второй в мечтах видел себя набобом. О хлебосольном и благодатном Ташкенте писалось и говорилось много и истово, и чем невероятнее был слух, тем охотнее ему верили. Неудивительно поэтому, что отовсюду сюда начали стекаться переселенцы. Обстоятельствам было угодно сложиться так, что среди них оказалась семья инженера-путейца Викентия Павловича Стрельцова, накануне войны переехавшая сюда из Санкт-Петербурга.

Первая книга намеренно задумывалась автором как легкое, необременительное чтение, шутивным, а иногда и нарочито патетическим тоном повествующее о курьезном происшествии на отдыхе, к тому же весьма удачно разрешившимся, дабы сразу с места в карьер не пугать читателей революциями и войнами.

В отличие от первой книги, где героев раз-два и обчелся, вторая и третья плотно заселены персонажами. К некоторым из них автор испытывает особую приязнь, это, к примеру, Анна Павловна Мальцева, которая «как августовский звездопад, сыплет и сыплет идеями», или, скажем, Сычиха, этот «калибан в юбке».

Если в первой книге ироничный тон повествования, то на страницах двух последующих книг от иронии мало что остается.

Тем не менее, книги объединены единым замыслом – повесть о жизни нескольких поколений рядовой ташкентской семьи в реалиях времени.

Марина БЕГЛОВА

Родилась в Ташкенте.

Окончила инженерно-строительный факультет Ташкентского политехнического института. Лауреат Международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль» - 2010.

Публиковалась в литературном альманахе «Феличита», журналах «Склянка часу», «Звезда Востока».

Автор

Книга первая
(журнальный вариант)

Глава 1

Yes-s-s-s! Свершилось! Наконец-то, и на нее, Ладу Коломенцеву, снизошло благоволение фортуны. А она и не сомневалась. Как ярая оптимистка она всегда верила, что чему суждено, то и вmeshается в вашу жизнь, и непременно вот так, как это произошло с ней: неожиданно и в придачу самым непредсказуемым и восхитительным способом.

Самолет летел над Европой на положенной ему высоте скольких-то там тысяч метров; милые улыбочивые стюардессы, экипированные в элегантную униформу, предлагали пассажирам мятные леденцы и напитки на любой вкус. Все это они проделывали, в том числе и улыбались, чрезвычайно старательно и добросовестно.

Гораздо приятнее и интереснее было сидеть, откинувшись в кресле, и попивая в охоточку апельсиновый сок, читать или просто перелистывать прихваченный из дома журнал, а еще лучше мечтать, представляя себе спокойное море, приморские дюны, голую, отполированную морем, солнцем и ветром скалу, нависшую над этим морем, на вершине скалы – одинокую сосну, протянувшую строго на юг свои пушистые лапы и щедро источающую фитониды, и себя под этой скалой, или нет, не под, а на скале. Ветер то вздувает колоколом ее воздушный белый сарафанчик, временами озорничая, оголяет стройные, дочерна загорелые ноги, или ласково перебирает свободно рассыпавшиеся по плечам волосы, которые уже успели окончательно побелеть от солнца и морской соли, а то нежно целует ее ярко-розовое, цвета фуксии, плечико, поблескивающее сквозь обгоревшую на солнце кожу. Одной рукой она придерживает на затылке готовую в любую минуту слететь широкополую соломенную шляпу с лиловой ленточкой и пришпиленным букетиком живых фиалок («С ума сбесилась? – сказал бы ее лучший друг Марик Варшавский. – Откуда летом фиалки?»), а другой намеревается снять темные очки, чтобы получить разглядеть горизонт, предвкусывая умирление от вида приближающегося к ней такого маленького, будто игрушечного, суденышка. У Лады получилась романтическая идиллия вполне в духе Александра Грина, не хватает только алых парусов.

Предназначение свершилось! Так думала Лада Коломенцева, извлекая из глубин своей памяти новость где прочитанную или услышанную фразу, удачно и к месту включив ее в свой репертуар.

Двадцатого июня международная торговая компания «Sweet's Mary», завалившая в последние годы ее родной Ташкент всевозможными продуктами питания, в том числе, и супами-концентратами в ярко-оранжевых пакетиках, проводила рекламный розыгрыш призов. Будучи слишком занятой на работе, а точнее – слишком ленивой, чтобы каждый день готовить дочке обеды, Лада закупала эти всем знакомые оранжевые пакетики в огромных количествах, благо, они ее Веронике отнюдь не надоедали.

Вот так, благодаря этим самым ярко-оранжевым, чтобы на прилавке было видно изда-лека (проверено еще самой вдовой Клик!), пакетикам и страсти ее дочки Вероники к супу с лапшой, начавшей еще с пеленок, с веселой детской загадки: «Сидит в ложке, свесив ножки», – Лада Коломенцева, ташкентская журналистка, и выиграла главный приз – поездку в Англию на три недели; вот так и оказалась на борту самолета всего в двух шагах от своей заветной мечты – побывать за границей. До сих пор мир она познавала лишь со страниц своего родимого журнала «Альфа и Омега».

Рекламный проспект со вкусом расписывал великолепный и незабываемый отдых в комфортабельном отеле под звучным названием «Заоблачная вьсь», удобные номера с непререкаемым видом на Ла-Манш, ресторан с отличной европейской или, на выбор, экзотической кухней, соответствующей запросам самого отъявленного гурмана, разумея, вероятно, тайскую или японскую, благоустроенный пляж, а также для любителей острых ощущений, к коим Лада себя отнюдь не причисляла, казино, ночной бар, бассейн с морской подогретой водой, аквапарк и прочие курортные блага.

Человек, как известно, привыкает ко всему, но невозможно привыкнуть к ташкентской жаре, и поэтому пресловутое ташкентское лето – особая тема, заслуживающая отдельного разговора.

Где-то в середине июня в Ташкенте начинается чилля – самые жуткие дни в ташкентском календарном году, и спасу от нее не будет никакого, потому что Богом данный порядок вещей неизбыв и установлен раз и навсегда. А город снова и снова, как и две тысячи лет назад ровно сорок дней будет изнывать от жары. Все вокруг снова и снова будет задыхаться от зноя и жариться под лучами нещадного ташкентского солнца. Снова и снова будут плавиться от некаа асфальт и мозги ташкентцев, а кондиционеры с утра до вечера будут накручивать немалое количество киловатт-часов, наводя неописуемый ужас на рачительных хозяек, считающих не выключать этих спасителей хотя бы на ночь – непозволительная роскошь.

Вездесущее солнце не пощадит случайного прохожего, осмелившегося показаться днем на улице без крайней необходимости и прокладывающего свой маршрут короткими перебежками от одного автомата «Газ-вода» к другому, готового спрятаться куда угодно, лишь бы спастись от этого пекла, и ругающего на чем свет стоит эту треклятую чиллю! Не пощадит оно и травку, нагло пробившуюся сквозь плитку тротуара, еще недавно такую сочную, а сейчас выжженную дотла. Не пощадит оно и чахлые, поникшие головки цветов, в надежде на русское «авось» высаженных вдоль дорог. Первый вздох, первый глоток уличного воздуха обжигает легкие наподобие глотка спирта и напрочь отбивает дальнейшую охоту дышать. Нестерпимым жаром веет от раскаленного добела солнца, от белого тусклого неба, от оставленного посреди солнцепека автомобиля, в котором уже начала плавиться внутренняя обшивка, а на капоте хоть яичницу жарь. Жар идет от крыш домов, заборов и вывесок, на которых уже пузырится и отслаивается краска, от выжженного солнцем бурьяна в кюветах, от пыльных гроздей спеющего винограда.

Эта чилля гонит прочь все живое, заставляет дворовых собак зарывать потрескавшиеся носы в жидкую глину где-нибудь у глухого дувала, загоняет дочерна загорелых голых мальчишек в городские фонтаны и арыки; и только вездесущие отчаянные воробьи за неимением лужи купаются в придорожной пыли.

— Чилля! — стонут разморенные, доведенные зноем до одури уличные торговцы дынями и арбузами, сброшенными в кучи на каждом перекрестке и, побросав свой товар, лежат неподвижно, прикрывшись, как покойники, белыми платками.

— Чилля! — воздают должное чилле торговцы уличных коммерческих лотков, за сезон становясь миллионерами, продав несметное количество «Фанты» и «Кока-колы».

Посередине такой невообразимой жары судьба, а может, Ладина добрая фея-покровительница, в которую она с легкой руки дочери, большой любительницы всяческих сказок, с недавних пор уверовала, устроила так, чтобы Ладе досталась не одна из тысячи фирменных маек с эмблемой «Sweet's Mary», не фотоаппарат и не видеоплеер (действительно, зачем ей вся эта ерунда!), а путевка в Англию. Отъезд назначили через неделю; этого срока едва хватило на оформление всяческих бумаг, на то, чтобы быстро закончить наименее важные дела, а более важные, и потому требующие особого подхода, отложить на потом, собрать впопыхах чемодан, раздать своей семье устные и письменные напутствия и, вусмерть устав, напоследок как следует всплакнуть.

Лада вдруг спохватилась, что совершенно не знает английского языка, так как в школе и университете изучала французский. Выучить за неделю английский ей не помог бы никакой суперсовременный курс, поэтому Лада ограничилась тем, что запаслась карманного формата словарем на двадцать пять тысяч слов и стареньким в коленкоровой обложке разговорником, выпущенным аж в 1947 году.

Вот таким образом, размышляя и временами мечтая, Лада и долетела до Лондона. В лондонском аэропорту ее встретил местный представитель компании «Sweet's Mary» — симпатичный, хотя и несколько надменный джентльмен, типичный клерк или среднестатистический менеджер среднего звена, как это теперь зовется, сносно объяснявшийся по-русски.

Еще в Ташкенте выяснилось, что их — осчастливленных компанией «Sweet's Mary» — двое. В том же самолете летел еще один везунчик, выигравший второй главный приз, — двухметровый красавчик-шатен с длинными с прямым пробором завивающимися в крупные локоны волосами («Выпендюжник» — вынесла незамедлительный вердикт Лада; она такую мужскую прическу терпеть не могла и называла «сбалансированный беспорядок»), с круглыми навывкате василькового цвета глазами, припухлой верхней губой, примерно одного с Ладой возраста, с фигурой Тарзана. «Типичный Джордж из джунглей», — отметила про себя Лада. Такая внешность подразумевала полное отсутствие всякого присутствия интеллекта, как выразился бы ее лучший друг Марик Варшавский, что красавчик сразу же не преминул подтвердить: восхищаясь аэропортовским столпотворением — этой разномастной оголтелой публикой, снующей туда-сюда безо всякой видимой цели, — он внятно и громко прокомментировал:

— Все смешалось в доме Обломовых.

Эта кошмарная оговорка так покорила Ладу, на алтарь жизни поставившую литературу! будто провели ножом по ее сердцу. Но как добрая женщина, представив себя на его месте, она даже посочувствовала его скудоумию, а как истинная леди и бровью не повела, продолжая как ни в чем не бывало заниматься своими делами.

— Давайте я вам помогу заполнить анкету. Эти вопросы — такая муть, но только попробуй ошибиться — заставят переписывать. — Покончив со своей анкетой, он сверху наблюдал, как она старательно, прикусив от усердия левый уголок нижней губки, вписывает в графы нужную информацию.

И что он себе возомнил? Что она будет искать помощи у него, который после школы, наверняка, и ручку-то в руках не держал? Вслух же Лада, отложив, наконец, анкету в сторону, не без гонора в голосе произнесла:

– Благодарю, у меня уже все готово. Надеюсь, без ошибок.

Уму непостижимо, что некоторые, увидев на горизонте одинокую растерявшуюся женщину, прямо-таки по-менторски торопятся оказать ей свое покровительство! Лада не смогла бы объяснить свое отвращение к этому Джорджу из джунглей, но сразу и навсегда для себя решила, что с таким типом у нее не может быть ничего общего – настолько он был далек от ее мира; а ее женское чутье подсказывало ей, что курортным романом тут и не пахнет. Иногда она совершенно необоснованно испытывала к лицам противоположного пола особенное чувство – нечто вроде мстительного превосходства, на что у нее были свои, достаточно веские, с ее точки зрения, причины.

Состроив напоследок в его адрес милую брезгливую гримасу, она в тот же час перестала о нем вспоминать.

В Лондоне они с Джорджем из джунглей были час-полтора. Лондоном в данном случае был местный аэропорт, по которому они в сопровождении любезного англичанина спортивным шагом, не тарахась по сторонам, продефилировали по длинным переходам в здешнее отделение какого-то respectable банка, а затем уже к самолету местной авиакомпании. В авангарде выступал англичанин в чопорном черном костюме и с громадным черным кейсом под мышкой, видимо, для лучшей сохранности, вышагивающий, как венценосный журавль. За ним, как телок на привязи, – Джордж из джунглей в джинсах, рубашке гавайской расцветки и налегке; а уж арьергард составляла сама Лада – тоже в джинсах, в тон к ним голубом легком жакетике и с большой сумкой через плечо.

Отель «Заоблачная высь», как оказалось, находится в курортной зоне Голубые водопады на берегу Ла-Манша в окрестностях города Пейнтон, куда их доставит круглосуточно курсирующий между аэропортом и отелем автобус, а там им будут предоставлены комфортабельные номера и прочая и прочая. Они слушали англичанина, ни о чем не спрашивая. Чрезвычайно корректно, тщательно подбирая необходимые русские слова (интересно – где это он так наловчился?), англичанин объяснил им, что компания понимает, какую берет на себя ответственность, приглашая ее с Джорджем из джунглей посетить его родную Великобританию, и, чтобы они не чувствовали себя в чужом краю как в чужой тарелке, компания выделила им зное количество местной валюты. В этот момент он, опрокинув навзничь свой внушительный кейс и пошелкав замочками, как фокусник достает из шляпы кролика – оп-ля! – извлек оттуда две пластиковые карточки и вручил их Ладе и Джорджу из джунглей. Эту новость он оставил им на закуску.

Полет в самолете из Лондона до Пейнтон занял всего ничего. Незадолго перед посадкой серьезная стюардесса что-то тихо буркнула в микрофон, что не понравилось летевшим рядом с Ладой англичанам. Лада недоумевала, чем это могло быть вызвано, но паники в салоне не наблюдалась. Рассудив здраво, что, по всей вероятности, они не падают, и что причина их недовольствия в чем-то менее значительном, и она рано или поздно об этом узнает, а до той поры прекрасно может потерпеть, Лада не стала волноваться. Гораздо большее беспокойство она испытывала по поводу своего чемодана со всеми пожитками. Ведь в лондонском аэропорту она его даже не видела – во время посадки о нем должна была позаботиться авиакомпания.

На летном поле Джордж из джунглей вновь дал о себе знать, и вот тут он и объявил ей, что из-за каких-то природных явлений они приземлились не в Пейнтоне, а совсем в другом городе, и что до Пейнтон их доставят автобусом. Туда же отдельным транспортом поедет и багаж. Они еще поговорили о каких-то посторонних вещах, но разговор не клеился. Слишком уж откровенно он ее разглядывал. Лада замкнулась в себе и вновь тотчас о нем забыла.

Серьезная стюардесса, особа решительная и невозмутимая, согнала их как овец в кучу и оставила дожидаться дальнейшей участи на площади перед аэровокзалом, а сама куда-то величественно удалилась. Лада поискала глазами световое табло на здании аэровокзала – его загораживала роскошная крона дуба. Тогда она отошла от своих попутчиков, старательно прочитала название города, написанное замысловатым шрифтом, повторила про себя, пробуя слово на язык, и тут же его забыла. Попутно она полюбовалась гирляндами ползучего растения, увивавшего перголу у автокасы, на фоне сияющего голубизной с жемчужными прожилками облаков неба. Прелестная картинка! Не прошло и двух минут, как она вернулась к попутчикам, которые уже всюю усаживались в автобус. Быстренько заняв удобное местечко у окна, Лада в самом развеселом настроении и вся в предвкушении встречи с Ла-Маншем поехала навстречу своим приключениям.

Глава 2

Всю жизнь она была серьезной, хорошо воспитанной и не в меру балованной девочкой из благополучной семьи, оправдавшей ожидания родственников.

Оба Ладиных родителя были живы и здоровы, и дай Бог им еще по сто лет жизни и семей-

ного счастья! Более того, ее ташкентские бабушка и дедушка тоже были живы и здоровы, а в Санкт-Петербурге жила и здравствовала вторая бабушка (второй дед, к несчастью, погиб на войне, но успел совершить подвиг; вся Ладина многочисленная родня им гордилась).

Детская пора Ладе прежде всего запомнилась тем, что она всегда ждала маму. Это ожидание отложилось у нее как настроение на уровне подсознания, и долгие годы она ощущала его каждой клеткой своего организма. Обида на маму засела в сердце занозой и оставила на душе странный осадок, горький и шемящий. Позднее ощущение потерянности кануло в прошлое, но выплывает из тумана памяти как светящиеся огоньки в мимолетных воспоминаниях, от которых никуда не деться. Слишком они ярки, слишком осязаемы.

Школьные, а за ними и студенческие годы для Лады пролетели как один день. Училась ей легко, едва ли не играючи. Примерно тогда же появилась ее склонность, если не сказать страсть, к литературе, ставшая впоследствии главным содержанием ее жизни.

Ее рассказ напечатали аж в самой «Юности»! Тогда, одиннадцать лет назад – а Ладе только-только исполнилось девятнадцать – она не помнила себя от радости, да и сейчас тоже не прочь была позадирать перед кем-нибудь нос, простодушно бахвалась столь значительным фактом своей биографии. На гребне успеха Ладу несло из семестра в семестр; перепархивая как беспечная и беззаботная птичка с курса на курс, она с легкостью сдавала зачеты и экзамены.

Во внутреннем дворе журфака за сколоченной из деревянных реек решеткой находилась «Чуварахона» – дешевая студенческая столовая. В этой пельменной происходили все знаковые университетские события: знакомства, зубрежка перед зачетами и экзаменами, обмен шпаргалками, переписывание конспектов и т.д. и т.п. Велись душещипательные разговоры. Обсуждались наряды. Выслушивались советы. Одалживалась косметика и сигареты. Занимались деньги под будущую стипендию. Копировались выкройки из «Бурды». Обдумывались планы. Сочинялись отмазки для неугодных кавалеров. В частных беседах рождались гениальные идеи.

На последнем курсе университета в двадцать три года она произвела на свет Веронику. Радость желанной беременности ей тогда несколько омрачил токсикоз, вещь почти такая же гадкая, как болгарская зубная паста «Поморин». Но это дело прошлое, теперь же, в свои тридцать, Лада всерьез полагала, что жизнь ее еще толком и не началась.

Вскоре после защиты дипломного задания она устроилась на работу в журнал «Альфа и Омега», конечно, не без протекции влиятельных отцовских знакомых, и в кругу ее приятелей все в один голос заговорили, что ей, Ладе Коломенцевой, сказочно повезло.

Редакция буквально накануне переехала из старой резиденции в районе Рисовой база-ра на новое место и теперь осваивала позицию в самом центре города – напротив Сквера в административном здании с плоским квадратным фронтоном, отделанным по современной моде зеркальными стеклами и блестящим металлом, где занимала несколько смежных комнат на третьем этаже. Здание было новое, оборудовано и меблировано с иголочки, а в его пустынных, пока незахламленных коридорах пахло сырой штукатуркой и лаком. В одной из комнат с высокими офисными стеллажами и выкрашенными светло-зеленой краской нескорогаемыми шкафами Ладе выделили стол возле окна, в которое сквозь про-галину в кроне растущего рядом дерева она имела возможность созерцать проложенную к памятнику прямую аллею. В противоположном от окна углу подальше от пагубных солнечных лучей на высоком фигурном подиуме в окружении теневых комнатных растений, со вкусом подобранных специально приглашенным дизайнером, помешалась краса и гордость редакции – просторная клетка с попугайчиками, которые, не шая себя, часами занимались сколь кропотливым, столь и захватывающим занятием: зацепив лист формата А4 когтями, клювом остервенело рвали его в клочья, посему поддон клетки сплошь был усеян нарезанной лапшой «снегурочкой»; попугайчики, естественно, гадили и создавали вокруг себя слишком много шума, но они были личной и, благодаря этому, неприкосновенной собственностью главного редактора Майи Борисовны Мамочкиной, которую за глаза здесь звали Мамашей Кураж, натуры столь увлекающейся, что, когда она стала поговаривать, как неплохо было бы тут же, рядом с клеткой, устроить комнатный водопад и даже уже начала собирать справки, то отговорить ее от этой затеи стоило великих трудов. В основном же комната была обставлена по-хайтековски строго, если не сказать, сурово.

Сама Майя Борисовна занимала в редакции едва ли не меньше места, чем ее крылатые питомцы, – каморку три на три метра, отгороженную от остального пространства стеклянной перегородкой, так называемый «аквариум», в котором проводила целые дни и, как шепнул Ладе на ушко один из сотрудников, бывало, что даже ночи.

В качестве придворного еврея Зюсса Майя Борисовна держала при себе одного провинитого старичка-бухгалтера с насупленными бровями и противным скрипучим и гундосым, как у Карлсона, голосом – Альберта Анатольевича Ромашина, которого все сотрудники, включая девушек студенток-заочниц филфака, запросто звали Алик. Этот расчетливый и сухой до крайности царедворец единолично отвечал за всю финансовую

сферу, причем, делал это весьма успешно. Согласно негласному этикету появляться в редакции ему было позволено нечасто – всего раза два-три в месяц, приходил он обычно сразу после обеденного перерыва, со страдальческим видом закрывался с Мамашей Кураж в ее «аквариуме», придвигал к столу дополнительный стул для себя и сидел там до ночи. Львиная доля заслуг в том, что журнал занял свое достойное место, реально принадлежала ему; так, именно ему приписывали то, что в смутные годы журнал не только не сгинул, но, наоборот, значительно упрочил свои позиции.

Кроме вышеупомянутого Алика в редакции трудились еще два представителя противоположного пола: Марик Варшавский и Миша Сурмин. Марик был поэт-шаржист, Миша – технический редактор. Марик – чернявый, высокий и громогласный, Миша – маленький, рыжий, анемичный, с прозрачной веснушчатой кожей и вечно красными оттопыренными ушами, а коронной фразой его были слова: «Было бы сказано, забыть недолго». Он был слегка тронутый на почве своей неудавшейся внешности и постоянно нудил, к тому же он был левша, а ко всем левшам, считая их не от мира сего, Лада относилась предвзято. А еще оказалось, что она всегда ошибочно считала мелкий убористый почерк у мужчины – наиглавнейшим признаком занудства и мелочности души, а неряшливое и размашистое письмо – показателем широты и богатства натуры. Тут все было как раз наоборот: у Миши был типичный почерк левши, а Марик ухитрился писать так мелко, что без лупы его писанину расшифровать было практически невозможно; зато вскоре он стал ее лучшим другом.

Девушек было три: Венера, Мила и Софа. Всегда и всюду неразлучные, они дополняли друг друга, как змей-горыныч о трех головах. Все три подвержены нарциссизму, незакомплексованы, сексуально раскрепощены и какие-то обезличенные, так как были почти одного роста, одинаково худосочные, длинноногие, длинноволосые, узколикие, волоокие и с чем-то неуловимо общим во всем облике, хотя и отличались мастью (Венера была брюнетка, Мила – шатенка, а Софа – рыжая, как ее тезка из фэнтези-боевика), они напоминали трех томных ухоженных кошечек, которые существовали в режиме «нон-стоп», причем, синхронно. Держались они высокомерно и отчужденно, с наносным претенциозным флером, немного переигрывая; Ладу в свою компанию не то чтобы не звали, просто она сама не вписывалась в их рассчитанный по минутам график, где не только длительные приятельские отношения, но даже мимолетный, ни к чему не обязывающий адюльтер считался даром потерянным временем.

Убаюканная сладкими грезами и лучезарным июньским солнышком, окончательно смлев под мерное шуршание толстых автобусных шин, часа два Лада наслаждалась видом из окна. Долгая дорога, как беспробудный сон; автобус изредка останавливался, входили и выходили пассажиры. Своего земляка она не видела и была этому рада – она не любила бестолковые и долговечные разговоры в транспорте, отвлекающие ее от созерцания пейзажа. Ее слабостью всегда был открывающийся из окна междугороднего автобуса или поезда вид. И какой вид!

Вот небольшой, но до чего же чистенький, городок: каменные, двухэтажные дома под черепичными крышами, причем, буквально при каждом доме миниатюрный газон с аккуратно подстриженной травкой; небольшие навесные балкончики и окна домов украшают яшики с цветами.

Далее городской пейзаж сменялся пустынной холмистой местностью. Здесь в изобилии росли эрика и вереск. Мелькали на горизонте одинокие фермы и остроконечные шпиль часовен. Дикий вересняк сменяли поля созревающей пшеницы, размежеванные на аккуратные зеленые наделы; в поросшем осокой овраге паслись козы; на пригорке в окружении аптечной ромашки и васильков рос величественный вяз, а рядом валялась гряда сухих веток.

Ровно и мощно гудел мотор. Любуясь английским сельским ландшафтом, Лада упоенно мурлыкала себе под нос один и тот же куплет незамысловатой песенки, как ей думалось, тоже английской:

И кому какое дело, если у межи
Целовал кого-то кто-то вечером во ржи...

Мелькавший за окном деревенский пейзаж опять сменялся городским. Они ехали теперь в непрерывном потоке автомобилей; трамваев и троллейбусов не наблюдалось. На остановке автобус изверг из себя еще одну порционную порцию пассажиров и как следует дал по газам.

Нескончаемый гул мотора, удивительная красота этой дивной страны, зеленые дали, залитый солнцем город и чистое несравненной голубизны небо убаюкали Ладу настолько, что она напрочь забыла обо всем на свете, а очнувшись, пришла в ужас. Смутное, нехорошее предчувствие комом подкатило к горлу, а прокравшееся в мысли подозрение показало настолько неправдоподобным, что Лада постаралась поскорее его прогнать.

Но внутренний голос продолжал настаивать на своем. «Ха-ха, дорогуша моя! – с издевкой молвил он. – Разумеется, ты села не в тот автобус и теперь без билета едешь невесть куда, с чем тебя и поздравляю!» Глупая ротозейка! Бестолочь! От этой оглушительной догадки по затылку у Лады побежал зловещий холодок, на лбу выступил предательский пот, а ноги сделались ватными и стопудовыми одновременно. Вновь открывшиеся обстоятельства, как сказал бы ее сосед Давид Самвелович Саркисян, светило ташкентской адвокатуры, были очевидны.

Лада оцепенела и стала ждать развязки. Будто сейчас произойдет нечто и все разрешится само собой. Как в сказке. Но это был наивный самообман.

Вспомнив про самоуверенную стюардессу, Лада потихоньку, не привлекая к себе внимания пассажиров, постаралась оглядеть салон. Среди оставшейся горстки англичан ее не было; не было и Джорджа из джунглей. Один джентльмен унизиительно погрозил ей пальцем, видимо, подумав, что она заигрывает с ним, а потом своими поросычьими глазками нахально принял ее рассматривать. Как будто рабыню покупает, чуть ли не в зубы смотрит. Противно до ужаса. Зачем она оглядывалась? Устыженная, Лада отвернулась к окну и вжалась в сиденье. В блестящем окне отражалось ее бледное несчастное личико. Все. Сомнения исключаются. Это конец. Лада потеряла ощущение реальности. Сердце ее, ей казалось, забилось везде сразу: в груди, в висках, в горле, в ушах.

Как только Лада окончательно убедила себя, что она по ошибке села не в тот автобус и зайцем едет неизвестно куда, она сделала то единственное, что пришло в ее бедную головушку, – когда автобус в очередной раз остановился, она собралась с духом и вместе со своими манатками молчком, крадучись поспешила из него выйти.

Как говорит ее лучший друг Марик Варшавский, лучше уж ужасный конец, чем ужас без конца!

Глава 3

Слава Богу, что она еще счастливо отделалась, и с нее не взыскали штраф за безбилетный проезд!

Автобус оставил Ладу на мошной булыжником площади с фонтаном – незамысловатым каменным сооружением в форме садового вазона с бьющими через край потоками воды. От него лучами разбегались улицы. Со всех сторон ее окружали серые каменные фронтоны домов, с острыми коньками и мезонинами, сплошной массой тянувшиеся вдоль тротуара, на которых было великое множество вывесок, выполненных латинским шрифтом, и чугунных витиеватых решеток всех размеров. Ну как ей сориентироваться в этом нагромождении непонятных слов? От долгой дороги у нее затекла и ныла поясница, а непослушные ноги так и норовили споткнуться на ровном месте. Обнаружив себя в таком малозавидном состоянии, что впопору караул кричать, Лада, наконец, решила принять меры, а иначе будет поздно. Первое, что она сделала, это приказала себе успокоиться и постараться собрать мозги в кучу.

За ближайшим к ней каменным зданием она разглядела железнодорожные пути и мирно стоящий у дебаркадера поезд. Вокзал! Возле здания вокзала она без труда нашла домик, куда царь пешком ходил.

На площади с фонтаном Лада заметила несколько столиков под полосатыми белокрасными зонтиками-парасолями, а рядом – барную стойку. Она взяла у бармена баночку цитрусового напитка и соломинку к нему, разменяв первую банкноту из припасенной ею валюты, и села под зонтик. Кресло дополняла роскошная подушечка в рюшах из яркo-красного шелка – типичный образец рукоделия из цикла «для дома, для семьи». Вот теперь самое время спокойно подумать.

Ладины наручные часы показывали седьмой час ташкентского времени; сколько местного, она не знала, и жаль, что не догадалась посмотреть, будучи на вокзале. Все равно, как ни долги летние дни, непременно стемнеет, ведь день, пусть даже такой длинный, как сегодня, не может длиться вечно, и в скором времени даже на этот жизнерадостный город должна опуститься ночь. А потом, согласно всемирному закону бытия, еще и еще и так до бесконечности. Значит, пришло время подвести итоги и добить эту тему сегодня, как сказал бы ее лучший друг Марик Варшавский.

Ну-с, приступим. Самое главное – она в здравом уме и твердой памяти (царившая у нее в голове путаница не в счет), руки-ноги целы, у нее есть деньги, значит, от голодной смерти она застрахована. Что ей известно? Что она находится в Великобритании. Известно в каком городе. Зато она может доехать до места назначения поездом.

Да, но как она объяснит кассиру, куда ей нужен билет? И, кроме того, вполне вероятно, что на свою погилель она опять все перепутает и сядет не в тот поезд. Она даже не знает, где находится сейчас. Тут Лада сообразила, что название пишут на здании вокзала. Она оглянулась и по слогам прочитала: «Адамсфилд». «Прекрасно, продолжай в том же духе», – похвалила она себя.

Адамсфилд ей ничего не напоминал и ни о чем не говорил.

Лада отчаянно соображала, что, если она с трудом и купит билет на поезд, благополучно, без дополнительных приключений доедет до места, то, что она будет делать через несколько часов опять-таки в незнакомом городе? Целый день она только и делала, что вместе с солнцем перемешалась с востока на запад, пытаясь обмануть время. Сейчас же Лада чувствовала, что с приближением вечера дело становится фатальным, роковым. Ее очень пугала предстоящая ночь. Ночевать на вокзале? Ни за что! Даже и не думай! – приказала она себе. Хотя это так романтично, так волнительно, так круто, но ее девичье пристрастие к удобствам настаивало на ночевке в гостинице. Оно и выудило из Ладина головы еще одно знакомое английское слово – «hotel». Значит, нужно во что бы то ни стало найти отель, переночевать, а утром будь что будет.

Сказать по правде, тут она сама себя заподозрила в том, что все эти ее умозаключения по поводу предстоящей ночи – всего лишь повод никуда больше не ехать, до того ей опостылела эта дорога.

Допив сок, Лада отправилась на поиски отеля. Но сначала она позволила себе ненадолго расслабиться, откинувшись на спинку пластикового кресла, она еще немного просто так посидела в этой уличной кафешке, глядя вдаль и вслушиваясь в далекий призывный бой курантов – ведь всем известно, что это одно из лучших средств, действует не хуже настоялки элутерококка.

Почувствовав разительные перемены и будучи уже в состоянии показаться на публике, Лада огляделась и решила пойти вниз по первой слева от нее улице. Та больше всего была запружена машинами и казалась наиболее оживленной, а тротуар кишел прохожими; кроме того, проезжая часть на ней была заасфальтирована, а не как площадь, выложена булыжником. Лада увидела в этом добрый знак. Проходя вдоль вереницы домов, на ближайшем перекрестке она наткнулась на вывеску «Hotel». Подвешенная на кованом ажурном кронштейне к фасаду красивого, с круто срезанным коньком и красной черепичной крышей двухэтажного здания, она в купе добавляла разнообразия в унылый ряд сплошь каменных стен. На вывеске были еще два слова, очевидно, название отеля, но Лада их даже читать не стала.

Еще раньше в витрине расположенной в подвале жилого дома книжной лавки она увидела выставленные на продажу географические карты, среди них большую карту Великобритании. Решив, что без карты она здесь точно пропадет, а ей этого делать было никак нельзя, она бодрым шагом спустилась в подвал и нашла среди прочего тоненький атлас, благо, его цена была указана на обороте. Что ж, для начала совсем неплохо. А слабо спросить у продавца про словарь, ведь ее собственный – на двадцать пять тысяч слов – остался в чемодане?

Имеющемуся в ее распоряжении морально устаревшему разговорнику 1947 года выпуска Лада не очень доверяла, но выбора не было, поэтому, порывшись в нем, она произнесла по-английски свою первую фразу:

– Дайте мне, пожалуйста, англо-русский словарь.

Словарь нашелся и даже очень подходящего размера. Теперь – в отель.

Еще на улице, подходя к отелю, она выбрала себе две ключевые фразы:

– Есть ли у Вас свободные места? Можно ли мне снять стандартный номер на одни сутки?

Ничего более приемлемого она в разговорнике не нашла.

Оные фразы Лада подчеркнула ногтем, а затем тщательно несколько раз их прорепетировала, разминая непослушный, туго ворочающийся язык.

Наконец, собравшись с духом перед нелегким разговором и призвав на помощь всю свою профессиональную находчивость и непосредственность, Лада смело дернула за медную, начищенную до блеска, ручку в форме кольца, торчащего из львиной пасти. Отворяя массивную двустороннюю дверь, она услышала, как где-то в глубине помещения пробил колокол, оповещающий о ее прибытии, затем все стихло.

Она очутилась в небольшом темном холле с явным запахом канифоли. Стены были отделаны тусклыми дубовыми панелями; на них поблескивали черно-белые гравюры; пол вымощен матовыми плитками; на плитках – несколько плетеных циновок; люстра – многорожковое бронзовое паникадило – не горела. В центре холла широкая деревянная лестница взмывала вверх, в углу другая лестница вела в подвал.

В глубине помещения позади широкой лестницы зеленым кошачьим глазом светилась кабинетная настольная лампа, а под лампой яхонтовым глазом сверкала живой, корноухий и одноглазый мордастый кот, с мирной безмятежностью развалившийся на гостиничной стойке. Негромко играла музыка – где-то под стойкой, видимо, был спрятан магнитофон. А за стойкой с трудом и не сразу Лада разглядела девушку в строгих очках и черном костюмчике, с помадой старомодного сливового оттенка. Увидев гостью, англичанка дежурно улыбнулась и что-то спросила. Что именно, Лада, естественно, не разобрала, но с перепугу улыбнулась ей в ответ от всей души – как их учил в свое время на семинарах по психологии доцент Вл.Н.Беленький. Как же Ладе к ней обратиться? В конце концов, ре-

шив, что сейчас не самое подходящее время разводить церемонии, на всякий пожарный случай Лада речитативом произнесла:

– I don't understand, – полагая, что эта фраза как раз кстати, а уж следом выпалила те две заветные фразы из разговорника.

К Ладиному безмерному удивлению англичанка ее поняла и даже что-то ответила. Лада быстро сообразила – когда не очень надо, она умела быстро соображать – и до того расхрабрилась, что жестами попросила англичанку написать на бумажке стоимость гостиничного номера на одну персону.

Таким необычным манером беседа ладилась.

Девушка опять улыбнулась и, начертав на клочке бумаги цифры, передала его Ладе. Приятная девушка и такая улыбчивая, но зачем она так по-старушечьи намазалась? А цены в отеле оказались сносными. В уме Лада быстренько прикинула, что тех денег, что она прихватила с собой, ей, пожалуй, хватит на то, чтобы прожить здесь если не месяц, то пару недель наверняка, разумеется, соблюдая жесточайшую экономию.

Копаясь в сумке в поисках денег, Лада вдруг наткнулась на карточку, которую ей всучили в лондонском аэропорту и про которую она совершенно забыла. Она вынула карточку и помахала ею перед носом англичанки. Та ее взяла, произвела необходимые манипуляции и вернула Ладе. Вместе с карточкой англичанка подала Ладе ключ с большой резиновой грушей и указала на широкую лестницу в центре холла.

– Thank you!

Англичанка проводила Ладу долгим, внимательным взглядом. Чувствуя обеими лопатками этот взгляд, Лада еще держалась, но едва войдя в номер, быстро закрыла за собой дверь, силы покинули ее.

По сравнению с затхлой атмосферой холла здесь было свежо. Лада в полном изнеможении плюхнулась на кровать и заревела, размывая остатки утреннего, столь тщательно наложенного, макияжа. О Господи! Лучше бы ей сидеть дома и никуда не ездить!

Одна, вдалеке от дома, никому не нужная, а между тем, там – в Ташкенте, где ее так любят, помнят, ждут и скучают – никто и ведать не ведает, и знать не знает, где она теперь, и что с ней произошло. Сама мысль об этом вызывала новые приступы рева. Но рыдала Лада недолго – что толку лить слезы, если все равно никто не увидит, не приголубит, не пожалеет, не вытрет поцелуем слезинки.

Она еще некоторое время лежала, зарывшись лицом в подушку, источающую еле угадываемый запах лаванды, – такую свежую и мягкую. Мочи не было даже думать, поэтому она, не в силах противиться охватившей ее душевной боли, уснула. Но долго спать ей не пришлось: ее биологический будильник отвел на сон ровно столько, сколько потребовалось, чтобы от страшной усталости не осталось и воспоминания, а вместе с ней улетучились страхи и сомнения.

Теперь, когда у нее в арсенале имелись кредитная карточка, карта, словарь, она окончательно уверовала, что не пропадет. Как говорит ее лучший друг Марик Варшавский, не дождетесь!

Глава 4

Когда Лада проснулась, часы на прикроватной тумбочке показывали начало шестого – пресловутый английский «five o'clock». Время пить чай. Чай Лада не любила и пила редко, а вот без кофе она не человек. Она подумала, что чашечка кофе, а еще лучше две – это именно то, что ей сейчас как раз позарез необходимо. Значит, настала пора выбраться в город.

День угасал, а вместе с ним улетучивалась последняя надежда добраться сегодня до этой чертовой Заоблачной выси. Лада скорее машинально пустила слезу по своей несчастной доле и, всхлипывая, начала методично обследовать выделенные ей апартаменты.

Комната ей досталась небольшая, но веселенькая и по-домашнему уютная; мебели было совсем немного, но чувствовалась рука заботливой и домовитой хозяйки. Стандартную гостиничную обстановку составляли кровать с высоким изголовьем, тумбочка, массивный шкаф, комод с зеркалом и крохотная банкетка. Шелковые шторы и стеганое покрывало сверкали прямо-таки чудовишной белизной. Возле ведущей на балкон узкой стеклянной двери с жалюзи стояли небольшой круглый столик, покрытый кружевной скатертью, и два мягких стула, а противоположную стену занимал камин. В номере был телевизор, а в шкафу Лада нашла настоящую каминную утварь: кочергу, шипцы, медное ведерко для угля и пару замшевых перчаток огромного размера. Странно, что прежде она всегда думала об этих достопрочтенных вещах как о какой-то замшелой древности, давно и безвозвратно канувшей в Лету, наподобие допотопного чугунного утюга, а они – нате вам, пожалуйста!

Обследуя поочередно ящики пузатого комода, Лада обнаружила в одном затерявшуюся монетку – большой рыжий двухпенсовик с изображением молодой и кудрявой

английской королевы Елизаветы с диадемой в волосах. Вспомнив, что найденная монета приносит удачу, если правильно ею распорядиться, она опустила ее в нагрудный кармашек жакета.

Поддавшись искушению, Лада с наслаждением умылась. Кроме чересчур пахучего мыла в ванной она нашла флакон шампуня, тюбик зубной пасты, несколько новеньких запечатанных зубных щеток, стопку аккуратно сложенных голубых махровых полотенец и в тон им махровый халатик.

Она вернулась в комнату и, отогнув край до неприличия белоснежного покрывала, высыпала на кровать содержимое своей сумки: решила поточнее проверить, чем располагает. Затем достала из кармана джинсов все наличные, пересчитала их и часть сложила в кошелек, а самые крупные банкноты спрятала в потайной кармашек. В результате произведенных покупок у нее уже успело скопиться порядочное количество английской мелочи, так как она, не утруждая себя лишними математическими вычислениями, всюду разменивала новую банкноту. Мелочь Лада также пересыпала в кошелек. Далее она извлекла из сумки лежащие в отдельном кармашке документы, пластиковую карточку, шариковую ручку, вставленное в картонную рамку дочкино фото и новенький блокнотик в кожаном переплете. Вот и все ее богатство.

Первым делом Лада поцеловала самодовольно сияющую физиономию дочери. Вероника на фотографии была изображена вполоборота; ее яркие и прозрачные – цвета абсента, как любила говорить Лада, глазенки – восторженно глядели из-под чересчур длинной и густой челки, щеки пылали, а губы расплылись в щедрой улыбке.

Лада ощутила, как в душе у нее что-то зашевелилось.

Вероника без мамы оставалась впервые. Как она там? Успела набедокурить или пока нет? Лада принялась размышлять: судя по времени и, если бабуле вовремя удастся загнать правнучку в постель, Веронике скоро положено спать, а сейчас она, наверняка, с дедом валяются на диване, смотрят по телевизору всякую муру и уплетают со вкусом что-нибудь вкусенькое.

Лада еще раз пересмотрела документы и переложила их в среднее отделение сумки, закрыв его на «молнию», после чего покаялась себе, дабы не оказаться в шкуре того самого жареного цыпленка, разгуливающего по городу без денег и без паспорта, ни при каких обстоятельствах не выпускать сумку из рук.

Затем она раскрыла блокнот; на его первой странице корявым Вероникиным почерком был выведен полный перечень ее заказов: роликовые коньки и причиндалы к ним, наручные часы с будильником, подсветкой, календарем и калькулятором, потом – «халам-балам». Под «халам-баламом» Вероника подразумевала всевозможные девчоночьи ценности, вроде заколочек, колечек и браслетов.

По всей видимости, настала пора и Ладе воспользоваться блокнотом. В ответственные моменты своей жизни, когда ей надо было составить план кампании или принять решение, Лада всегда брала ручку и писала на первом попавшемся клочке бумаги все «за» и «против» – так их на семинарах по психологии когда-то научил доцент В.Н. Бельский; кроме того, она знала, что так, с ручкой в руке, всегда легче думать.

Итак, что ей может понадобиться в самое ближайшее время? Она не курит, не наркоманка, к алкоголю равнодушна, соответственно, спиртное, наркотики, сигареты и спички отпадают. Зубная щетка – тоже. Она воспользуется одной из тех, что лежат на полочке в ванной комнате.

В кармане жакета она обнаружила солнцезащитные очки и нераспечатанную пачку «Дирола», по всей видимости, втихаря подброшенную ей дочкой. Вот чертенок! И когда она успела?

Таким образом, если все отпадает, то – что? Ей, современной, избалованной цивилизацией женщине, ничего не нужно? Да не может такого быть!

Лада призадумалась и записала: «зонтик». Сейчас-то на улице солнце, но завтра вполне может пойти дождь. Это вам не Ташкент, это все-таки Англия.

Вторым пунктом Лада записала кофе. Больше у нее ничего не придумывалось.

Что же получается? Что она вполне может обойтись без всего, кроме зонтика и кофе? А не слишком ли быстро она сама себе пошла на уступки и согласилась довольствоваться малым? «Никогда не довольствуйтесь малым, – учил их на семинарах по психологии доцент В.Н. Бельский. – Просите по максимуму, ибо кто ничего не хочет, тот ничего и не получит». И, главное, ради чего она задумала терпеть эти лишения? Какая еще фантазия пришла ей в голову? Похоже, что она действительно собралась обосноваться здесь всерьез и надолго.

Напротив зонтика Лада сначала поставила знак вопроса, а потом вообще его вычеркнула; зонтик она тоже решила пока не покупать. На черта ей лишний груз? А если все-таки без дождя не обойдется, она подберет себе что-нибудь в ближайшем магазине.

Она не стала ничего переписывать на бѐло, а закрыла блокнот и сложила все свои дорожные пожитки в сумку.

За заботами Лада не заметила, как пролетело время. Приподняв на окне штору, она обратила внимание, что солнце светит уже не так ретиво, как днем; значит, скоро начнет смеркаться, а шлаться одной в темноте, да к тому же в незнакомом городе – малопочтенное занятие для молодой девушки, поэтому, наскоро причесавшись и схватив в охапку сумку, Лада отправилась на разведку.

Улица была пустынна; редкие прохожие с озабоченным видом спешили по своим делам. На горизонте легкие перистые облака окрасились в ярко розовый цвет; солнце садилось. Лада пошла вдоль вереницы зданий и свернула сначала в одну боковую улочку, а потом в другую, еще более узкую, с магазинчиками в подвальных помещениях. На противоположной стороне улицы немного поодаль от гостиницы, она заметила лавочку, торгующую зонтиками, и велела себе взять ее на заметку.

Она шла быстрым шагом, как привыкла ходить, и разглядывала прохожих, порой испытывая к ним нечто вроде жалости. Небольшая закусовая отыскалась как раз на расстоянии хорошей прогулки от отеля – необходимой, чтобы размять ноги, и достаточной, чтобы не упрекать себя, что она, лентяйка и двух лишних шагов боится ступить.

Столики были расставлены на открытой террасе, звучала негромкая музыка, из обслуживающего персонала только один бармен – мрачный тип в переднике малинового цвета и такой же «бабочке». Созерцая черную, вдоль и поперек исписанную цветными мелками, дощечку, он явно скучал.

Чувствуя, как колотится сердце, Лада подошла к стойке бара и храбро сделала заказ. Когда она опускалась на стул, резиновая груша с ключами издала в кармане неприличный звук, отчего бармен недобро на нее посмотрел и поспешил отвернуться к своей дощечке; он взял мел и что-то добавил к имеющемуся там длинному столбцу цифр, но Лада, приняв независимую позу, сделала вид, что это ее нисколько не касается.

Рядом с террасой была разбита клумба; там вперемешку цвели ярко-пунцовые флоксы и петунья, а за невысокой изгородью из самшита пряталась целая плантация душистого табака; отсюда струился влажный воздух, тянулся нежный приятный аромат. Лада положила ногу на ногу и откинулась на спинку стула. Косые солнечные лучи пригревали ей затылок, от предметов посуды и столовых приборов на скатерть ложились длинные тени, вокруг цветов вилась мошкара.

В Ташкенте вот уже который год подряд она обедала в кафешке под кодовым названием «тошнилровка»; эта кафешка, в прошлом обыкновенная общепитовская диетстоловая, находившаяся в том же здании, что и Ладин родимый журнал «Альфа и Омега», славилась тем, что там до сих пор за смехотворную цену можно было отведать рисовую молочную кашу, щедро сдобренную домашним вишневым вареньем. Со всех краев города сюда съезжались гурманы специально, чтобы воздать этому коронному блюду, которое ее лучший друг Марик Варшавский называл «порцией ностальгии по детству», должные почести. Лада эту кашу терпеть не могла – по всей видимости, она ее переела в детском саду, но за компанию с Мариком частенько заказывала; еще там подавали замечательную в своей кулинарной простоте окрошку. Сейчас ей до смерти захотелось очутиться в своей родной «тошнилровке», и чтобы там было полно народу, как всегда бывает в обеденные часы, и чтобы ненавязчиво играл блюз, и чтобы официантка Света, аппетитная роскошная блондинка, в своей наковке и фартучке похожая на вазочку с пломбиром, доведенная до белого каления, с ног сбивалась, не успевая обслуживать клиентов, и беспрестанно твердила, что у нее не десять рук, и что она прямо сейчас пойдет и умрет.

После ужина, невзирая на то, что глаза ее безбожно слипались, было бы непорядочно просто лечь спать, поэтому она включила телевизор, но когда со всех каналов на нее низверглась чужая речь, Лада даже ошалела. Нет, только не это! Лучше она почитает.

Она выключила телевизор, с наслаждением разделась и встала под душ, потом переоблачилась в голубенький халатик и юркнула под одеяло.

Из сумки Лада достала одну из двух своих книжек и, рассматривая новенькую, со вкусом оформленную обложку, глядя на знакомый славянский шрифт, ощутила неимоверное чувство облегчения, как кошка, которую долго не пускали домой, а потом, наконец, сжалились и пустили.

Автор книги, похоже, был последователем Уильяма Фолкнера. Бедная Лада с трудом одолевала его бурные речевые потоки, избыливающие замысловатыми оборотами, пытаясь не потерять нить повествования, – тшетно! Вот вам и легкое чтиво «на дорожку»! Впрочем, книга ее отчасти захватила, но, несмотря на это, прочитав подряд несколько глав, она все же заставила себя отложить чтение на потом и встала, чтобы потушить свет, как раз тогда, когда летние сумерки этого сумасшедшего дня наконец обратились в ночь.

Глава 5

Какими бы острыми ни были те переживания, которые она испытывала накануне, на другое утро Лада проснулась вновь буруемая жадой жизни и восторженным чувством радости бытия. Испугавшись, что все на свете проспала, Лада наскороблачилась в халатик и рывком распахнула дверь на балкон. Свежий утренний ветерок будто только того и ждал, стремглав ворвался в комнату, надул легкую занавеску и дохнул Ладе в лицо благоуханьем цветов.

Балкончик оказался совсем крохотным, но с довольно высокими, доходящими до уровня груди, каменными перилами; по периметру он был уставлен ящиками с цветами. К тому же с боков его затеняли две нарядные жардиньерки, до краев наполненные резедой. С таким буйством красок и запахов Ладе не приходилось встречаться еще никогда. Сквозь каменные балясины вверх тянулись тонкие и гибкие как проволока побеги глицинии; ее старые толстые лианы гиляндами свисали с соседних балконов, словно шупальца гигантского спрута опутывая водосточную трубу и по ней карабкаясь на черепицу.

Небо в это благодатное утро было необычайно синее; облака – чересчур белые и пушистые; изумительная зеленая травка искрилась прозрачной росой; упоительной медовой сладостью пахла резеда; юркие пчелы, окуная острые хоботки в цветочные чашечки, без устали собирали нектар; истопленно светило солнце, в его лучах черепичные крыши блистали своим величием, улаждая взор любого, кто, невзирая на такую рань, как Лада уже наслаждался миром и покоем под небесами.

Любуясь открывшейся взору необозримой панорамой, Лада вдруг обомлела. Она даже ахнула, потому что поодаль, на одиноком холме, одной стороной нависшем над пшеничным полем, а другой – полого спускающемся к парку, громоздился настоящий замок – замок с двумя каменными башнями, украшенными зубчатой лентой парапета, шпильями и бойницами, флагштоками и флюгерами в виде вставших на дыбы медвежат, узкими решетчатыми окнами и высокими кирпичными трубами. Тяжеловесный и величественный, он высился над остальными городскими постройками, подавляя их своей махиной и укрывая от диких и своенравных ветров, рожденных где-то на первородных лугах старинных графств и безнаказанно реющих над бескрайними вересковыми пустошами и дремучими зарослями дикого рододендрона.

С балкона дорога к возделенному объекту просматривалась достаточно хорошо. Лада чувствовала себя такой бодрой и жизнедающей, что готова была прямо сейчас на крыльях полететь к своей мечте, но что-то подсказало ей, что раннее утро не слишком подходящее время для экскурсии, поэтому благоразумнее будет постараться как-то убить часа два и лишь потом отправиться к замку.

Окрыленная новой идеей, трепеща от предвкушения, Лада самозабвенно приняла душ – у нее впереди трудный день и лишняя порция бодрости ей не помешает.

Еще раз перетряхнув содержимое сумки, Лада решила, наконец, раскрыть купленный ею накануне атлас. Оказалось, что она находится всего в десяти сантиметрах от Лондона, а учитывая, что Пейнтон со столицей имеет прямое железнодорожное сообщение, она могла бы спокойно сначала высадиться в Лондоне, а уж оттуда подняться куда ей нужно.

Могла бы... Но Лада сказала себе: даже и не думай! Потому что этот, на первый взгляд сногшибательный план по ее спасению, на второй показался ей зигзаговым на песке, отчего неминуемо должен будет рассыпаться в прах, как колосс о глиняных ногах. Хотя Лада очень смутно представляла себе, что такое Лондон, все же от мысли соваться туда она отказалась сразу и бесповоротно; более того, она даже клятвенно обещала себе больше к этому вопросу не возвращаться. Лучше она постарается отыскать какой-нибудь завалящий поезд в сторону Пейнтона прямо отсюда – пусть не прямой, а с пересадками; это все-таки лучше, чем плутать по столице в поисках нужного ей вокзала, ведь там их, по имеющимся у нее сведениям, чуть ли не полтора десятка. Жалкая и никчемная деревенщина, напрочь заблудившаяся в столице! Хуже этой участи могут быть только ее вчерашние обстоятельства.

За стойкой в холле ни вчерашней англичанки, ни Адмирала Нельсона не было и в помине. Вместо них дежурила совсем юная пригожая девица, рыжая, слегка веснушчатая, со вкусом одетая и эффектно причесанная, она одарила Ладку смущенным взглядом из-под копны густых кудрей и витиевато поздоровалась. поприветствовав ее дежурным «good morning», Лада мысленно нарекла ее Джинджер и отправилась приобщаться к английской жизни, на этот раз не забыв положить ключ от номера на стойку.

Рыскать по городу она отправилась в противоположную от вокзала сторону. Боясь, что победу одержит здравый смысл, а она, так и не осуществив свой план добраться до замка, сядет-таки в поезд, который навсегда увезет ее отсюда. Жажда приключений целиком завладела ее разумом. Намереваясь как-то убить время, Лада неспешно слонялась по городу. Захотелось пить, поэтому случившийся на пути маленький ресторанчик с представленными под навесом столиками, оказался как нельзя кстати.

Есть ей ни капельки не хотелось. Она взяла кофе и села на высокий табурет так, чтобы видеть башню с курантами на площади. Пила она медленно, маленькими глоточками; кофе на этот раз оказался ей вкусным.

Чтобы выйти напрямую к замку, ей надо было пройдя череду двухэтажных домов, свернуть на перекрестке налево и далее по мощеной камнем дорожке вдоль чугунной ограды, сплошь увитой девичьим виноградом. Боясь потеряться среди путаницы похожих друг на друга улиц, Лада обязала себя быть начеку, когда же на очередном повороте замок внезапно открылся ей во всем блеске, она, не оглядываясь и не разбирая дороги, на всех парах помчалась к намеченной цели.

Вот, наконец, и ворота – исполинских размеров два гранитных постаamenta, увенчанных гигантскими каменными шарами; на них когда-то, по всей видимости, крепилась чугунная решетка, но сейчас ее и след простыл. Перед воротами Лада замешкалась и огляделась: величественный издали крепостной вал вблизи представлял собой поросшие выгоревшим на солнце рыжеватым мхом руины, некогда бывшие кирпичной стеной. Широкая эспланада перед замком была посыпана мелким, цвета охры, песочком; по ней в поисках чего-нибудь вкусенького, косясь на Ладу и всюду оставляя свои трехпалые следы, расхаживали валяжные голуби. Два каменных садовых вазона, все в пятнах лишайника и голубином помете, суя по раздававшемуся оттуда мелодичному кваканью, до краев были полны дождевой водой.

Вблизи замок оказался Ладе не таким монументальным, каким виделся с балкона отеля. Но на фоне заброшенного ландшафта здание выглядело благопристойно. Лада ожидала увидеть на входе какую-нибудь надпись вроде «museum» или «castle». Не было там ни «museum», ни «castle»; там вообще не было никакой вывески. Кроме замка на двери имелось лишь решетчатое узкое окошечко да бронзовый, весь покрытый зеленью патины, дверной молоток, а с каменного фриза вычурного портика на Ладу свирепо сверкало глазами и шероло мерзкую пасть безобразное, как смертный грех, чудовище – то ли полумифическая чупакабра, то ли какой-то еще неизвестный науке зверь.

Под самыми окнами замка, спрятанный в одичавших кустах гортензии, виднелся небольшой водоем со стоячей водой, затянутой ряской; через него был перекинут горбатый мостик, а берега поросли подорожником и стрелолистом. Здесь пахло промозглой сыростью и терпкими болотными испарениями. Придержав дыхание, Лада прислушалась. Парк был наводнен звуками: шелестела на ветру листва, щебетали птицы, курлыкали лягушки, стрекотали в траве кузнечики; там же, в траве, что-то непрестанно двигалось, шуршало, колыхалось.

В глубине парка сквозь стволы деревьев проступали очертания какого-то одинокого приземистого строения из красного кирпича с зелеными ставнями и кровлей: не то сторожка, не то конюшня, а может, жилище какого-нибудь анахрета, устроившего себе в этой глухомани тихую обитель. Дальше тропинка шла вдоль оврага. На дне оврага в сорняках Лада разглядела очень странное сооружение. Она не сразу угадала в нем колодец. Он представлял собой кирпичную монументальную постройку под срезанной вкось черепичной крышей, взгроможденную на бетонный пьедестал. Колодец был закрыт крышкой, сколоченной из сучковатых и занозистых широких досок; по ее мерзостной осклизлой поверхности ползали жирные слизняки. Здесь было сумеречно и жутко, а трава была мокрая и росла особенно буйно; всюду валялись сухие ветки и кора деревьев.

Обогнув глухие, в лютых колючках и махровой паутине дебри, замыкающие парк, Лада вышла через заднюю калитку и очутилась на задворках небольшого кладбища. Его чугунное ограждение вплотную прилегалo к зарослям акации, а от калитки вела чистая и ухоженная, покрытая дерном, широкая дорожка, с двух сторон которой располагались бронзовые или чугунного типа кресты, плоские надгробные плиты с эпитафиями или высокие мраморные саркофаги с высеченными на них барельефами. В знойном воздухе плавала смесь запахов: свежескопанной земли, густой кладбищенской растительности, гнилого дерева, нагретого на солнце камня; среди них явственно угадывался своеобразный запах тления, от которого у Лады моментально подступил к горлу комок.

Одну из семейных усыпальниц украшала выточенная из камня фигура ангела в замысловатой позе, видимо, выделяющего колена какого-то танца. У Лады смутно мелькнула мысль, что это, очевидно, и есть та самая торжествующая джига, которую так часто грозятся исполнить на могиле своих врагов.

Запущенный пейзаж и полнейшее безлюдье в конце концов убедили Ладу в том, что замок – увы! – необитаем.

Разочарованная и несколько утомленная, она тем же путем возвратилась в город. Она все же заставила себя сходить на вокзал и там честно попыталась разобраться в расписании поездов. Тщетно. Напрочь отказавшись от дерзкой мысли ехать в Пейнтон с пересадкой в Лондоне, Лада тем самым оставляла себе еще один шанс. Прямо с вокзала она вернулась в отель и, не вдаваясь в подробности и не объясняя, что сподобило ее на этот

шаг, нахально заявила сидевшей за своей стойкой Джинджер, что остается еще на неопределенное время. Кутить, так кутить! Ее неумная душа вновь жаждала приключений.

Глава 6

Шли уже вторые сутки Ладиного пребывания в Англии, поэтому она настолько осмелела, и уже достаточно поднаторела в пользовании словарем и разговорником, что храбро заинтересовалась у праздно сидящей за своей стойкой Джинджер: как бы ей, Ладе, попасть в замок? Завязался разговор, причем, обе всячески помогали себе выразительными жестами. Джинджер, которая в общении оказалась просто душа, то морщила свой ясный вешуточный лобик, а то с чисто девичьей непосредственностью расплывалась в обворожительной улыбке.

Оказалось, что замок и парк являются частной собственностью, о чем сообщала налистывающая у ворот табличка. Лада напряглась и вспомнила, что вроде бы какая-то медная дощечка там имела, но она на нее не обратила внимания, решив, что это, скорее всего, предостережение вроде – «по газонам не ходить» или «цветы не рвать». Джинджер также поведала Ладе, что замок у них в городе считается чуть ли ни достопримечательностью «number 1», и что совершенно случайно владельца замка, а точнее, наследница и ее «boyfriend» как раз сейчас занимают у них один из номеров, хотя, если честно, распространяться на тему постояльцам у них в отеле не принято. Но, видимо, проникшись к Ладе доверием, Джинджер пообещала, если представится удобный случай, рассказать этой самой наследнице о Ладе и о ее интересе к замку и, более того, если та согласится, познакомить их.

Оказия случилась в тот же самый вечер в холле. Наследница сидела в углу низкого диванчика под лестницей и откровенно скучала. Золотистые волосы все в мелких кудельках открывали чересчур покатый лоб, а взлохмаченная голова казалась слишком громоздкой для ее узких плечиков. Словом, девица была бы хоть куда, кабы не одно обстоятельство: была у Лады одна знакомая пекинесочка Кнопочка, наблюдавшая за миром с гримасой легкого недовольства, так вот, ликом наследница уж очень походила на эту самую Ладину знакомую пекинесочку, курносую и лупоглазую.

– Вы русская, и английского языка не знаете, так? Добрый вечер! Не трудитесь зря, словарь нам не понадобится. Простите, что напугала вас своим вопросом. Вы, я вижу, не ожидали услышать здесь, в нашем английском захолустье, родную речь?

Это было так неожиданно, что Лада прикусила губу, после чего воцарилась гнетущая пауза.

Наконец пигалица, которая явно упивалась Ладиным смятением, видя, что та с перепугу не нашлась, что выдать из себя, кроме «good day», с улыбкой продолжила:

– Все очень просто: я переводчик со славянских языков и, кроме того, читаю курс русской литературы в одной из лондонских школ для девочек. Элли мне сказала... – пигалица энергично тряхнула головой в сторону внимательно следившей за ними из полумрака Джинджер. – ...Элли мне сказала, что вы интересуетесь нашим патримониальным домом. Узнав, что вы русская, я сразу же загорелась идеей познакомиться с вами и с удовольствием удовлетворю ваш интерес. Задавайте свои вопросы, только, желательно, по порядку. А вы, кстати, кто по профессии: историк, архитектор или, может быть, дизайнер? И что вас занесло в наши края?

«Патримониальный дом» – как она затейливо выразилась. Не могла сказать просто: «наследственный». А рыжая Джинджер оказалась Элли. Что ж, Элли, так Элли.

Конечно, Лада была обескуражена, но постаралась как можно скорее взять себя в руки. Гораздо сложнее оказалось перестроиться на русскую речь. И потом, эта наследница патримониального дома Ладе не нравилась. Какая невоспитанность – тараторить, не дав Ладе опомниться. И вообще, Лада питала отвращение к людям, говорившим вот таким ровным, бубнящим, без тени эмоций, да к тому же чересчур писклявым голосом. Англичанка, так правильно изысняющаяся по-русски, на Ладином пути встретилась впервые. Преподает в школе? Лада заключила, что бубнящий голос этой позерки – издержки ее профессии.

Настала пора и Ладе включиться в разговор. Мысленно настроившись на позитивный лад и чувствуя у себя за спиной весь Ташкент, она начала:

– Здравствуйте! Я – Лада Коломенцева, журнал «Альфа и Омега».

Ну, прямо пресс-конференция какая-то! Смех, да и только!

Я думаю, вы должны простить мне мое профессиональное любопытство. Увидев вчера утром с балкона своего номера ваш замок, я больше ни о чем с тех пор не могу думать. Может быть, вы уделите мне час-другой своего времени и поведаете историю замка: когда он был построен, кем и для кого, кто в нем жил и так далее.

– А я не все знаю. Но расскажу все, что вспомню... – наследница заколебалась было, но Лада, не дав ей очухаться и вознамерившись сразу побольше выудить о замке и, глав-

ное, во что бы то не стало напроситься в гости, бесцеремонно усадила ее в стоявшее тут же, под лестницей, кресло, а сама плюхнулась в другое.

— Это дом моих бабушки с дедушкой. А после их смерти вот уже четыре года кто-нибудь из нашей семьи навещается сюда раз или два в год, чтобы поклониться их праху и навести порядок. Сейчас моя очередь. Я, знаете ли, в некотором роде тоже являюсь отпрыском старинного рода. Кто там жил раньше, до них? Кто-то, видимо, жил, я не знаю...

Пигалица, наконец, согласившись, что разговор ей предстоит долгий и трудный и что так просто ей от Лады не отделаться, сдалась на милость победителю, расслабилась и закурила.

Сколько ей? Лет двадцать, двадцать пять? Скорее всего, больше, но точно не тридцать, уж слишком явно она корчит из себя женщину с прошлым. Пока пигалица закуривала, Лада разглядывала ее тугие и розовые, будто яблочки, щеки, слегка выдающиеся вперед нижнюю губу, чересчур белые, тонкие и прозрачные пальчики. Единственно стоящее, чем она располагала, были ее бросающиеся в глаза, ухоженные, аккуратные, с восхитительным маникюром руки.

— Жить в доме нельзя, там даже летом холодно и сыро. И нагревательный котел сломался. Поэтому мы, когда приезжаем сюда, всегда останавливаемся в отеле.

Пигалица на минуту задумалась, а потом продолжила:

— Если вас интересует какая-нибудь музейная редкость или древности, сразу вас предупреждаю: никакого антиквариата в доме не осталось. Да его там и было не ахти как много. Так что смотреть вам особенно не на что. Осталось, конечно, кое-что из мебели, но все это — один хлам или старье, которое просто не поднялась рука выкинуть.

Лада догадалась, что сказано это было специально для того, чтобы, если она надеется на экскурсию, то потом пусть не разочаровывается. А наследница уже торопилась уточнить, что все: и нетленные шедевры, и мейсенский фарфор, и веждвудский фаянс, и вермелевые ложки-вилки, и другая всякая всячина — все уже давно вывезено и украшает лондонскую квартиру ее родичей. А что не вывезено, то выброшено на свалку либо сгнило дотла.

И тут началось самое интересное! Никакой это не средневековый замок, а просто-напросто загородный особняк, выстроенный сто лет назад без какой-либо определенной архитектуры, но с намеком на романский стиль и характерными для той эпохи деталями. Наследница хорошо поставленным голосом в общих чертах постаралась изложить Ладе всю архитектурную премудрость дома.

— Но... — златокудрая девица торопилась заглядеть свою невольную вину, — ...но парк действительно очень старый, и потом в нем, как принято считать в моей семье, сохранились кое-какие ветхие постройки эпохи Тюдоров.

Когда наследница продолжила в том смысле, что, если Лада настаивает, то они с ее другом, который сейчас поехал на бензоколонку, будут рады пригласить ее, Ладу, туда завтра с утра, потому что на потом у них намечены другие планы, Лада, естественно, подтвердила, что настаивает, стараясь соблюсти не столько этикет, сколько свои собственные интересы, и дело, в конце концов, было решено в ее пользу. «Завтра с утра»! Как она ликовала!

Случай познакомиться ближе представился тогда, когда к ним присоединился тот самый ее друг с бензоколонки — дюжий молодой англичанин растаманско-байкерского склада с ярко выраженной внешностью: жгуче-черные глаза, яркие губы, борода клинышком, собранные в хвост черные космы, крапчатая бандана и грубые тупоносые ботинки. От его osoby исходил сильнееший бензиновый дух, а на открытом высоком лбу выступили бисеринки пота. Обменявшись с ним сдержанным поцелуем, наследница повернулась к Ладе:

— Кстати, меня зовут Лара. Совсем забыла представиться. А это мой друг Гарри.

Вот с этого и надо было начинать, а не конфузить Ладу своим нахальным разглядыванием.

— А я Лада.

Пару фраз между собой по-английски и про Ладу уже забыли. Обнявшись, парочка не спеша проществовала к выходу.

Переглянувшись с Эли и улыбнувшись ей, Лада не без сожаления отправилась к себе. Вдоль всего второго этажа шел коридор, застеленный мягкой дорожкой, куда открывались в ряд двери номеров. «Завтра с утра»! Завтра с утра она сделает то, что задумала. Потому что с некоторых пор она дала себе зарок — все доводить до конца. Можно сказать, что она это сделала своей второй натурой — доводить до конца задуманное.

Когда она поднялась в свой номер, за окном уже вовсю беспредельничала ночь. Луны не было, вместо нее сквозь жалюзи в темную комнату струился слабый свет уличного фонаря, бросая на пол узкие светлые полосы. Лада вышла на балкон и в порыве ребяческой радости протянула руку, на которую тут же упали первые крупные, как бусины, капли дождя. Ну, что вы на это имеете сказать? Так она и знала, что без дождя здесь-таки не

обойдется. В крошечной тьме ничего не было видно; подвешенный на столб исполинских размеров фонарь горел вполсилы, и в его жиденьком свете ползучие растения, оплетающие стены соседнего с отелем дома, еще больше стали походить на гигантских морских чудовищ. Дождь, сначала едва угадываемый, потом все более неугомонный, барабанной дробью бил по крыше, на разные лады стучал по подоконнику, хлестал в окна, журчал в желобах, низвергался по водосточным трубам, пенистой жижей заливал газон, бурными ручьями струился по каменным мостовым, нагло брызгал в лицо одинокому прохожим и пузырился в затопленных цветочных ящиках, чавкая и разбрызгивая мутные лужи. Временами он лил как из бездонной бочки, и тогда сквозь водяную пелену вообще ничего не было видно, только от намокшего защитного колпака на фонаре поднимался пар. К тому времени, когда его сила достигла апогея, равнодушный город уже спал. Легла спать и утомленная Лада.

Утром сквозь тонкий шелк занавесок она увидела необычно яркий свет, а раздвинув их, с удивлением и радостью не обнаружила на лазурном небосводе ни единого облачка.

Лужайка под балконом была вся в лужах и обломанных ветках; отсыревшие гроздья гортензии поникли, изредка с них срывались и обрушивались вниз потоки воды, и тогда казалось, что они вздыхают с облегчением; подернутый влажной дымкой одинокий гигантский подсолнух в какой-то немыслимо разгильдяйской позе свесил набок голову и застыл в тупой полудреме. Дул легкий свежий ветерок; голубело бескрайнее небо; редкие капли со звоном скатывались с карниза на подоконник; душное, напоенное дождем, благоухание цветов кружило голову.

Спустившись с петушиной точностью вниз, у входа в отель Лада обнаружила – нет, отнюдь никакой не «харлей», – а очень даже солидный автомобиль, цветом и формой капота напоминающий панцирь майского жука.

Пять минут езды и вот – Лада стоит на последней ступеньке высокого крыльца; еще шаг и она на пороге своей вожаделенной цели. Ночная непогода, смыв грязь и пыль, наполнила парк душистыми, гнилыми испарениями, а заодно умерила пыл в двух лихих лагушачьих царствах, оккупировавших каменные вазоны-великаны на эспланаде, устроив им там всемирный потоп, так что они теперь и пикнуть не смели.

В тот момент, когда массивная дубовая дверь, для пушей важности и неприступности окованная железом, на котором проступали пятна ржавчины, наконец, была отперта, и Лада для усиления драматического эффекта сказала: «Сезам, откройся», у Лады захватило дух.

(Продолжение следует)

проза

**ANAMNESIS MORBI...
ANAMNESIS VITAE...**

(Записки коллекционера)

Хорезм

Зная о моем увлечении искусством, жизнью и творчеством художников, в марте 2001 года мне позвонила корреспондент одной из бульварных газет и сообщила, что в Индийском культурном центре выставлена экспозиция работ Павла Кичко, художника из Ургенча. О звонке я вспомнил через неделю после очередного напоминания и, досадуя на назойливость корреспондента, направился по адресу. Это были сумбурные годы, когда выставочная деятельность только набирала силу, а презентации были не столь частым явлением.

Культура любой страны создается сотнями лет. Это очень сложная и нежная структура, базирующаяся на вере, надежде и любви народа и им же укрепляющаяся. Говоря о самобытности страны, в первую очередь, подразумевают его культуру, во вторую, — экономику и политику. Уничтожение цивилизации начинается с уничтожения культуры, поэтому сохранение и преумножение культурных ценностей — главнейшая задача любого цивилизованного правительства.

Я повернул на Севастопольскую. Давно не бывал в этом большом жилом массиве частных построек. Индийский культурный центр располагался на одной из многочисленных улиц массива, простирающегося от улицы Дагестанская по обе стороны Луначарского шоссе (сейчас улица Буюк Ипак йули), в большом доме очевидно, арендуемом. Экспозиция располагалась в зале библиотеки и состояла из 30 работ, добротной прописанных уверенной рукой. Чувствовался профессионализм автора и бесподобное владение цветовой гаммой — от ярко-сочных радужных работ до выполненных в технике сепии. Философское направление многих картин говорило о глубоком внутреннем мире мастера, а багетное оформление — о его бедности.

Особенно врезались мне в память три произведения — «Портрет девочки-хивинки», «Хранитель времени», «Меланхолия». Если первое брызжет сочностью красок и радостью, то третье — уныло и печально, заставляет подумать о смысле жизни и смерти.

На первый взгляд эти три работы никак не связаны друг с другом. Первая — портрет улыбающейся девочки на фоне старых зданий хивинской Ичанкалы с красным яблоком в руках. Вторая — седой ухмыляющийся старик среди толпы зевак, обвешанный множеством часов, от солнечных до электронных. Сюжет явно навеян работами Сальвадора Дали. И третья — серо-коричневая, — на которой изображена лодка, плывущая по реке времени. На носу лодки высокий человек в сером хитоне играет на мандолине, а двое мужчин в таких же хитонах с ка-

**Алексей
НАЗАРОВ**

Родился в 1952 г. Окончил Московский медицинский институт и аспирантуру. Кандидат медицинских наук, высококвалифицированный врач-ветеринар, известный коллекционер, собравший уникальную коллекцию современной Узбекстанской живописи. Работает в медицинском центре «Аник».

полюсами скорбно сидят на корме. Лица всех трех не определены, да и нужны ли лица вечности?

Не знаю, думал ли Паша, выполняя эти работы, что они воспринимаются как триптих, отображая философию жизни – от рождения и до смерти. Кстати, именно эти три работы Паша впоследствии многократно копировал, меняя сюжет и краски, очевидно, в зависимости от настроения.

Пройдет еще около двух лет после моего заочного знакомства с творчеством Павла Кичко до личной встречи с ним в Ургенче. А тогда я позвонил корреспондентке и попросил о переносе экспозиции после завершения выставки в Индийском культурном центре в мой медицинский центр, где большая часть работ была раскуплена. Господин Блюхнер из германского представительства «Alkatell» купил сразу три работы. Кстати, денежки с выставки-продажи не попали к Паше, благодаря смекалке менеджера-корреспондентки! Ну «какой приказчик не крадет у хозяина»? Поэтому художники предпочитают продавать работы сами или доверяют это дело своим домашним менеджерам.

В качестве благодарности за проведенную выставку П. Кичко презентовал мне картину «Блюз», где был изображен чернокожий саксофонист, освещенный огнями рампы, «улетающий» вместе со своим блюзом. Эта работа очень понравилась трехкратному олимпийскому чемпиону Александру Карелину и была подарена мной ему прямо из экспозиционного ряда. Картина уехала в Новосибирск.

После выставки у меня не осталось ничего, кроме желания познакомиться с художником – романтиком и философом, но мои попытки вытащить Павла с работами в Ташкент были тщетны. В то время я не знал, что он был привязан к матери, тяжело болеющей и уже не встающей с постели.

Через полтора года в Ургенче наконец-то «гора встретилась с Магомедом».

Паша – среднего роста, кареглазый и коренастый, а не высокий блондин с голубыми глазами, как его себе представлял. Скорее хмурый, чем веселый, менее разговорчивый, чем хотелось, без определенной прически, одетый во что попало и почти всегда слегка выпивший. Несмотря на все это возникла искра, породившая дружбу, взаимопонимание и дальнейшую большую творческую жизнь двух «замечательных людей», очень разных по внешним признакам, но очень близких по внутреннему строению. По моим заказам Паша выполнил около ста работ, которые подарили радость мне и людям. Часть их осела в моей коллекции, а другие разъехались приносить радость по разным городам и континентам.

Горжусь тем, что мне досталась первая его «Меланхолия», выполненная в 2001 году. Небольшая болотно-зеленого цвета работа – самая грустная из его «Меланхолий», где в лодке изображены контуры трех фигур на фоне полного лунного затмения. Границы воды и суши слабо определены. На носу лодки скорбящий человек, в середине – кормчий с длинным шестом в руках, и позади него, играющий на мандолине, как видно, в очень минорных тонах, низкорослый, в шапочке магистра-философа, музыкант.

По второй работе «Меланхолия», выполненной П. Кичко по моему заказу, видно, насколько поднялось настроение автора. Работа уже превышала первоначальный размер в четыре раза. Выполнена она в светлых серо-коричневых тонах. На фоне затянутого тумана, но все же – солнца, отчетливо видны три фигуры. Первая – в позе «родеоновского» мыслителя. Вторая – музыкант в яркой клоунской одежде средних веков, дающей понять, что исполняется мелодия в мажоре. Шест третьего – кормчего – как дробная черта, за которой много воздуха и пространства. Нос лодки выполнен в виде головы дракона, а на востоке дракон – символ мудрости, богатства и философии. Разве можно назвать эту работу авторской копией? На мой взгляд, это новая работа из «новой жизни» автора.

Темных и светлых полос в жизни Павла Кичко было предостаточно, с явным преобладанием темных, но в большей части наших встреч под его рукой рождались шедевры так просто и быстро, как мыльные разноцветные пузыри из соломинки. Его акварельная графика по силе не уступала живописи. Мой заказ – 15 акварельных работ – Паша сделал за двое суток. Причем, огромных размеров и так изящно, что мои коллеги битый час толпились около них, вздохнув обсуждая их темы и краски. Акварельные работы были наполнены очень глубоким содержанием, философией и ностальгическими светлыми образами. У меня не нашлось даже такого размера планшета для их транспортировки. Работы были перевезены в Ташкент в тубусе, и часть их приняла участие в выставочном кастинге экспозиции «Феерия графики», которую я провел в ноябре 2008 года в дом-музее Урала Тансыкбаева.

Просто восхищает «Девушка-хивинка с гранатом». «Девочка с яблоком» повзрослела и похорошела. Пряди сине-черных волос, сплетенных во множество косичек, разбегающихся волнами по плечам и груди, бусы из дерева, спускающиеся со стройной лебединой шеи на синее национальное платье, изящные пальцы левой руки, держащие спелый гранат, красивое лицо с сочными и похожими на гранат губами и, особенно, глаза –

грустные, большие, философски глядящие прямо вам в душу. Девушка уже созрела, как и тот рубином светящийся плод в ее левой руке. На выставке равнодушных людей к этой работе не было.

Во многих работах Павла есть минорное, ностальгическое настроение, но нет ерничества. Даже в этом миноре любовь почувствует любовь к родине, жизни, Богу.

На грустные мысли наводит акварельная работа «Перелет», где с одиноко стоящего в пустыне дерева срывается белая птица, уносящая на своей спине гнездо с тремя яичками, но в клюве у нее соломинка, предназначенная для нового соиздания. Работа выполнена в минорных, светло-бежевых тонах и задает зрителю извечные вопросы – «Зачем? Что делать? Кто виноват? Правильно ли сделан выбор? А что в будущем?».

В работе «Одиночество» на ярком динамическом фоне показана полнеющая фигура одиноко танцующей женщины. Нет зрителей, нет близких и вообще уже ничего нет в жизни стареющей танцовщицы – невостребованная старость страшна. Забыться можно только в танце, который дарил ей когда-то веру, надежду и любовь. Сейчас только танец и только воспоминание об утраченной любви, сокрушенной надежде и отсутствующей вере. Любовь – божественный дар, и покушение на нее всегда преступление – или против себя, или против человечества, или против Бога!

В новом варианте «Хранителя времени», написанном Павлом Кичко в 2007 году по моему заказу, мне кажется, он изобразил себя, льющего «время и любовь» в песок пустыни, рождающего новую жизнь на земле своими произведениями. Здесь вы увидите ретроспективу его любимых картин – джизиста, караваны, уходящие в будущее, и хивинские мотивы. Я бы назвал картину «Хранитель любви».

Кстати, эту работу он вручил мне во время встречи медиков фирмы «Аник» с группой художников в арендуемом мною огромном доме в Ургенче. Прихожая этого дома была так велика, что в ней бы поместились два танка Т-34, так что мест всем хватило.

Встреча была очень теплой и продуктивной. Обсуждали представленные работы Паши, строили планы на будущее. Гвоздем программы, конечно, был Атахан Аллабергенов. Все относились к нему с большим уважением, называя его учителем.

Атахан оказался очень добродушным, во всем светлым хорезмийцем. Я часто бывал у него дома. Встречал он меня и моих коллег очень гостеприимно, всегда организовывал шикарные хорезмийские столы, но всегда нарушал традиции Хорезма: присутствовал за столом вместе с гостями.

Первый раз я столкнулся с этим интересным обычаем будучи молодым врачом, в первой своей командировке в Хорезм. С моим коллегой и другом Зауром Каримовым мы были приглашены на обед главным врачом сельской больницы. Мы, голодные, просидели возле поданной горячей пищи целый час, удивляясь нерасторопности хозяев и истекая слюной. И почти враждебно встретили через час пришедшего хозяина, но, увидев его очень удивленное лицо, поняли: что-то сделали не так.

Через полчаса, насладившись вновь подогретой пищей, мы смеялись до слез вместе с хозяином, который уже не отходил от нас, по-ташкентски предлагая пищу: берите, берите.

Назвать работы Атахана хорошими мне не хватает духа. Я думаю, мое мнение разделяют и другие зрители – они просто великопелны. Атахан – глыба! Атахан – чародей! Атахан – романтик и певец Хорезма. Не зря коллеги по цеху называют его Учителем!

В Атахане живут два мастера – один романтично реалистичен, а другой – экспрессивно авангарден. Я не могу классифицировать направление его творчества и жизни. Есть такие люди, которые всех и все классифицируют по полочкам и присваивают номера – первый или последний. Я думаю, Атахан способен поломать все эти классификации, настолько он неподражаем и самобытен.

В его произведениях не добавить ни мазка, они не оставляют никакой возможности что-то улучшить. Он силен от миниатюры до станковой живописи. Его картины одинаково хороши, реалистичны и живописны. Эта первая часть его художественной натуры. Здесь он трудолюбив и патриотичен. Ну, а в другой – sentimentalен, легок и влюблен, близорук и очень добр. Он предлагает каждому закончить свою работу впечатлениями, как красками, и видит в зрителе выдающегося художника и мастера. Вот настолько легка и экспрессивна акварель Атахана.

Кстати, у него подрастает сын Сардор. Он еще молод, но мастеровит. Его работы уже высоко и вполне заслуженно ценятся. Так что я вынужден не согласиться с тезисом, что «на детях гения природа отдыхает». Он достойный преемник отца и при таком усердии займет место в ряду выдающихся художников Хорезма. Я приобрел у него небольшого размера «Портрет отца», который мне очень импонирует.

Хорезмская земля – туристическая зона, особенно красавица Хива. Все художники региона работают на экспорт. Художники расписывают все, что под рукой: деревяшки, баклажки, сухие тыквочки. Миниатюрами завалены все гостиницы, сувенирные лотки,

магазины, торгующие антиквариатом. Причем сильные авторы не брезгают этим мелким бизнесом, распределяя продукцию под реализацию по мелким точкам продажи и активно используя возможность для оптового сбыта.

Исследование этого интересного процесса изготовления и сбыта предметов искусства я начал, проживая в гостинице «Джайхун» в Ургенче, после знакомства с двумя интересными мастерами – сбытчиками миниатюрной акварели – Рустамом и Зайнутдином. Они продавали свои маленькие акварельки в холле гостиницы, имея, конечно, разрешительные документы.

Впоследствии с Зайнутдином завязалась долголетняя дружба, теплая и уважительная. Я часто бывал у него в мастерской и дома. Видел, как происходит процесс производства миниатюр, и сколько усердия и трудолюбия необходимо для поточной работы. При хорошем стечении обстоятельств производилось до десятка работ в день. Я покупал эти акварельки у него сотнями, одаривая близких и незнакомых мне людей. Как подарки они были очень хороши и разъезжались по Азии, Европе и другим континентам. Но когда я сделал заказ укрупнить размер работ на прежние сюжеты, у него ничего не получилось. И я подумал, что рыбака, привыкшая к маленькому аквариуму, будет и в большом плавать по своей привычной лоции. И ошибся. Через год в гостинице «Интурист», беседуя за обедом с директором, я услышал, что Зайнутдин участвовал в художественном оформлении этого заведения. Естественно, я подумал, что его кабинет и стены оформлены миниатюрами. Каково было мое удивление и восхищение, когда мне представили чудесную работу, выполненную на холсте маслом размером 3х5 метров.

Я приобретал у Зайнутдина и живописные работы. Все о любимом Хорезме. Работы и мастер во всем замечательны. Иной раз от его работ веет таким одиночеством! Хотя он религиозный человек, а в религиозных постулатах нет, как вы понимаете, такого состояния души. Даже если человек полностью изолирован, у него всегда есть друг и судья – Бог. Покойся – и получишь прощение. Уверуй, – и тебе откроется дорога надежды и любви. Трудись, – и труды твои будут вознаграждены временем и людьми.

«Прикладников» в Хорезме великое множество, особенно в Хиве. Каждый дом в Ичан-кале приспособлен под мастерскую, гостиницу, магазин или точку общественного питания. Туристы могут наблюдать воочию, как создаются предметы прикладного искусства. В мастерских шьют, ткют, вяжут, занимаются росписью по металлу, по дереву и керамике, скорняжничают. В мастерских много детей-учеников. Они перенимают мастерство взрослых, начиная с пятилетнего возраста. Более старшие уже участвуют в реализации. Поэтому найти работу, сделанную только мастером, не представляется возможным, хотя их имена и присутствуют на большинстве изделий.

Я много раз и разным мастерам заказывал разделочные доски для кухни из твердого темного дерева карагача. Причем, заказывал большое количество: от 30 до 50 досок у одного мастера. Они предназначались на подарки сотрудникам фирмы и друзьям. Одним из условий заказа было размещение слогана фирмы – «Здоровый позвоночник – долгая жизнь», места и года изготовления и, конечно же, фамилии и имени автора. Ждал около месяца выполнения заказа и получал некачественную продукцию с орфографическими ошибками. Правда, именно эти доски у моих коллег пользовались большим спросом.

Наконец, разобравшись в анатомии производства этого вида товара, я смеялся почти до слез. Весь процесс был настолько дифференцирован, что мастера, стоящие в начале производства, не знали, кто стоит в конце. А их полный состав делился на покупателей деревоматериала, причем, зачастую, материал перекупался у оптовиков, и из каких мест древесина, распилишки досок уже не знали. Как говорят у нас на востоке, «Узumni е, богини сурама», что в переводе означает – «Кушая виноград, не спрашивай, из какого он сада».

В других цехах из досок создавались формы будущих изделий по заказам цехов, в которых они уже оформлялись. Например, в мебельном цехе есть мастера, которые могут резать и мебель, и шкатулки, и доски.

И вот на последнем этапе производится окончательная обработка – резьба и шлифовка, инкрустация, морение или лакировка, и ставится имя и фамилия мастера. Зачастую сам мастер и не видит «продукт своего труда», а является просто хозяином и владельцем мастерской и занимается финансовыми делами.

Над моими детективными расследованиями процесса производства поточного «китчевое искусство» долго смеялся мой друг, комиксмейкер и дизайнер Виталий Шербак:

– Вы что, серьезно думаете, что художники ткнут себе холсты под размеры планируемых работ? Если вы хотите иметь полностью авторскую работу, то вам надо поискать холст плохо натянутый, на кривом подрамнике и в несуразном багете.

Впрочем, в 2003 году в Ургенче я убедился, что творят иногда и так, как я по наивности предполагал. Зайнутдин познакомил меня с мастером Хушнудом Якубовым. Ему на вид было около сорока лет, ростом ниже среднего, молчаливый и задумчивый, бого-

боязненный и религиозный. Он страдал болезнью Диплоитрена – контрактурой ладонного апоневроза (после ранения правой руки циркулярной пилой). Это заболевание чревато тем, что, как правило, начинаясь в одной кисти, обязательно переходит на кисть не травмированной руки. Заболевание развивается прогрессивно в течение нескольких лет и сгибает пальцы рук в кулаки. При насильственном разгибании пальцев контрактура прогрессивно усиливается. Для художника это трагический диагноз, хотя заболевание лечится хирургически, но и терапевтам оставляет очень узкие лазейки.

Хушнуд был беден, и я взялся поработать с ним бескорыстно. Курс лечения был закончен. Работы у нас было много, так что к концу командировки я полностью забыл о Хушнуде, когда неожиданно был приглашен к нему в гости.

Врачи, как правило, не ходят в гости к своим пациентам, так как после гостевания, на Востоке люди становятся чуть ли не родными, а у врачей есть правило – не лечить самому своих родственников и друзей. Рука обязательно дрогнет у хирурга, а терапевт обязательно выпишет не то лекарство. Нарушается традиционная дистанция «врач – пациент». Врач выполнит свой долг четко и правильно, если он свободен от каких-либо эмоций.

Зайнутдин мой скучный рецитатив пресек и пояснил, что Хушнуд воспримет отказ как нашу гордыню перед его бедностью.

Приглашение было принято, и за действительно очень скромным дастарханом в необычайно скромном доме он вручил мне в подарок две разделочные доски, объяснив, что над каждой трудился неделю. Я был ошеломлен филигранностью работы. В моих руках засветились два предмета высочайшего искусства. Причем, резьба букв и узоров была настолько правильной, что не была похожа на ручную работу, словно компьютер по спецпрограмме нанес орнамент на дерево.

Теплая встреча в семье мастера закончилась, но история Хушнуда с его досками продолжилась, причем, необычным образом. Одну из досок я подарил своему другу – хорезмшху Аману, и она осталась в Ургенче, а другую привез домой. Она была выставлена на обозрение в маленькой кухне, ею никогда не пользовались по назначению, а просто любовались.

Весной 2005 года я заметил, что она дала большую трещину, почти до середины. Я посетовал, а осенью того же года в телефонном разговоре с Аманом я спросил, какживает его доска. Ответ прозвучал, как гром среди ясного неба, его доска раскололась пополам. Посетовав на качество древесины, я тут же перезвонил Зайнутдину с просьбой связаться с Хушнудом и заказать ему еще несколько досок. Ответ был похож на внезапный выстрел: мастер Хушнуд весной этого года повесился на цветущей яблоне в своем саду сразу после утреннего намаза.

Я знал, что старики, прожившие жизнь вместе в любви и уважении, уходят практически вместе, животные без хозяина чахнут и умирают, растения вянут без любви, но чтобы произведения искусства, получив частицу души и любви мастера, уходили вместе с ним, я и представить не мог.

Становится понятным, почему «рукописи не горят», почему, даже далекие от мира искусства люди тянутся к произведениям великих мастеров. Люди меняются, подпитываются какой-то энергией. Причем, потоки энергии от этих произведений не уменьшаются со временем, а наоборот, усиливаются, становясь теплей и лучезарней. Не знаю, что это такое. Просто чувствую. Да и кто знает, что есть истина.

В том же 2005 году я получил письмо из Ургенча от Павла Кичко, где он на трех страницах подробно описал оригинальное творчество самобытного художника Рафаэля, начавшего писать в сорок лет. В следующую мою поездку в Хорезм я, конечно же, встретился с Рафаэлем.

На вид сорока восьми–пятидесяти лет Рафаэль был выше среднего роста, светловолосый, с неконцентрируемым взглядом, одет не по погоде: в ватную рабочую одежду цвета хаки с засаленными следами сгибов на рукавах и штанинах и потрепанную меховую башкирскую шапку с широкими полями, опущенную до плеч, с дырами, из которых выпадал мех.

Его странная речь шокировала окружающих, как будто он инопланетянин, говорящий на непонятном языке. Но наше удивление достигло апогея, когда через полчаса мы увидели его работы, размешенные в одной из бесчисленных галерей Ичанкалы.

Несколько человек надолго застряли у экспозиции, тщательно разбираясь в сюрреалистических мотивах автора, тешно пытаясь найти смысловую канву.

Сидящий на рельсах железной дороги, привязанный за обе руки Иисус и уходящий вдаль по полотну в белом смокинге апостол Павел – о чем это? Или стекающиеся цепочкой представители фауны из разрушенного города в тьме огромного атомного авианосца, стоящего на рейде. Последняя работа выполнена темперой на двух сколоченных листах фанеры размером 2х4 метра.

Все это мало понятно неискушенному зрителю. И когда в присутствии автора я начал рассказывать о своем представлении авторской идеи, Рафаэль слушал с таким внимани-

ем, что, казалось, впитывал сказанное, чтобы потом суметь хоть что-то пояснить о своем замысле.

Очень интересна работа с собранными в кольцо минаретами и медресе Хивы среди других планет и систем бесконечности. Я сделал Рафаэлю щедрое предложение: перевести работы в Ташкент и показать широкой публике – получил категорический отказ.

«Мои картины будут похищены, а идеи скопированы», – ответил он.

Приобрести его работы я не смог из-за заоблачных по тому времени цен, поэтому его картин нет в моей коллекции. Наблюдая позже за развитием идей автора, я не находил роста и новаторства. А огромное количество авторских копий со старых материнских плат говорило о коммерциализации творчества создателя.

Великая земля Хорезма породила многих умных политиков и мастеров. Она дала импульс к творчеству великих Ибн Сина и Бируни. Трудолюбивыми руками создана жемчужина мирового зодчества – красавица Хива. Друзья мои хорезмийцы, если о ком не написал, не обижайтесь, я всех помню и люблю!

Самарканд

Мегаполисы центробежной силой затягивают всех движущихся и страдающих в поисках чего-то людей, а затем центростремительной (при отсутствии особых тормозных устройств, например, растопыренных карманов) беспощадно выбрасывают их за пределы устоянных границ.

Молодой Аслиддин Исаев, очевидно, и не думал тормозить, увозя из Москвы, с ВДНХ, главную ее достопримечательность в горный таджикский кишлак. Конечно же, это не была грандиозная Мухинская скульптура «Рабочий и колхозница», а очень скромное лицо армянской национальности – Тамару.

Вечно гонимый многострадальный армянский народ, живущий по всему миру, бережно сохраняет Кавказ в своей душе в виде темперамента и привычек, сливая географические и духовные понятия в одно целое. Кстати, кавказцы с большим уважением относятся к народу, с которым они живут и, отвечая на их гостеприимство, знают его обычаи, традиции и язык. Так что оставленной на три года Аслидином, уехавшим служить в армию, жене Тамаре удалось принять обычаи его семьи и три новых для нее языка в придачу.

Вот она-то и встретила нас в своем новом доме по гостеприимным узбекско-таджикским правилам. В огромной заловой комнате за низким национальным столом на длинных курпачах расположились доцент-педиатр Ренат Анварович Измайлов, с которым нас связывала тридцатилетняя дружба; мой свояк Сергей Александрович Чередниченко, подполковник в отставке, заместитель по «спецвопросам», помогающий мне в «сталкерской деятельности»; Акбар Фазылов – художник, работающий в то время директором галереи «Чорсу», расположенной возле Регистана, и сам хозяин дома, мой любимый художник самаркандец Аслиддин Исаев.

Одна из целей моего визита к Аслидину – посоветоваться о приобретении работ самаркандских авторов для моей очередной выставки. Ответ был однозначен – конечно же, он сам, Андрей Крикис, Леша Шербаков и Василий Овсяков. Последних двух авторов я не знал, хотя работы А. Шербакова уже видел в фотографиях, а произведения В. Овсякова ранее покупал через посредников для подарков. Они были красочные, близки национальному фольклору, но не оригинальны, так как представляли смесь уже знакомых стилей начала двадцатого столетия.

Благодарные за радушный прием, мы долго обнимались и говорили друг другу приятные слова и на другой же день поехали с Сергеем и Аслидином за работами Андрея Крикиса к его вдове Люде.

Сергея – высокий, крепко сколоченный седеющий блондин, был счастливо женат на младшей сестре моей супруги, честно отслужил свой срок в МВД, получив звание подполковника. Ничего не прихватив с собой, но изрядно потрепав нервы, на пенсии, еще молодым, он примкнул к моей команде, заменив мне недостающего брата, помощника и советчика. Год за годом я с интересом наблюдал, как в нем открывались удивительные таланты, крепко схороненные (за ненадобностью) в его военной службе.

Вот он-то и пошел первым за Людой в холодный, сырой и неосвещенный подвал, на спуске в который большими буквами было написано «Бомбоубежище». Подвал находился под двухэтажным домом, пряча работы Андрея Крикиса от света и недобрых глаз.

Последний раз несколько больших работ А. Крикиса я видел лет пятнадцать назад в выставочном зале союза художников на выставке «Сейсмограф», спонсированной какой-то швейцарской фирмой. На одной из них (если мне не изменяет память) изображались сидящие друг против друга нагая женщина и волчица-мать. Сюжет, очевидно, навеянный какими-то переживаниями, страхами или болезнью автора, неколоритен, но дерзко красив в своем авангардно-наивном решении.

В одной из клеток вспыхнула лампочка, и мы вошли воистину в «кладовую» работ незаурядного человека и таинственного мастера Андрея Крикиса. Большинство работ было выполнено на фанере, ДВП и ДСП не в витеевато-красочном режиме, но само их решение и построение сюжетов, связанных с какими-то глубокими переживаниями автора, удивляли и восхищали.

Мои восторги намного поубавились во время разговора о ценах на картины, соответствующие европейским стандартам, что указывало на нежелание хозяйки расстаться с ними на нашем рынке и о высокой оценке творчества своего мужа после его трагической смерти.

Я был очень благодарен Люде за возможность персонально познакомиться с жизнью и творчеством одного из загадочных и таинственных мастеров нашего времени, да и Аслидин получил удовольствие, увозя подаренные Людмилой старые подрамники и полувысохшие краски Андрея Крикиса.

Через несколько дней, по подсказке А. Исаева, я двинулся в сторону «Супера» к Алексею Шербакову. Так называют рабочий городок когда-то очень известного в регионе суперфосфатного завода, где и находились мастерская и жилище художника. Со мной в салоне новенькой «Волги» путешествовали мой свояк Сергей и друг Ренат.

Мы поднялись по деревянной лестнице на второй этаж и попали в сталинскую малогабаритку с узкими коридорами и двумя небольшими проходными комнатами. Нас встретил крепким рукопожатием хозяин – плотный, жизнерадостный, среднего роста горбун. Горб у Леша – это память о перенесенном в детстве костном туберкулезе. Пришлось мальчишке помаяться по больницам и интернатам, что оставило глубокий след и в психике, и в жизни, и в искусстве.

Леша, конечно же, был заочно знаком со мной по рассказам друзей-художников и очень внимательно рассматривал меня, пока я не менее внимательно изучал его творчество. Моя открытость и большой интерес, который я проявлял к его работам, обескураживали художника. И когда через час я предложил ему оценить и продать 14 работ, выполненных маслом, он присел на табурет, явно шокированный, и сказал: «Но подождите...». Удивленно помочав, он добавил, что у него есть еще несколько работ в галерее «Чорсу».

Самаркандские художники перед выставкой в Галерее «Чорсу»

Крепко пожав друг другу руки, мы расстались на два дня. Я всю дорогу назад думал, что надо помочь мастеру в организации юбилейной выставки в Ташкенте. А через два дня я купил около 100 графических работ. Леша долго всплескивал руками и причитал: «Как это?... Ну, зачем так много? Зачем вам?»

В «Чорсу» у Акбара я нашел серию интересных работ А. Шербакова. Особенно мне понравились две – «Согдийка» и «Мечта» (вскоре автор подарил их мне).

На первой изображена женщина в одеянии XIII–XIV веков, держащая в руках по стреле. Одну горизонтально, а другую наконечником вниз, всем своим видом показывая, что она не хочет войны и страдает в своем вдовьем одиночестве. А сверху на нее смотрит такой же одинокий кеклик. Все это написано на фоне с преобладанием зеленых тонов.

На второй картине «Мечта» – женщина на корточках продает домашнюю утварь: суше-

ные пустые тыквочки, кувшины, бусы. Грусть и безысходность, граничащие с отчаянием.

Странная судьба ждала эти две работы после того, как я отметил их вниманием. Через две недели они перекечевали из холодного и сырого склада «Чорсу» в теплое общежитие железнодорожников, где хранилась часть моей коллекции, не принявшая участие в первой передвижной выставке «По великому шелковому пути». Картины там немного «погрелись», сладко натанцувшись на подрамниках, ожидая своего выставочного часа. Но вскоре твердая рука Сереги снова вернула их в холодное хранилище, так как в телефонном разговоре мне наметнули, что Леша заскучал без этих работ. Я посчитал нужным вернуть подарок автору для его юбилейной выставки, где они будут «атлантами» композиции. А какая судьба их ожидает потом? Воистину, картины-путешественницы, но ко мне они больше не вернулись.

Честно говоря, я так ни разу и не встретил ни одного художника, который бы без боли простился со своими работами. Эмоциональный спектр простирается очень широко: от простого сожаления до слез. Однажды я и мои сотрудники были свидетелями того, как мой товарищ художник Леня Горбачев не смог проститься со своей картиной и через полчаса после продажи под плащом унес свое детище домой. Я никак не отреагировал, а мои коллеги долго смеялись, расценивая меня и Леню как двух идиотов.

Пожалуй, единственным человеком, которого не интересовали его картины, был художник Шмаков из творческой мастерской Якова Моисеевича Фрумгарца, что была в Ташкентском Дворце культуры текстильщиков. Его вообще ничего не интересовало после смерти жены, он стал блитренным, питался отбросами на рынках города. Его друзья Валера Утешев и Юра Дмитриев (кстати, прекрасные живописцы и графики из того же коллектива) пытались помочь ему финансово, продавая свои и его картины. Но это были нелегкие 90-е, и произведения искусства никто не покупал.

Шмаков был «горист», и его экспрессивно выполненные работы, в основном темпорой, очень хороши. В моей коллекции их 10. Очень мне нравится «Спящее озеро». Это занесенное снегом жерло вулкана, а внутри — замерзшее озеро.

Картины Шмакова, помнится, были выставлены на всеобщее обозрение в длинном, узком и плохо освещенном коридоре Дворца культуры текстильщиков, где в то время находился мой Медицинский центр. Последние работы мастера выглядели просто угрожающе. Темной темпорой на фанере были прописаны узкие тесные скалы, внизу маленький ручеек стремнины. Ландшафт был изображен сверху, и деваться смотрящему было некуда, кроме как «падать» вниз. Полотно написано грубыми широкими мазками. Между последних картин, таких же экспрессивных и темных, окошками, дарящими свет, были представлены более ранние — светло-розовые, светло-голубые, оранжевые.

Уезжая в командировку в Самарканд в ноябре 2007 года, я выслушал совет моего первого искусствоведа Елены Филатовой: обязательно посетить там дядю Жору Кима и, по возможности, приобрести его графику. Я был удивлен тем, что его знают столичные «спешы», а вот в Самарканде я ничего лестного о нем не слышал. Когда разговоры заходили о дяде Жоре, многие просто шелкали большим и указательным пальцами сбоку гортани. Хотя отрицательного, я о нем тоже не слышал. Создавалось впечатление, что он всем брат по кисти, но уже давно не конкурент, и с ним можно просто посидеть, выпить, посудачить о житье-бытье в его суперсыром и сверхзахламенном подвале мастерской под зданием Союза художников.

Если смотреть на мастерскую со стороны Регистана, то вход в его катакомбы был слева с торцевой стороны здания.

Итак, включив фонарики зажигалок, темным декабрьским вечером мы с Сергеем стали спускаться в мастерскую, как альпинисты в связке, осторожно наступая на колотый кирпич и щебень. Было впечатление, что водитель самосвала с мусором, не найдя другого места, разгрузился именно там. Но то, что мы увидели, безусловно, стоило того, чтобы пробиться через любые преграды.

Мы попали в холодное и сырое помещение: обгорелый потолок, на полу тот же толченный кирпич и доски, полумрак. Но, как только глаза освоились, я увидел потрясающие работы великого мастера. На стенах была вывешена графика дяди Жоры. Это была просто феерия графического искусства, игра цвета, фантазии, от соц. реализма конца 60-х, вполне понятного каждому, до философских работ космического плана, напоминающих взрыв сверхновой звезды и создания Вселенной. Я не мог оторвать взгляд от одной из картин — мне казалось, что ноги мои оторвались от бетонного пола, и я улетаю в одну из спиральных труб, уходящих в бесконечность.

На рабочем верстаке, помимо всяких инструментов, находилась пара сотен нешке, которые меня тоже поразили. На антресолях уныло жались друг к другу скульптурные работы, прилично обгоревшие в пожаре и обильно покрытые паутиной. За спиной я услышал голос хозяина, он читал стихи.

Скажи, откуда все мы появились,
С каких заброшенных миров,
И здесь в кого мы превратились,
Забыв напущствия богов.

Обернувшись, я увидел плотного, кряжистого человека, одетого в дешевый китайский спортивный костюм. На ногах были до ужаса растоптанные кроссовки, очевидно, из той же страны мира. На большой голове – вязаная шапочка. Рубашка – фланелевая в темно-коричневый кирпичик – застегнута на все пуговицы. Роста он был небольшого. Чтобы увидеть лицо дяди Жоры, Сергею пришлось наклониться. Дядя Жора был слегка пьян, широко улыбался, лицо его светилось доброжелательностью и тоской. Он положил мне руку на плечо и еще раз продекламировал стихи.

– Ну, что ты здесь видишь? – спросил он, указывая на небольшую работу, выполненную в непонятной мне технике.

Мне было стыдно, но я ничего не видел.

– Похоже на горы, – неуверенно сказал я, сославшись на отсутствие очков.

Дядя Жора рассмеялся и сказал:

– Здесь, милый мой, два глаза не помогут, нужен третий. Это же седые головы многовековых старцев, молчаливо общающихся друг с другом.

Я очень старался все это себе вообразить, весь напрягся, и... ничего у меня не вышло. Но почему-то вспомнилась выставка великого Чюрлениса, на которой я побывал в начале 70-х в Третьяковке. На ней были собраны работы из его Дома-музея в городе Друскининкай, из частных и государственных коллекций. Это был феерический праздник света, тени и музыки, который до сих пор живет в моем сознании, как тепло благодатного огня согревая мне душу. Это была победа других форм искусства над впитанным с молоком матери соцреализмом. И я окончательно понял, что искусство многообразно как вселенная. А наши пристрастия – лишь дело вкуса, не более того. Поэтому и работы дяди Жоры «принадлежали» только тем, с кем он мог говорить наравне. И был у него, конечно, ключ к пониманию его работ: Георгий Николаевич Ким был даосом. Он следовал своим путем, и этот путь озарял его Дао.

Даосизм – философия, основанная на эмоциональном восприятии мира. Древние даосы (упоминание о них есть в трактатах китайской философии «Чжуаньцзы» и «Мень-цзы» в III веке до нашей эры) были счастливы своим единением с природой, с космосом. Они искали его в любой форме бытия и были уверены, что весь окружающий мир одухотворен. Так и дядя Жора искал в малых формах монументальность, простыми символами пытался передать тайны зарождения жизни и ее апокалипсиса. В каждом камне, цветке найти музыку, выразить ее в цвете, символами или полутонами, и все это подарить себе и людям.

Дядя Жора читал мне стихи о суетности мира, о том, что эта суетность идет вразрез с накоплениями всеобщего разума. Я не могу воспроизвести их, как, думаю, невозможно скопировать его картины даже сильным копиистам. Слишком много в них движений души. Гениальность этого мастера заключается в умении увидеть космическое во всем, что его окружает. Это было его Дао – миропонимание и любовь.

Минут через 45 нашего общения женский голос вернул нас на грешную землю. За моей спиной стояла красивая блондинка, утонченных форм. Она была повелительно строга. Я представился, и это на короткое время смягчило обстановку. Но ее решимость забрать дядю Жору из подвала не имела границ. Мы с Сергеем откланялись, пригласив ее посетить наш медицинский центр.

Супругу дяди Жоры звали Леночкой. Он нашел ее во Владимире, где отдыхал по туристической путевке, влюбился и привез в Самарканд. Вместе вырастили красавицу-дочку.

Мне очень понравилась одна акварельная работа мастера: на переднем плане огромные зрелые одуванчики, как космические корабли, а вдаль, очень мелко – Владимирский кремль. Такой ракурс возможен, если художник лежит на лугу. Когда я попросил продать эту работу, то получил отказ. Она была дорога воспоминаниями. И вообще, дядя Жора ничего не хотел продавать. Он объяснил это тем, что живет в достатке, продавая свои произведения в Америке и Москве. Это были графические работы и пластика малых форм – нешке. Он отвез большое их количество в Нью-Йорк и Москву, очень успешно (и в финансовом плане тоже) провел там выставки, а оставшиеся работы оставил для продажи своим сестрам, живущим в этих городах, но по суперскромности его жития-бытия можно было предположить, что он обладает архискромным Дао.

С дядей Жорой мы никогда не говорили о финансовой стороне, для него эти вопросы всегда были сложны. Решать их нам помогала Леночка. Мы без особых метаний приходили к консенсусу. И после нескольких наших встреч с чудесным мастером-философом я приобрел около 20 прекрасных графических работ – драгоценность моей коллекции.

Через несколько дней после нашей последней встречи Георгия Николаевича Кима,

дорогого дяди Жоры, не стало. В один день состояние его резко ухудшилось, и аппарат искусственного дыхания не смог вдохнуть в него силу космоса и любящих его людей. Сев на своего черного быка, по открытым им самим космическим спиральям и тропам он усекал в бесконечность, научив нас любить свой Мир и космос, и вообще – любить.

Всего за 3–4 часа нашего общения он научил меня летать, поднимаясь в безбрежный космос, черпая его бесконечную энергию, и уходить глубоко в недра, познавая сущность происходящих явлений. Намеренно обозначил нашу последнюю встречу апострофами, я думал: а может быть, еще встретимся с дядей Жорой – он на красном быке, а я на черном – в бесконечных спиральях космоса.

В июне 2008 года мы вновь работали в стольном городе Мароканда. Это прежнее название столицы тимуридов. Жил я на этот раз в самом центре города – Коксарайе, в бывшем доме номенклатурных сотрудников. На этом месте до XX столетия находились казармы, выстроенные в середине XIX века генерал-губернатором Кауфманом.

В первый вечер приезда я вышел погулять по красивому вечернему центру Самарканда, и ноги сами привели меня в маленький домик «шанхайского типа» на улице Дагбитской, где я вновь встретился с Леной Ким. Горечь утраты любимого сильно обострила ее чувства. Через свои работы дядя Жора общается с ней, она разговаривает с ним, познавая более глубокое содержание его работ. Она вспоминала, как муж сидел на маленькой кухне и ваял свои малые формы, а она ругала его, потому что в доме не было еды.

Я рассказал ей о моем описании жизни и смерти Георгия Николаевича, о том, что мы, возможно, когда-нибудь встретимся с ним в бесконечных спиральях космоса – он на красном, а я на черном быке. Она подняла удивленно глаза и сказала мне, что у меня мания величия, что на черном быке может скакать только великий Лао-Цзы. Я долго извинялся за бестактность и незнание и пообещал, что пересяду на быка незанятого цвета. Слава Богу, что палитра цвета так же бесконечна, как и космос, и каждому всаднику будет предоставлен тот цвет, который он заслужил.

Я предложил ей провести к годовшине кончины выставку работ дяди Жоры в Ташкенте и издать каталог и получил отказ. Она сказала, что при жизни он никому не нужен был, никто его не понимал, и оценить его творчество здесь никому. Ну, придет человек 20–30 знающих его художников и искусствоведов, попьют водки, потрясут головами и разойдутся. Обещала увезти все его работы на свою родину во Владимир и там все сделать.

Я все же сделал дяде Жоре – моему учителю – скромную поминальную. Оформил около ста человек, поели плов, попили водку, но я почему-то был счастлив сделать это.

Зима 2007–2008 гг. удалась прямо по «русскому стандарту» – добрая. В январе я позвонил в Ургенч моему другу Аманбаю и сказал, что в Ташкенте –19 градусов, а он обрадовал меня еще более низкой температурой –24.

В декабре еще ничто не предвещало холодной зимы, и в Самарканде начались дожди. Таким дождливым днем с Лешей Шербаковым и Сергеем я направился в гости к скульптору Истоминой Нине Павловне. Ранее мы не были знакомы, и первый раз встретились неделю назад на моей выставке в «Чорсу». Там, во время фуршетной части, ко мне подошла женщина, одетая скромно, ничем не выделявшаяся из группы женщин человек в 10–12, и предложила посмотреть ее коллекцию раритетных работ известных авторов 40–50-х годов. Через несколько дней мы посетили ее дом, и нас встретила Нина Павловна, постаревшая на несколько лет, так как женщины в домашнем одеянии выглядят всегда старше и, очевидно, напоминают, по Фрейду, мужчинам своих матерей, это, очевидно, и заставляет носить их эту «комфужку».

Я всегда затрудняюсь с точной оценкой возраста женщин. Женщины, занятые тяжелым сельхозтрудом и много рожавшие, выглядят старше своих лет. К этой категории относятся также женщины, которые считают себя несчастными, неудачливыми, живущие

С Георгием Кимом перед открытием выставки в галерее «Чорсу» в Самарканде, 2008 г.

в минорном ладе и для музыкального сопровождения жизни выбирающие реквием. На консультации, чтобы их не обидеть, я всегда снижаю их возраст лет на 10 и, в основном, попадаю точно.

Городские женщины из интеллигентных семей с преобладающей долей умственного труда, используя преимущественно городской жизни, конечно же, выглядят несколько моложе своих лет. Некоторые из них, доходя до невроза с косметологическими операциями, выглядят в свои 70 как молодые китайки. Обмануться можно и здесь, но походка, глаза, волосы, кожа рук и шеи выдают возраст, и ты про себя думаешь: «Мадам, а ведь уже падают листья».

Мы прошли через маленький дворик, перепрыгивая через лужи под звонкое тявканье маленькой симпатичной собачки Умки, и попали на деревянную веранду, полностью заваленную остатками скульптурного производства, которые, как говорят, жалко выкинуть. Во второй, чуть большей комнате я увидел хаотически расположенные скульптуры соц. времени и соц. реализма, изрядно подернутые пылью. Посреди комнаты на обшарпанном стуле стояла картина 70-х годов, выполненная маслом, Нью большого размера, в полностью убитом состоянии. Фигура женщины на темно-синем фоне была выполнена в стиле БОСХА и Кустодиева. Время и условия хранения не пощадили этого произведения.

— Это работа моего покойного супруга-художника, — сказала Нина Павловна.

В большой дальней комнате меня удивил красивый камин, уже давно никем не разжигаемый. Дизайнерское его решение было очень удачным. Над камином и на нем находилось большое количество мелких изделий из шмота, очевидно, предназначенных для продажи и совсем недавно изготовленных. В столовой комнате мебелировка показала чрезмерно скромной — старый диван, шкаф, стол и разнокалиберные стулья. Однако художественное оформление выглядело шикарно. Скульптуры показывали высокое мастерство их творца. Над столом висела шикарная работа Андрея Крикиса, но больше всего меня поразили две фотографии, с которых на меня смотрели молодые мужчина и женщина — дети Нины Павловны. Они были так великолепны, так красивы, так очаровательны, что я несколько минут не мог оторвать глаз. «Дети, — подумал я, — все же самые замечательные ее произведения. Ваять их и воспитывать десятки лет, было, наверное, самой трудной, но и самой радостной работой мастера Истоминой».

— Они уже давно в России, — прервала мои мысли Нина Павловна. — Уеду и я к ним. Буду помогать. Они, как и я, скульпторы.

Я приготовился снимать на камеру увиденное, но Нина Павловна настояла, чтобы я не снимал работу А. Крикиса. На мой немой вопрос сразу же получил ответ:

— Люда Крикис узнает, что у меня работа Андрея, — заберет.

Я был ошеломлен.

— Как заберет? Вы что, украли эту работу?

— Да Бог с вами, о чем вы говорите? — ответила она. — Работу эту мне подарил Андрей. Но Люда судилась с людьми, которым Андрей дарил свои работы, и выигрывала в судах.

А может быть, правильно поступила Люда, собирая те камни, которые разбрасывал Андрей, ярко проживая свою судьбу, творческую и личную жизнь. Кто-то должен был их собрать для дома, для семьи. Ведь ни один музей, ни частный коллекционер не собрал эти драгоценные камни. При жизни Андрея и по сей день не вышло ни одного каталога его работ. Вот и пришлось Людмиле (замечу, не тем, кто его любил и боготворил, не тем, кто много обещал и ничего не сделал) выпить чашу его любви и горечи, счастья и разочарования, известности и забвения, хорошего и плохого до самого дна и сложить противоположные Ян и Инь в идеальный круг. Дай Бог, чтобы это пригодилось кому-то в будущем.

Я выдержал все рамки приличия и границы дозволенного, однако, очевидно, не рассчитывая на нашу интеллигентность, картину предусмотрительно убрали со стены в следующий наш приход.

Нина Павловна очень осторожно приглядывалась к нам, частями выносила из соседней комнаты, предназначение которой мы так и не узнали, то карандашные наброски военных лет художника Рождественского, то его дочери — ее подруги, — но было предложено купить рисунки — сатиру старого художника Широбокова, живущего в поселке Солдатское Янгильского района Ташкентской области. Она объяснила эту продажу желанием помочь ее старому другу сделать операцию на глазах.

Я просмотрел папку с рисунками 60–80-х годов, предназначенными для публикации в журнале «Крокодил» и «Муштум», и очевидно, не принятых издательством. Их в папке было 116. Договорились о цене. Я ушел, оставив работы по просьбе Нины Павловны, объяснившей, что хотела бы еще вечер поработать с ними. Каково же было мое удивление, когда на другой день в папке я обнаружил только 74 работы. Объяснив этот факт забывчивостью, все-таки думаю, что недостающие работы из тоненькой серой папочки перекочевали в «тайнственную» соседнюю комнату к своим братьям и сестрам по перу. Очевидно, люди творческие тяжело расстаются не только со своими работами... Век живи и век учишь.

Мы встречались с Ниной Павловной еще несколько раз. Обсуждали написание книги о Рождественских, очень интересной семье художников, стоящих у истоков социалистического направления в живописи Узбекистана в 20-е годы прошлого столетия. Кстати, сам Леонид Владимирович потерял правую руку на пике своего творчества и переучился писать левой так, что никто не мог увидеть разницы. Это великий подвиг во имя искусства.

Его дочь Люся тоже стала художницей. Она была подругой Нины Павловны и завешала свои работы и часть работ отца ей, помогавшей самоотверженно в период тяжелой болезни Люси. Нина Павловна показала мне фрагменты ее работы – кованые ворота для музея современного искусства в Ташкенте. Я был очарован этой работой, не верилось, что женщине удалось совладать с таким количеством металла. Какая нужна сила души и сила мышц для ваения такого произведения.

Мой холерическо-демонический, экстравертный характер сильно напугал Нину Павловну. Она давно привыкла жить одна, прислушиваясь к струнам лиры своей души, потихоньку распродавала раритеты прошлых лет и мечтала о воссоединении со своей семьей в России. И вдруг в эту жизнь врывается такой «шаман» с бубном, от звуков которого тонкие струны ее успокоенной души стали резонировать: не те звуки, не те мелодии. Мы не искали более контактов, и я ее прекрасно понимаю. Своим трудом она заслужила этого успокоения. Да будет так. Вечности и умиротворения красавцу Самарканду и его чудесным жителям.

Фергана

Давайте спустимся с заоблачного чудесного перевала Камчик, будто с небес, в прекраснейший город долины – Фергану, где часов в двенадцать воскресенья нежаркого июля 2009 года, сладко похрустывая вафельными стаканчиками, наполненными пломбирно пахнущим мороженым, на маленьком «гастрономическом» местечке возле гостиницы «Фергана» мирно беседовали не о медицине два врача. Крепко сбитая голубоглазая, но умная блондинка среднего роста, Евгения Васильевна Божко, врач-невропатолог, соратник по фирме, делилась своими впечатлениями о только что проведенных мною в Ташкенте выставках, в частности, о выставленной графике Раиса Абдулалимова.

Около ста его лучших работ из моей коллекции находилось на заоблачно-чудесном перевале Камчик, спускаясь к жителям Ферганы, отобранные и благословенные небесами.

К сожалению, сам художник был в тяжелом состоянии, сражен тяжелым неврологическим недугом. Как будто кто-то сверху отомстил Маэстро за то, что он приоткрыл некоторые секреты мироздания. Но, наверное, за это же одарил его верной женой и товарищами на все годы. Такой подарок настолько весом, что и сравнить не с чем. Это Татьяна Ганьшина. Она встретила Раиса в Душанбинском художественном училище пятнадцатилетней девочкой и осталась верна ему на всю их счастливую семейную жизнь. Среди друзей – Марат Садыков, с которым Раис дружил с двенадцатилетнего возраста, Диллос Мирсалимов, их свела судьба в творческих мастерских института.

Работы Раиса были мной показаны ранее как персональная выставка в доме-музее Урала Тансыкбаева в Ташкенте и произвели необыкновенный фурор.

Это была единственная выставка работ из моей коллекции, в которой я сам не мог принять участие, так как находился в это время в командировке в Фергане. Поэтому было принято решение переместить и выставку в Фергану и показать там красоту и стройность графики Раиса, немного сократив количество экспонатов и чуть изменив название экспозиции: вместо «Романтика графики» – «Философия графики».

На открытие пришли около трехсот человек, не избалованных шедеврами культуры. Там я встретил своих друзей – ферганских художников Любу Семизорову, Ирину Батову, Алишера Хамидова, Синовера Шерфетдинова, Валеру Хайдукова, Светлану Пучковскую, семейную пару Джурабаевых. Не было только семейной пары Бизяевых. Видно, хронический бронхит с приступами астмы и одышкой не дает Валентину Яковлевичу продуктивно трудиться и передвигаться. Зато его картины успешно передвигаются по республике вместе с моей медицинской командой.

Друзья-художники поддержали меня, и даже вечно ворчащий С. Шерфетдинов сказал, что хоть и не любит графику, но представленная часть работ ему понравилась. Он долго тряс мою руку и говорил: «Только не обижайся!» Право, это было очень трогательно.

Наша дружба с ферганскими художниками началась еще в далеком 2004 году, тогда за три месяца нашей командировки я провел три выставки. Выставлялись работы ферганских художников, где я приобрел в коллекцию около шестидесяти картин. Проведена была персональная выставка В.Я.Бизяева, посвященная шестидесятилетию мастера,

выставка «Цветы доктора Назарова» – около шестидесяти работ, выполненных в разном стиле известными художниками Узбекистана (Я. Фрумгарц, Р. Гаглоева, А. Ахмедова, В. Утешев и др.).

Такая напряженная творческая работа сблизило меня с ферганской группой художников. И я на долгое время оставался основным покупателем работ и пропагандистом их творчества по всей республике.

Ферганцы трудно расстаются со своими работами. Мне помнится грустное лицо и скорбные глаза В. Бизяева, когда я выкупил около двухсот его графических и живописных работ. Так провожают надолго только своих дочерей, отдавая замуж за границу. В моей памяти грустные глаза Эрнеста Рамазанова, своими руками относившего в мою машину восемь только что проданных своих лучших работ. В зеркало заднего вида, отъезжая, я видел скорбь мастера.

Покупая работы в салонах по завышенным ценам, ты избавляешься от излишнего эмоционального напряжения. Правда, я никогда не покупал работы в салонах, но часто там бывал, изучал зарождающийся рынок предметов искусства, в частности, живописи и графики. Это необходимо для определения максимальных цен, по каким могут продаваться работы современных авторов. Салонные цены всегда максимальны и не рассчитаны на основную массу возможных покупателей. В салонах работы продаются по безличному расчету в очень богатые организации или же случайным иностранцам, которые не знают выхода на мастерские художников. И, не имея серьезных преград на таможне, они развозят наше «кич-поп» искусство по всему миру. Такие работы не декларируются. Но это все относится к артрынку Ташкента. А вот в Фергане все иначе.

Артрынок, если его можно так назвать, подразумевает под собой куплю-продажу в мастерских художников, небольшой выбор работ в выставочном зале Дома художников и совсем малое количество у господина Тугушева в его канцелярско-мебельном магазине. Причем купить картину можно было у него дешевле, чем в мастерских. Видно, что работы были им выкуплены по себестоимости, а мне художники предлагали их уже как «богатому спонсору».

Более выгодно продать свои работы ферганским художникам можно только в интур-городах – Ташкенте и Самарканде. Но там их работы не выдерживали конкуренции с работами маститых и знаменитых художников академии и продавались, соответственно, дешевле и с трудом.

Выход был найден. Одни художники переместились в другие города (Касин, Фатхулин — в Россию, Ахунов – в Ташкент), а другие художники «переместили» свои работы за рубеж. Так поступили Володя и Света Пучковские, успешно продавая свои работы в Киргизии и Казахстане.

Творчество живет, когда движется на арт-рынках или выставках, в музеях, на улицах и площадях городов, и становится вечным, если затронет тонкие струны души человека, делая его мудрым и просветленным.

Артрынок – часть общего рынка, большей частью находящаяся в прямой зависимости от состояния науки, образования, медицины, социальной защиты населения, и прогрессивно развивается в любой стране, где царит мир и довольствие.

Когда грохочут пушки, лиры молчат. Правда, когда грохотала музыка, «лиры» и их владельцы плавали в холодном бассейне профилактория «Энергия» среди подчеркнуто полосатых арбузов. Я пригласил художников Ферганы отметить начало выставки «Цветы доктора Назарова». После хороших, теплых вступительных тостов Валера Гамбаров с разбега нырнул в бассейн в тройке и туфлях, очевидно, гонялся за ускользающей лирой.

Валера, несомненно, талант редкого видения, поэт и лирик. Его представление о мире заворачивает. Но он часто терял свои «лиры», что не давало ему продуктивно работать. И доброй, тонкой и гениальной рисовальщице Флориде Гамбаровой – его сестре – пришлось забрать его в Ташкент и привязать к его руке маленькую «лирочку» (как ключи от квартиры привязывают родители маленьким детям), а для гарантии – огромнейшую «арфу» к ноге.

Наше знакомство с Валерой можно назвать «шапочным», но оно крепло множеством телефонных переговоров.

Более тесно судьба связала меня с Бизяевыми. Мне очень импонировал строгий классический стиль письма автора, и я выкупил в коллекцию добрую половину его работ. Причем «дядька Бизий» определял цены, завышенные или «пограничные», а потом сам опускал их в два-три раза.

Мы с «дядькой» обзавелись все чуланы и кладовые, где он десятилетиями хранил свою графику и живопись. Третья часть творений была безвозвратно утрачена под действием жары, холода и влажности. Но часть «жемчужин» удалось спасти. И мы повезли их по Средней Азии, завоевывая Самарканд, Бухару и Ташкент. Работы В.Я.Бизяева многократно выставлялись в центральных залах Ташкента и всегда вызывали гамму самых приятных

эмоций. Вот так «брошенные дети» талантливого мастера стали на службу искусству и культуре республики. Спасибо тебе, «дядька Бизай», и смотри, скоро не умирай! Ты еще не написал основных работ – самых теплых, простых и гениальных. А если соберешься в дорогу, помни, что твои «дети» самостоятельно служат людям и всегда напомнят о тебе, о судьбе, о пути!

Вспоминая великолепную Фергану, ну как не вспомнить Любашку Семизорову. Говорить о ней начинаю всегда с двух теплых слов – красива и умна, но если по-честному, то умна и красива. Если и есть кто-то красивой Любы, то это только одна женщина-мастерица в Фергане – Иринка Батова. Она ученица Любы по художественному ткачеству – gobелену, отличный живописец и график. Иринка напоминает мне лисичку-мастерицу, умную и тактичную. В моей коллекции ее живопись, графика и gobелен сверкают, как звездочки. Я очень горжусь триптихом «Мак Кастаньеды». Последнюю часть работы из этой серии Ирина выполнила по моему заказу и посвятила ее мне. Не много ли чести?

Бывая в других городах мира, я часто вспоминал Любу, ее начальственную поступь (ведь она уже десять лет руководит Ферганской группой художников), улыбку и бесконечную доброту. Воистину магнетическая женщина, а в настоящее время ей приходится быть и воинственной, похожей на богиню охоты Диану. У ребят-художников стали отнимать «избушку лубяную», их альма-матер – художественные мастерские.

Таких типовых зданий в республике три – в Фергане, Андижane и Самарканде.

Самаркандские художники засуетились во время «перестройки» и приватизировали здание. Аслитдину Исаеву удалось, кроме своей мастерской, приватизировать и демонстрационный зал. Все было роздано художникам, даже подвальные помещения (помните мастерскую дяди Жоры?).

Группа ферганских художников, думая о «хлебе насущном», прозвала ситуацию. Кто не успел, тот опоздал. В республике зарождалась новая экономическая формация. Линия фронта Академии художеств на этих флангах была прорвана частным капиталом. Понеслась судебная тяжба на года, однако ферганские художники выиграли затянувшийся процесс, и здание художественных мастерских было признано имуществом Академии, но, как мне кажется, это не полная победа, и впереди еще бой...

Наверное, не случайно М. Фатхулин, оставив в трудные 90-е свой пост старшего в команде ферганских художников и перебравшись в Москву, в своей книге, выпущенной там в 2009 году, так тяжело прокатился по нашим мастерам искусства, что даже досталось Славе Ахуну — его земляку по Фергане. Да, может быть, Слава неудобен многим в контакте, критичен к собратям по искусству, авангарден и в одежде, и в творчестве, и в поведении, но он все же, положив хлеб на свой дастархан в мастерской, пригласил всех художников Ферганы после открытия их выставки в театре «Ильхом» осенью 2009 года.

В Фергане и в Ташкенте были интересные встречи с художником Мухамаджон Джурбаевым и Гульчехрой – его супругой и менеджером. Жены зачастую менеджеры деятельности своих мужчин и в жизненной, и в профессиональной сфере, особенно, если те работают дома. Поначалу, лет десять-пятнадцать, мужчины думают, что они хозяева. Но, вырастив детей, женщины перехватывают инициативу, и по мере пополнения семьи невестками и зятями становятся самодержавными, управляя экономикой и политикой своего маленького «государства». Таких семей подавляющее большинство.

Гульчехра управляла всем хозяйством, исключая только написание картин, в котором Мухамаджону помогали подрастающие внуки и дети. По сути Мухамаджон очень добрый, покладистый, открытый и миролюбивый человек. Великолепный мастер реалистической живописи. Причем, в любом жанре: в портрете, пейзаже, натюрморте он одинаково силен и доводит каждую свою работу до совершенства.

Многие художники, не завершают работу, считают, что тем самым как бы оставляют простор для мыслей зрителя или для улучшения ее в авторских копиях. Например, мастера сюжана оставляют одну из строк незавершенной. Есть поверье: закончил работу – закончил творческую деятельность. Хотя большинство зрителей судят о мастерстве автора по степени завершенности его дитища. Помните, Иванов писал свой шедевр «Явление Христа народу» 20 лет. Выполняя несколько сот этюдов, доводя их до совершенства, сложил из них огромное полотно. Что-то я не припомню его других более весомых работ. Этой значительной работой и закончилась его творческая биография, хотя искусствоведы могут мне возразить.

Степень завершенности – очень индивидуальное понятие. Некоторые наброски и этюды художников кажутся мне вполне завершенными. Как вполне завершенными мне кажутся работы Мухамаджона Джурбаева. Причем, его творчество совершенствуется год от года и кажется, что ухудшение зрения и возраст этому великолепному мастеру не помеха. В моей коллекции около пятидесяти графических и живописных работ, которыми я горжусь. Великолепны портреты Тамары Ханум и заслуженного мастера искусств Узбекистана дойриста Олима Камилова, его земляков-маргиланцев. Его дыню из натюрморта

очень хочется попробовать, а изяшно прописанные цветы понюхать. Мухамаджон очень плодovit. Очевидно, в семье налажена работа с помощью детей и учеников. Всем этим большим хозяйством руководит его жена, определяя стратегию и тактику, организуя выставки, продажу картин, собирая заказы. Правдами и, в большинстве случаев, неправдами, Гульчехра справляется с этим.

В 2004 году по дороге из Киргулей в Фергану я заметил серию лайтбоксов с изображением черной кошки, чья тень напоминала фигуристую женщину. Сюжет мне показался интересным, когда я побывал в кафе «Браво», то увидел аналогичную кошку в оформлении фасада здания. Я полюбопытствовал, чья это работа, и мне сразу ответили, что сюжет и исполнение Алишера Хамидова. Я был удивлен быстроте ответа, но, как оказалось, в этом арткафе собиралась вся богема Ферганы. За соседним столиком в кругу ферганских художников сидел ташкентский маг и чародей, гениальный художник, прославившийся своим новаторством в искусстве, Баходир Джалалов. Мы обменялись приветствиями, общепринятыми на Востоке, и он тут же познакомил меня с сидевшим рядом Алишером Хамидовым. Я похвалил работу и сразу же заказал авторскую копию.

За четыре года мною было заказано четыре кошки разного окраса – от черной до белой, и странная их ждала судьба. Первая кошка была подарена жене посла России в Узбекистане Елене Дмитриевне Юриковой, вторая – моей бывшей подруге – Ирине Николаевне Подуфалой, третья – бывшему директору Навоинского горно-металлургического комбината Николаю Ивановичу Кучерскому, а куда сбежала четвертая – не знаю.

Интересная судьба второй кошечки. Когда владелица решила поменять багет, то обнаружилось, что кошка прописана на картоне, умело подклеенном на холст. Подарок был мне возвращен, и «бумажная» кошечка перекочевала в дом родной. Говорят, что кошки и собаки хорошо знают свой дом.

Ко времени моего знакомства с Алишером он почти прекратил работу в живописи и занялся виноделием и художественной ковкой, а зря. «Тренировался» бы на кошечках и жил бы беззаботно. Ведь Саврасов в свое время сделал четырнадцать копий своей картины «Грачи прилетели», и сейчас достоверно неизвестно, оригинал или копия находится в Третьяковке. После продажи своего шедевра Третьякову он уже не написал более сильного полотна и жил от продаж копий.

Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи» описал встречу с великим художником: «Мы с учеником Саврасова Левитаном пришли навестить жившего в бедности, одинокого, стареющего мастера. Он спал пьяный, прикрывшись рваным тулупом в углу каморки-мастерской. Посреди комнаты стоял станок с очередными недописанными «Грачами», рядом табуретка с недопитой бутылкой водки и рассыпанной из куляка клюквой, очевидно, закуской».

Алишер Хамидов низкорослый, шуплый, зеленоглазый усто со слегка кифозированным позвоночником и шикарной, волнистой с проседью копной волос, похожих на цыганские. С виду ему около пятидесяти. Спокойный, немного неуверенный в себе, скромный, поэтому его подруги Ирина Батова и Люба Семизорова помогают ему в продаже картин. Он немного нервничает, когда Ирине Батовой в компании уделяют чуть больше внимания. Ага!? В связи с тем, что искусство держало его впроголодь, ему пришлось заняться и виноделием, и художественной ковкой. Как-то решать свои проблемы надо!

Кстати, многие художники вынуждены заниматься бизнесом: кто растит цветы, кто – водоросли для аквариума, кто пробует себя в плодоводстве и овощеводстве, кто-то держит скот или псеку. Только очень успешные художники занимаются лишь своим ремеслом. Это, как говорится, «пешона такди» – кому что на лбу написано. Таких везунчиков – по пальцам перечесть. Удел этих мастеров – слава и деньги. Их редко увидишь на простых выставках. Они пишут работы под заказ богатым клиентам или предопределяя желания своих «доноров».

В моей коллекции только одна такая работа. Она была выполнена за несколько дней, а оплачивал я ее частями более трех месяцев. Это авторская копия очень известной работы известного мастера. Я мечтал иметь ее с тех пор, как впервые увидел лет десять назад на большой выставке, организованной одной из швейцарских фирм в Центральном выставочном зале. Мечты мои сбылись, и авторская копия – в моей коллекции, но радости я что-то не получил, да и с гордостью обладания что-то не так. Видно, перешел я свой рубикон не в том месте и не в то время. «Каждый сверчок должен знать свой шесток».

Однажды на ступеньках Центрального выставочного зала я обратился к известному художнику с просьбой показать его работы и мастерскую. Он вежливо сказал, что работы стоят очень дорого. Очевидно, он знал меня и мои возможности, и это было вежливым отказом. В мире искусства, как и в других мирах, есть своя элита, наделенная властью и деньгами. Как маяк они определяют курс братьев по искусству. Но есть и другие «свободные» художники, которые, потеряв курс, не ориентируются на сигнальные маяки общественного видения. Плынут себе, куда не понять, ориентируясь лишь на «розу ветров»,

и не торгуют своими работами. Таких «романтиков» тоже считанное количество. И те, и другие по своему гениальны и наделены определенной харизмой.

Здесь же в Фергане мне посчастливилось познакомиться с семьей художников Хайдуковых – Валерой и Ниночкой. Прекрасная пара творцов. Ниночка – главный художник Куवासайской фарфоровой фабрики. У нее я приобрел несколько сервизов ручной работы и вазы напольные и настольные, расписанные ее рукой. Особенно мне понравилась настольная ваза «Маргиланская красавица».

Мы с Сергеем были приглашены и в мастерскую Валеры, и в Дом художников, и в мини-мастерскую дома, как и у всех художников располагающуюся на балконе второго этажа высокопотолочной двухэтажки сталинского образца в Киргулях. Валера представил ряд работ разных направлений – и авангарда, и классической живописи. Его авангардный романтизм был настолько грустен и темен, что даже его философская канва не смогла меня тронуть, а вот классическая пропись была бесподобно изяшной и ажурной. Я бы сказал, что картины были сложены из точек, как мозаика, и восхищали своей яркостью, сочностью и витиеватостью.

Я приобрел у него около десяти работ, которые с успехом выставял и в Ташкенте, и в других городах республики. Всмотриваясь в его пейзажи, как будто слышишь музыку. Картины не только «чудесно пахнут», но и звучат. Это сильное впечатление для всех органов чувств, исключая вкус, но можно даже и его включить, так как текут слюнки, когдамотришь хорошие «пищевые» натюрморты.

С Валерой очень тяжело торговаться. Только видя улыбку своей жены, он чуть-чуть уступал.

Нина поделилась со мной, что Куवासайская фарфоровая фабрика испытывает трудности в связи с прекращением поставок из Украины белой глины, из которой делали фарфоровые изделия. Зато в Риштане, недалеко от Ферганы, гончарное искусство набирало силу. К 2009 году количество гончаров выросло до шестисот. Раньше мастера сами разрабатывали залежи особой красной глины. В настоящее время рыночные ступени производства дифференцировались: кто-то ищет залежи красной глины, потом ее разработчики и продавцы, гончары и те, кто занимается обжигом, художники, расписывающие вручную изделия, продавцы розничной и оптовой продажи, а также те, кто менеджерирует и рекламирует товар. Таким образом, при грубой прикидке, с начала производства до покупки товара – прекрасной, радующей глаз Риштанской посуды – задействовано около 20–30 тысяч человек. Их изделия можно встретить во всех уголках Узбекистана и за рубежом.

В Риштане Рустам ака открыл Музей гончарных изделий, в котором представлены образцы работ разных мастеров и направлений. Нас связывала долгая и плодотворная дружба.

Каким же благом стала для меня и моих друзей-врачей дружба с ферганскими художниками. Я провел семь выставок в Фергане и пять – в Ташкенте, Самарканде и Бухаре.

Каждый наш приезд в Фергану сопровождался выставками, встречами в кафе «Браво» у Влада, на природе и в моих домах, которые я снимал на время командировки.

Родилась совместная идея о передвижной выставке художников Узбекистана по Великому Шелковому пути. Мы начали ее в Ташкенте и двинулись в Самарканд, но прервали в связи с изменением планов. Однако идея эта еще жива. И работы ферганских художников ждут своей очереди в моей коллекции, сверкая яркими звездочками, делая людей добрей, сильнее и мудрей, как и сама красавица Фергана!

(Продолжение следует)

НОВЫЕ ИМЕНА

Ярослав ВЕРОВ

Коллективный псевдоним донецких писателей-фантастов Глеба Гусакова и Александра Христова. Имеют более десяти романов, повестей и авторских сборников. Лауреаты многочисленных литературных премий в области фантастики. Глеб Гусаков родился в 1966 г. в Донецке. Работает в Донецком физико-техническом институте. Является директором фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг» и литературного семинара «Партенит».

Александр Христов родился в 1966 г. Кандидат физико-математических наук.

Работает в ДонФТИ.

СТЕПНАЯ РОМАШКА

Рассказ

*На вершине моей далеко сияющей блистательной скалы
все явления мира рассматриваю как образы «не вечного».*

Земные радости мне представляются росой...

*Пустое небесное пространство мне служит пищей,
погружаюсь я в созерцание, которого не нарушить.*

Миларайба – тибетский поэт, монах-отшельник

I

Монастырь был затерян в горах Наньшаня, восточных воротах Тибетского нагорья. По крутым склонам горы упорно карабкалась вверх трава, цепляясь корнями за стылый камень. Пологими террасами один над другим шли три уступа: с верхнего узкой лентой падал водопад, на другом – ютился возделанный клочок земли, на третьем – прилепился к скале приземистое здание монастыря, вытянувшееся на всю длину уступа сооружение, сложенное из тяжелых тесаных глыб.

Монастырская терраса вымощена гладкими плитами. На ступенях храма сидит пожилой лама, перед ним, на плите – пятеро молодых монахов.

Лето в разгаре, но горный ветер, наверное, не знает об этом – холодными внезапными волнами бросается он на скалу. А монастырь невозмутим, не замечает ни усердия ветра, ни его незнания. Невозмутимы его каменные стены, невозмутимы монахи, и струя водопада невозмутима, не колыхнется – ветер обтекает их, ничуть не задевая: ему не за что здесь зацепиться. И он соскальзывает вниз, в прохладную синеву пропасти.

Старый лама спрашивает учеников:

– Что вечно и неуничтожимо?

Спросил и прикрыл глаза.

Юноши не спеша обдумывают ответ. Наконец, один, нетерпеливый, поднимается и вместо ответа возражает:

– Учитель, но Великий Учитель Врат Пустоты, Все Истинно Знающий, учит, что все разрушается, и нет ничего вечного и неуничтожимого кроме самой Пустоты!

Старый лама улыбнулся, но глаз не открыл. Ученик сел на место, поднялся другой:

– О учитель, вечно лишь сама вечность. Только соизмеряя преходящие и разрушающиеся вещи мира с нею, мы поистине постигаем, что она есть. И она есть творящая Пустота.

Но и при этих словах учитель не открыл глаз. Поднялся третий:

– Все в мире не знает покоя и успокоения. Едва возникнув, нечто уже исчезает. Так исчезнет и сам мир. И его существование – лишь мгновение вечности. Но есть то, что

истинно вечно и неуничтожимо. Это – путь спасения всего сотворенного и несотворенного, вечный закон дхармы! Майя и Нирвана равно служат ему как примерные слуги!

Старый лама открыл глаза, улыбнулся и сказал:

– Сейчас я расскажу вам историю бодхисаттвы Кан Шэна.

– Учитель, мы не слышали о таком! – вскричал нетерпеливый.

– Зачем повествовать об уже слышанном? Однако, Ринчен, ты удивишься еще больше, когда узнаешь, что судьба бодхисаттвы Кан Шэна соединена, как пряжа и веретено, с судьбой императора Фу Кан-хэ. Все вы слышали об этом человеке. Был он великим повелителем – совершенномуудрым Хуан ди могучей империи Сун. Имел он роскошные покои в царском дворце в блистательном Бяньляне, носил титул «вэй ю мин» – грозный и просветленный. Милости и угрозы его простирались повсюду между четырех морей. Говорили, что он воплотил в себе Небо, принял его силу дэ и стал императором по праву, стал третьим по силе дэ после Неба и Земли. Поистине, Небо дало ему мандат держать в руке Поднебесную.

Юные ламы слушали внимательно, не выказывая своих чувств, полагая, что учитель преподносит им очередной урок. Дело в том, что армия грозного и просветленного Хуан ди пропала в свое время огнем и мечом по тангутскому царству Си-Ся, разрушив столицу, погубив тех, кто не успел бежать за Хуанхэ. Юные монахи не застали тех событий, они тогда еще не родились, но ненависть к династии Сун впитали с молоком матери.

А старый лама все так же неторопливо, словно перебирал четки, а не кровоточащие страницы истории, продолжал рассказ о том, как воцарился и правил Фу Кан-хэ Хуан ди. Как пришлось ему по воцарении подавлять заговоры своих братьев и генералов, пресекать смуты, затеянные князьями-ванами и бэйлэ пограничных земель. Проявив жестокость и милосердие, он справился с этими проблемами и привел империю к процветанию сравнимому разве что с благоденствием просветленной эпохи Хань.

Добившись покоя внутри страны, Фу Кан-хэ стал вершить военные походы на север, восток и запад: на севере освободил от тангутов провинцию Шэньси и Ордос, вытеснив их за Хуанхэ в Алашань; на востоке разбил киданей, очистив Хэбэй, и загнал их обратно в Маньчжурию; на западе восстановил контроль над Турфаном.

Но после десятилетия побед и процветания император вдруг переменился, стал терпим и миролюбив. Царство незамедлительно пришло в упадок. Вновь заявили о своих правах наместники южных провинций, в Ордосе подняли головы тангуты, с берегов Ляохэ вернулись кидани, казалось бы, окончательно разгромленные и рассеянные. Враз вспыхнули крестьянские бунты, вдохновляемые конфуцианствующими учеными-ортодоксами, усмотревшими отход династии от ископеченных национальных традиций. Неслыханное миролюбие императора было всеми расценено как слабость. Генерал Ань Ши-ци и его любовница, императорская наложница, составили заговор. Императору о заговоре донесли верные слуги, рассчитывая на его решительные действия и последующие милости. Но ничего этого не произошло. Фу Кан-хэ удалился в южную резиденцию, предоставив событиям течь своим чередом.

Заговор подавили генералы-патриоты. Но императору было не суждено вернуться в столицу. С запада и севера обрушились вражеские армии. Пройдя без особых препятствий через охваченную смутами страну, они достигли крепости, в которой скрывался император. Тангутские воины взяли ее ночным приступом. Император был захвачен и увезен в Бяньлянь.

Но до столицы его не довезли. Позже ходили слухи, что он был тайно казнен по дороге, что вывезен втайне от степных союзников в Тангут, где был брошен в яму с дикими зверями. Много ходило слухов. Но что произошло с императором Фу Кан-хэ на самом деле, не знал никто.

II

Этим летом на северных границах снова объявились воинственные уйгуры. Нарушив караванное сообщение в Восточном Туркестане, проникли они за Великую стену через проходы Мухя и Шиминь. Учинив немалое разорение в пограничных уездах, они привлекли к себе высочайшее внимание Хуан ди.

Император как всегда лично возглавил войско, выступив двумя армиями по пятьдесят тысяч воинов, рассудив, что этого будет вполне достаточно для усмирения зарвавшихся разбойников, к тому же, на границе должен был ожидать десяти тысячный отряд конницы из окитаенных степняков. Однако Фу Кан-хэ преследовал этим походом и иные цели. После разгрома уйгуров он намеревался повернуть войско на запад и вторгнуться в Тибет, дабы наконец, присоединить его к империи. Поэтому отдал распоряжение первому генералу Чжи Чжао перебросить с востока и юга две армии по сто тысяч воинов к Лянчжоу. Удар по тибетскому царству Тубот должен был оказаться внезапным и победоносным.

Настигнув войско уйгуров в верхнем течении Хуанхэ, в районе крепости Линчжоу, император дал решительный бой. На полный разгром врага он, естественно, не рассчитывал. После поражения в открытом бою уйгуры прибегли к испытанной тактике маневрирования и летучего боя. Важно было обратить их в бегство и, преследуя экспедиционными корпусами, гнать перед собой «до самых юрт».

Тан Ли, командуящий правого крыла легкой кавалерии, подъехал к императору. Тот стоял над своим боевым конем, рассеянно глядя вдаль, сквозь облако пыли, поднятое конницей, преследующей разбитых кочевников. Но во взгляде императора вовсе не читалось живого интереса к происходящему на поле битвы. Жаркий ветер из пустыни Гоби развеивал волосы императора, по лицу его стекали грязные струйки пота.

– Варвары бегут, повелитель! – выкрикнул хрипло генерал.

Хуан ди не отозвался и даже не повернул головы.

– Я видел, как обезумел конь вашего величества. В тот же миг я устремился вослед повелителю. Забрал у знаменосца императорское знамя.

– Он скакал, словно сама сущность движения вселилась в него.

– Наверное, это безумная жара тому виной.

Генерал спешился, воткнул императорский штандарт в землю и наклонился к мертвому коню. Кровавая пена на удилах, но в застывших глазах нет безумия. Генерал внимательно взгляделся, но ничего не сказал. Потом перевел взгляд на рану от императорского меча и одобрительно произнес:

– Великолепный удар повелителя. Он умер мгновенно. Крови совсем не натекло.

Император равнодушно пожал плечами. Тан Ли расценил это как жест, должествующий скрыть глубокую скорбь Хуан ди.

– Если на то будет воля повелителя, я осмелюсь предложить повелителю моего коня.

Император, наконец, повернулся к своему генералу и положил руку ему на плечо.

– Ты храбро сражался, Тан Ли.

И, видимо, сказав все, что хотел, побрел в сторону лагеря.

Генерал недоуменно вскинул брови. У ветерана дрогнуло сердце – впервые император обратился к нему с простым и добрым словом. Он поспешно выдернул знамя и, взяв коня под уздцы, последовал вслед за императором.

Военный совет состоялся этим же вечером. Командир степной конницы Шенно Чи, выходец из окитаенного уйгурского рода, доложил о результатах преследования. Уйгуры ушли в сторону пустыни, намереваясь, очевидно, углубиться в безводные пески и там оторваться от китайских войск.

– Однако их джунгарские летовки нам хорошо известны, – сообщил генерал Ли Цзун. – Не следует преследовать врага по пятам. Из пустыни они выйдут уже без коней – времени подготовиться к переходу они не имели. Поэтому совершенномуудрому Хуан ди вовсе нет нужды преследовать обреченных варваров.

– Следует снестись с ханом дружественных нам татабов, с Баолюем. Он уничтожит остатки орды без затруднений, – предложил Тан Ли.

Генерал-уйгур нахмурился, заговорил нервно и зычно:

– Мой повелитель, не следует считать уйгуров глупыми. Они превосходно знают, что такое пустыня и где искать оазисы. И если увидят, что их не преследуют, то быстро повернут обратно и уйдут караванными путями в Хами без особого урона для себя. Надо теснить их в пески. Я готов вести свой отряд вслед за ними, отрежу их от оазисов. Моим людям необходимы всего два дня отдыха.

Поднялся генерал Ду Бао-чен, старый полководец, отличившийся еще во времена пяти династий. Ему Хуан ди доверял больше прочих и охотно принимал его советы. Ду Бао важно разгладил бороду и изрек:

– Мой повелитель, дело с варварами так или иначе решенное. Настало время вспомнить о стратегических планах. Чжи Чжао еще не привел армий, и на встречу с ним спешить не следует. Таким образом мы располагаем временем для более полезных дел. Хорошо было бы выманить тибетцев из их горного логова. А выманить их можно, использовав разбитых совершенномуудрым Хуан ди варваров. Для всякого царя враг его врага – союзник. Если туботский царь прослышит, что вдоль его границ сам грозный и просветленный Хуан ди с малым войском преследует остатки войска кочевников, то соблазнится и не преминет воспользоваться случаем. Следует лишь позаботиться, чтобы весть об этом дошла до него своевременно. В словах Шенно Чи скрыта благоприятная для совершенномуудрого Хуан ди мысль – уйгуры надеются вернуться и уйти караванным путем. Не будем же препятствовать им в этом. Мы отойдем на два перехода южнее и разместим войска для отдыха. Как только разведка донесет о выходе уйгуров к Наньшаню, начнем преследование одной армией. Вторая же, предводительствуемая Хуан ди, пойдет прямо в Тибет и атакует противника с тыла. Случай весьма благоприятный.

Многие генералы слушали речь Ду Бао с явным неодобрением. Не в правилах китайских военачальников было отступать от намеченных, хорошо разработанных планов. Они поспешили высказать опасения за исход операции и безопасность совершенномудрого. Разгорелась жаркая перепалка, до хрипоты. В выражениях не стеснялись. Сторону Ду Бао держали лишь уйгур Шенно Чи и верный Тан Ли, командующий конницей правого крыла. Главный довод последний звучал так – «Небо помогает силе дэ, а кто усомнится в силе дэ совершенномудрого Хуан ди?»

Решающее слово было за императором. Но тот не спешил остановить перепалку и внести умиротворяющую ясность.

Наконец, даже генералы устали спорить. Ду Бао прямо обратился к императору:

– Мой повелитель, наши речи более не способны породить плодов, достойных мудрости Хуан ди.

– Что ж, – сказал Фу Кан-хэ. – Наша доблестная армия одержала сегодня славную победу. Уйгурам этого урока достаточно. Теперь мы можем воздействовать на них славой и известностью, оставив угрозы. Зачем мудрствовать касательно тангутов, я не могу понять. Будем следовать начертанному.

Воцарилась тишина. Воздействовать на уйгуров славой и известностью? Все равно, что завести лису в курятнике. Генералы недоуменно переглядывались, но возразить императору никто не осмелился.

Так грозный и неизменно беспощадный к врагу Фу Кан-хэ Хуан ди впервые поразил своих генералов, привыкших к иным решениям. Но тогда генералы рассудили так: на то он и император, чтобы чудить.

В ожидании Чжи Чжао устроили большую охоту на сайгаков и степных волков отрядом загонщиков в шесть тысяч всадников.

Охота продолжалась три дня. Первые два из них отряды загонщиков, спугнув животных с водоемов и пастбищ, гнали их в направлении ушелья Хань Ло, где пребывал в ожидании Хуан ди с гвардией. На третий день обезумевшее стадо, в котором смешались сайгаки и джейраны, не обращая никакого внимания на мелькавших то тут то там волков, неслось, не разбирая дороги, к месту, где должны были блеснуть охотничьей удачей император с подданными. Волки хитрили – прятались за сайгаками, терпеливо выжидая того момента, когда все смешается, и можно будет проскользнуть из-под брюха лошади, вырваться.

Погода стояла отменная, играло высокое солнце, с Наньшаня тянул прохладой крепкий ветер. Император со свитой стояли в первой цепи всадников, ожидая появления животных. Уже был слышен гул облавы – топот, рассекаемый пронзительными воплями боевых рогов; над горизонтом поднималось облако пыли. Ветер трепал разноцветные знамена с золотыми драконами, кони гарцевали, а всадники, приподнявшись в стременах, нетерпеливо зирали – когда же начнется?

И вот справа, из плотного облака пыли, вырвалась первая лава животных. Воевода Ду Бао-чен обратил внимание императора – мол, пора двигать цепи.

Хуан ди кивнул. Воевода вскинул руку. Вслед за ним жест повторили командиры отрядов и звеньев. И цепи сдвинулись. И понеслись вперед, все ускоряя галоп лошадей. Вкус охоты состоял в том, чтобы поражать жертвы на полном скаку, не замедляя движения и не останавливаясь, чтобы достать уворачивающихся животных, оставляя их следующим цепям. Особое искусство заключалось в умении поразить жертву одной стрелой, одним ударом копья. Потом, после охоты воины будут похвастаться, сколько потрачено стрел на убитых ими зверей.

Но самым ценным трофеем была волчья шкура. Поразить на полном скаку хитрого серого, хладнокровного и изворотливого, – дело непростое. Часты были случаи, когда волк бросался на коня и валил его вместе с всадником, или конь с перепугу сам сбрасывал седока.

Обычно император Фу Кан-хэ добывал на большой охоте двух-трех волков, а уж парнокопытных не считал никогда. Его любимый боевой конь был специально обучен не бояться волков, и ни разу не встал на дыбы перед бросающимся на него хищником. Но теперь под императором был другой конь, тоже обученный, но молодой и неопытный. Хуан ди ошущал – не тот галоп, слишком легко касаются земли копыта, слишком волнуется и спешит конь. И это раздражало императора. И вообще, он чувствовал себя не в своей тарелке, не было обычной собранности и куража. Более того, не было привычной слитности с цепями воинов.

– Рази, повелитель! – вскричал воевода: прямо на них вылетело несколько сайгаков, далеко опередивших своих собратьев.

Хуан ди метнул копье – оно вонзилось в землю. Пустил стрелу – она не достигла цели. Сайгаки проскочили цепь.

Вскоре император с прочими воинами неслись, окруженные сотнями мечущихся

зверей. Сыпались стрелы, возбужденно гикали охотники, храпели в азарте кони.

Этот волк вынырнул неизвестно откуда – может быть, Хуан ди был невнимателен, может быть, хищник сумел спрятаться за джейраном. Император мгновенно выхватил стрелу и натянул тетиву. Но молодой конь шархнулся и взвился на дыбы – видимо, матерый волк почуял его неопытность и устремился под брюхо. Опытный конь встретил бы копытом, но этот позволил волку вонзить зубы в круп и, еще больше испугавшись, покатился по земле. Императору чудом удалось выдернуть ноги из стремян и соскочить.

Когда он поднялся, перед ним стоял тот же зверь. Был это старый, могучий волк. Видимо зная, что ему все равно не уйти, волк решил унести с собой хотя бы одну ненавистную человеческую жизнь. Он смотрел тяжелым немигающим взглядом и рычал, перекашивая морду в презрительной ухмылке.

Фу Кан-хэ выхватил из ножен кинжал и, пригнувшись, стал обходить волка. Лицо императора сделалось таким же безумно перекошенным, а взгляд диким. Казалось, он готов рвать соперника зубами. Это видел и волк, а потому и вовсе разъярившись, неожиданно прыгнул. Фу Кан-хэ рванулся навстречу, выбросив вперед руку с кинжалом. В этом взаимном движении, отчаянном и все решающем, их взгляды, наконец, встретились. Волк словно споткнулся и приземлился на четыре лапы. Хуан ди тоже оборвал движение, упав на одно колено. Секунду или больше продолжался этот обмен взглядами. Потом волк помотал головой, император поднялся на ноги.

В этот момент, наконец, подлетели на выручку всадники. Еще мгновение – и пригвожденный сразу несколькими копьями волк обаргит кровью траву. Но император вскинул руку ладонью вверх и повелительно закричал:

– Прочь, псы! Не трогать! Он мой брат!

Что имел в виду совершенномудрый Хуан ди, навеки осталось тайной летописей.

Вскоре прибыл гонец с известием, что армии Чжи Чжао на подходе к крепости Лянчжоу. В лагере воцарилась оживленная атмосфера, солдаты, предвкушая победоносный поход, выказали изрядное нетерпение. Они привыкли побеждать, ведомые совершенномудрым. Кроме того, всем было хорошо известно, что в смутные времена пяти династий и десяти царств тибетцы немало поживались на китайских землях и свезли в свои горы несметные сокровища.

На самом деле поход предстоял непростой: через труднодоступные перевалы всю провизию необходимо было везти буквально на себе, ибо император задумал стремительный бросок на Кукунор. Район этого высокогорного озера был ключом к овладению царством Тубот. Но в армии царил образцово-патриотический дух, солдаты знали, что их ведут испытанные боевые генералы, а не конфуцианские чиновники-поэты, как то бывало до воцарения Фу Кан-хэ. Кроме того, мысль о сокровищах, уже обещанных всемиловитейшим монархом, кружила головы сильнее, чем рисовая вода.

На объединенном совете трех армий решено было выступить по трем направлениям. Армия Хуан ди наступала от Линчжоу по северным отрогам Наньшаня на Цайдам и далее до Черчен-Дары. Вторая армия, ведомая Ду Бао-ченем – от Лянчжоу прямо на Кукунор. И третья, южная, во главе с первым генералом династии Чжи Чжао – от крепости Дуньхуан в район Амдо, страну «Снежных гор», дабы отрезать неприятелю пути к возможному отступлению.

Армия Хуан ди спустилась в Цайдамскую котловину. Был объявлен двухдневный привал. Легкая кавалерия же готовилась промчаться по степи, чтобы не дать местным скотоводам собраться в ополчение.

Утро выдалось холодным. Солнце еще не вынырнуло из-за горной гряды и не согрело опустившийся с нагорья ночной студеный воздух.

Хуан ди откинул полог императорской палатки и вышел, зябко поеживаясь. Посмотрел в нежно голубое небо, потом в степь – тени гор простерлись далеко вперед, и там, где они обрывались, ярко зеленела трава; далее все таяло в белесой дымке.

У подножия холма строились кавалерийские отряды, готовясь устремиться на запад, погрузиться в эту самую дымку – и дымка развеется, словно разорванная в клочья напором коней и свистящими стрелами. А завтра в такое же зябкое утро сдвинется и основная армия, и степь загудит, застонет. А потом новые и новые военные переходы. Новые восходы и закаты. А потом старость и смерть. И больше ничего.

Хуан ди присел на корточки, провел кинжалом по земле – получился иероглиф «смерть». Смутно стало на душе, неуютно. Словно оборвался вечный полет тончайшего луча радости – и императору вдруг расхотелось воевать. Фу Кан-хэ добавил иероглиф «не существует». Он как будто освободился от мучившей его иллюзии, имени которой он не мог сейчас придумать. Он поднялся и кликнул гонцов. Одного направил остановить приготовления конницы, другим повелел собираться в дальний путь к армиям Чжи Чжао и Ду Бао-чена с приказом отводить войска.

Над степью высоко поднялось солнце. Лагерь исчезал, разваливался на глазах. Полки строились в походные колонны. Хмурые, недовольные воины молчали, не понимая смысла происходящего. Ведь уже пройдены перевалы, практически без боев – значит, противник не готов к настоящей правильной войне.

Отступление китайских армий обернулось для них катастрофой – слишком далеко углубились они в горную страну. Тибетцы творили, что хотели: уничтожили арьергарды первой и второй армий, а третью, южную армию, заперли в долине Хуанхэ и методично расстреливали со склонов. Чжи Чжао с десятью тысячами гвардейцев посчастливилось вырваться, прочие остались лежать в Амдо.

Теперь уже не только генералы, но и вся армия отказались понимать своего императора. Фу Кан-хэ оставалось только отчебучить что-нибудь такое в столице, чтобы от него отвернулись чиновники и народ. Долго ждать не пришлось.

На открытой террасе чайного заведения господина Ли сидели и пили чай двое чиновников уездного управления одной из южных провинций. Первого звали Пань Сянь, второго же Шан Го. Первый был тшедушен и невелик ростом, желчен, в летах скорее почтенных, и занимал уважаемую и доходную должность первого писца начальника уезда. Второй же, средних лет и непримечательной мышиной внешности подвизался в службе контроля за культами. В спокойные времена и эта должность отличалась своей доходностью и безмятежностью. Но времена изменились, и Шан Го изрядно обнищал – продал двух своих наложниц, заложил дом, шелковые халаты и драгоценности тоже продал, а на жизнь все равно не хватало. Со дня на день ожидалось сокращение штатов в его департаменте, как это уже произошло в канцелярии уезда.

Собственно о новых временах и шла беседа.

– Уважаемый господин Пань, каковы же последние новости из столицы? – допрашивал своего более осведомленного собеседника Шан Го. – Ведь вам по долгу службы приходится принимать курьерскую почту, а она, как я слышал, уже прибыла.

– Это, конечно же секрет, – тонко улыбнулся в свои вислые усы господин Пань. – Но так уж повелось в Поднебесной с древних времен, что ничто не может быть скрыто от ее чиновников, поэтому я расскажу. Вести самые дурные.

– Что может быть дурнее того, что уже есть? – сделал кислую мину наблюдатель культов. – Неужели мало того, что все налоги, которые мы собираем с таким усердием, идут прямо в столицу, а губернии, и тем более уезду, остаются столь ничтожные крохи, что некоторые чиновники продают наложниц и закладывают дома?

– Я слышал о ваших бедах, дорогой Шан.

Мышиная физиономия Шан Го скривилась еще больше:

– Мои страдания – ничто в сравнении с трудностями, что испытывает ныне Поднебесная...

– Не отчаивайтесь, мой усердный коллега. Начальник полиции отзывался о вас в самых лестных выражениях.

– Неужели?

– Так что, если хотите, могу замолвить за вас словечко у самого господина Ю.

– Очень, очень обяжете, господин Пань. Не забудьте напомнить при этом господину Ю, что не далее как два года назад он лично даровал мне грамоту, в которой аттестовал меня как «искренного и примерно усердного, содействующего познанию Неба и преобразующего блага императора чиновника».

Господин Пань благосклонно покивал головой:

– Помню-помню, я лично ее визировал и представлял господину начальнику уезда. Но мы отвлеклись.

– Да-да, так что же в почте?

– Господин начальник уезда лишается права вершить суд, для этого вводится особая должность, права собирать подати, для чего тоже предусмотрена новая должность.

– Не может быть! – не удержавшись, перебил Шан Го.

– Но и это еще не все. Грядет пересмотр помещичьих владений, сельским общинам предоставляются весьма широкие полномочия. В деревне следует ожидать возмущений, мой дорогой Шан Го.

– Поистине, стоит лишь дать крестьянину широкие права, и он непременно поднимет бунт! – воскликнул Шан Го.

– Да ведь уже поднял, в северных провинциях весьма беспокойно. Это слухи, поймите меня правильно, господин Шан, – Пань Сянь многозначительно посмотрел на собеседника. – Но говорят, что крестьянский предводитель Хао Цянь собрал огромную армию, и еще говорят, что это второй Хуан Чао. Но, уважаемый господин Шан, как говорится, искренность спешит навстречу искренности. Расскажите же, что говорят в

храмах и монастырях?

Господин Шан Го присанился, значительно огладил бородку и сделал два веских глотка из чашки.

– Говорят сейчас многое, господин Пань. Да стоит ли к этому прислушиваться? Однако, памятью о вашем внимании к моей несчастной судьбе, тут смотритель культов доверительно наклонился к собеседнику и понизил голос. – Имею сообщить. Говорят о самом совершенномудром. Говорят, что Небо отвернулось от Хуан ди, что дэ императора стало слабым и ничтожным. Говорят даже и такое, что Небо вовсе лишило императора мандата, и теперь государство неминуемо ждут великие бедствия. И это говорят в храмах, от имени конфуцианских святых.

– Ах, не следовало давать свободы буддистам и последователям Дао. Теперь все глядят в разные стороны. А ведь государство крепко лишь тогда, когда государи умны, а подданные добросовестны, все едины в своих помыслах и помогают друг другу. Надо объединять свою волю и искренность, – напыщенно изрек господин Пань.

После чего оба чиновника принялись усердно пить чай.

III

Старый лама неторопливо вел свой рассказ о грозном и несчастном Хуан ди. И по мере погружения в эту странную историю росло в учениках ощущение сбывшейся сказки. Сперва ее, сказки, не было. Была кровь, и был рев великого дракона Поднебесной империи. И вдруг, словно из-под земли или как потаенное тепло из долины, стала пробиваться сказка. Император все меньше походил на императора, а события утрачивали очертания земной необходимости.

И когда старый лама остановился, и даже надолго замолчал, нетерпеливый Ринчен поднялся и сказал:

– Учитель, мы выступили вслед за тобою в поход, преследуя целью узреть бодхисаттву, и ты завел нас высоко. Если ты полагаешь, что мы уже вполне приготовились узреть, то продолжи.

– Ринчен, я готовлю вас для иного постижения. Бодхисаттва Кан Шэн лишь путник на своем пути. Но вы должны увидеть то место, куда ведет его тропа. Я хочу, чтобы вы это место увидели.

Старый лама вновь замолчал. Ученики ощутили, что сегодняшняя беседа особенная. Они даже почувствовали, что неизвестный бодхисаттва сейчас где-то рядом, стоит за их спинами, или же парит высоко в небе, или сидит рядом с их учителем, незримый, и они переговариваются как старые знакомые. Какое-то странное равенство между ними.

Наверное, это был тот волшебный миг преобразования речи, о котором немало написано в сутрах. Тот миг, когда речь, продолжаясь, более не повествует об обыденном. Собеседникам вдруг открывается скрытая за земными словами нездешняя истина.

Старый лама заговорил.

В степи росла ромашка. Трав и ромашек в степи много. И всех их колыхает ветер и окропляет дождь. Они тянутся к небу, прорастая в земле из векового сплетения корней. Они дружны и всегда беспечны. Времена меняются, что-то в мире возникает новое, и что-то навеки исчезает. А невысоко над землей без перемен звучит мелодия, полная утренней свежести, полуденного зноя и вечернего покоя, и ночной прохлады – скромная мелодия жизни.

Однажды с неба спустился луч. Острый, как осколок звезды, и полный света. Он коснулся раскрывшегося навстречу солнцу цветка. И произошло чудо. Ромашка увидела огромное блистающее солнце над головой, ей открылась вдруг распахнутая бездонность неба. И мириады радужных нитей, соединившие в один узор все мельчайшие былинки степи. Она услышала свой голос. Он был негромок, не столь звонок, как у соседа-чабреца, и не столь басовит, как у лопухов, и не разливался колокольцами, как у пастушьей сумки. Но он так же искренне пел в общем степном хоре.

Словно новое, явное зрение открылось. И вместе с ним – знание. Ромашка уже знала.

Сменялись поколения ромашек этого корня, храня в себе однажды спустившийся к ним луч. Знание росло: ромашка уже видела и знала далеко на многие и многие ли окрест. Она знала всю степь, а через вибрации нитей – медлительную жизнь бесплодных пустынь и величественную жизнь неторопливых суровых гор. Она знала тревоги и радости степных зверей и упоение полетом парящих в небе птиц. Но она по-прежнему оставалась ромашкой.

Однажды степь содрогнулась. И закубились пылью. Безжалостной лавиной неслись по степи кони. Ромашка знала их, они все были открыты ей. Только всадники оставались неясны, туманны.

Грохот нарастал, в небо взмывали фиолетовые и алые всполохи рвущихся нитей

степного узора. И на целый день песнь разнотравья прервалась, сменившись морем вскриков.

Могучий конь опустил свое копыто прямо на голову ромашки и выбил ее из земли с корнем. В тот же миг ромашка превратилась в коня. Была ромашка – стал конь. И коню открылся небывалый горизонт. Он как бы поднялся над степью, ощутил ее бескрайность и огромность, ее могучее стремление к расширению и ее противоборство с пустыней. Он понесся, будто подхваченный крыльями. Ему казалось, что огромность пространства сама влечет его вперед. Он упивался стихией бега, стихией неограниченного движения неведомой и недоступной ромашке.

Он позабыл о битве, о седоке. Отыныне он был свободен. Он стал чем-то иным. Может быть ветром? Он был чем-то больше ветра. И даже когда силы стали иссякать, словно тонкие струны лопались одна за другой, он не убавил прыти. Он летел. И, когда последняя струна лопнула, он рухнул наземь. Жизнь еще билась в его сердце, но ее исход был предрешен. И милосердная рука всадника прервала агонию.

В тот же миг, словно скользя по лезвию небытия, конь превратился в человека. Императора качнуло.

Он почти ослеп – настолько яркое вспыхнуло в нем солнце. Он не ощущал боли от падения, не чувствовал жарких объятий ветра и частых ударов крови в висках. Он еще не открыл глаз, но уже все видел.

Это не был взгляд коня или знание ромашки о даях. Ему открылась связь всего со всем. Постичь, впитать это знание, это видение он не мог. Оно принадлежало ему, но почему-то оказалось больше него самого, словно с чужого плеча. Какая-то внемировая загадка обнаружилась в этом несоответствии. Хуан ди стоял, словно пришибленный.

Мир вокруг играл, буйствовал разноцветными лоскутами смыслов. Ничего ограниченного или мимолетного. Все было органичным и вечным, за всяким мельчайшим смыслом обнаруживался высокий. И все вместе стремилось ввысь, а в выси чувствовалось присутствие чего-то настоящего, корня всякого смысла, источника этого буйства.

От императора здесь было так мало, почти ничего. А когда к нему подошел Тан Ли, он увидел даже не самого генерала, а присутствие волевой решительной сущности, с которой был связан одним смыслом, одной неразрывной связью. Вот эта-то связь и вернула его к реальности битвы, как бы вырвала его из хоровода играющих смыслами миров. Но и привычный мир был уже иным. Он утратил прежнюю жесткую определенность, стал мягок и податлив, как глина. И над ним сверкал небесный корень.

Генерал что-то говорил, Фу Кан-хэ его не слышал, он приходил в себя. Он вновь видел обычное. Он видел свою войну, он знал ее ход и свое место в потоке событий. Но что-то в нем распахнулось, да так и осталось распахнутым. И что-то будто желало войти, привлеченное не знающей грани непреклонной волей Фу Кан-хэ, новым полем возможностей, но пока не решалось. И лишь одно теплое чувство передалось оттуда императору. Он увидел своего генерала по-иному, как раньше никогда видеть не мог.

– Ты храбро сражался, Тан Ли, – негромко произнес Хуан ди.

Что было делать дальше, как вести дело, он знал. Но сейчас его занимало другое. Привыкший ожидать всякого извне, Фу Кан-хэ оказался не готов к внутренним движениям и переменам. Он не знал – бороться ли ему с тем, что его посетило, или принять, или вовсе не обращать внимания. Впрочем, он отметил интересную вещь – все, кто его окружал, обрели как бы объем и глубину. С ними стало интересно. Не важно, что они отвечали и какие намерения таили в себе. Просто стало интересно касаться их своим вниманием.

А дела шли своим чередом. Участь разбитых варваров была решена императором еще утром; на совете следовало лишь отдать ясные распоряжения. Собственно, уйгуры теперь мало занимали Хуан ди: решение принято – вопрос исчерпан. Но когда генералы стали предлагать ненужные, как ему казалось, улучшения к его плану, то что-то в сознании императора изменилось.

Ромашка, скрывавшаяся за распахнутыми вратами, вдруг увидела свой путь в волевых сплетениях мира Хуан ди. Преследование, уничтожение уйгуров? Кто такие уйгуры – значения не имело. Уничтожение видела ромашка, и это ей было нестерпимо.

Хуан ди внезапно открылась вся бессмысленность предстоящего дела. Фу Кан-хэ растерялся, он не знал, как отогнать наваждение, он вообще никогда с собой не боролся, все его импульсивные желания подлежали неукоснительному исполнению. Но теперь он сам не мог исполнить своего решения. Как император он знал, что отступаясь, он не просто упускает противника из рук, а выказывает свою слабость перед подчиненными и всей Поднебесной. Но с этой странной слабостью, в которой было так много силы, он справиться не умел. Да и надо ли? Она, эта сила, повелительно звала в светлые грандиозные дали. Человеческое сознание оттиснуло это видение в желании не мешкая приступить к завоеванию Тибета.

Ромашка, зная откуда мир человека весьма мало, не могла разглядеть за этой новой волей все того же разрушения, уничтожения, а не созидания. Виделось же ей грандиозное строительство, в которое вовлекались тысячи человеческих жизней, созидание новой ситуации в мире, рождение новых смыслов.

Время шло, ромашка все больше постигала мир человеческий, все более была человеком. Но одновременно она оставалась и растением, и животным. И все это был однажды вошедший в скромное растение луч. Он не ведал смерти и земных печалей. Он жаждал родить и строить, и творить.

Но он стал человеком. И словно огромная волна нахлынула на него, почти остановив его в устремлении. И было не разобрать – почему так. Почему тьма и свет здесь так неизбежно сплетены, отчего свету приходится изощрять свою мудрость, чтобы использовать темное и постоянно умирающее, чтобы поддерживать жизнь? Почему мир, столь понятный и открытый ромашке и коню, в глазах человека меркнет, закрывается глухой серой пеленой, так что не отличить – где золото, а где медь? Почему человеку его мир так ясен, понятен, но для ромашки-луча – удрушающе сумрачен?

Ромашка привыкала быть человеком, а человек – ромашкой. Они больше не мешали друг другу. Они обоюдно открывали дали, раздвигали друг перед другом границы миров. И были взаимно благодарны, как благодарна крыша держащим ее балкам, как благодарна кожа солнечному пятну в зябкий день, как благодарна женщина ласкающему ее шелку. Благодарны, не задумываясь ни о том, кого они благодарят, ни о том, что шелк тоже признателен женщине за то, что более не пылится он в лавке купца; балки – крыше за то, что им не гнить под дождем, а Солнце – всему, что принимает его тепло.

Человек, император изменялся. Он принял данность, не ведая о ней. Он сказал себе: «меня посетил Великий Учитель». Правда, какое-то время колебался – сам Будда ли его посетил или же один из бодхисаттв? Скорее второе, потому что именно такова сущность бодхисаттв. Император изменялся и изменял империю.

Он далеко опередил свое время, он оторвался от понимания природы государственного управления в Китае. И не так уж не правы были те, кто говорил, что сила дэ оставила императора. Да, сила имперского воления перестала вдохновлять Фу Кан-хэ Хуан ди. Она была несовместима с кротким нравом полевого цветка и безудержной жадной свободы коня, и небесной жадной созидания.

Император разрешил буддизм, доселе строгайше запрещенный, и близкий ему даосизм. Он уже считал себя буддистом, но открыться в этом не мог.

Была поздняя осень. Каждый день приносил новый обильный дождь. Шумел сосновый лес у стен небольшой крепости в горах Дабешаня в провинции Аньшин на левом берегу Янцзы. Соснам вторили резкие вопли птиц. Время вокруг крепости замерло, и казалось, что этот дождь и уединение – навеки.

Но явилось войско тангутов, словно вынырнуло из подземных глубин, где вечно бьшуют огонь и ярость. И дождь иссяк.

Опустилась звездная ночь. Тангуты жгли костры и собирались на приступ.

Фу Кан-хэ стоял на стене и наблюдал эти приготовления – движение факелов, приближающийся шум и гомон. Он ни с кем не воевал и не думал отражать нападение. Но, видимо, он был еще плохим буддистом – умирать он не хотел. Он боялся смерти и скрывал этот страх от себя.

Но ромашка, не ведавшая смерти, ощутила это человеческое мучение – она оказалась перед безысходностью, даль будущего исчезла. И как в свое время, когда она только поселилась в человеке, человек перестал знать, как ему быть самим собой, так сейчас она перестала знать, как ей быть собой, а не человеком.

Они впали в оцепенение, предоставив событиям захватить их и поглотить. Но человеческая мысль вспомнила о тех, кто вот-вот погибнет, и ромашка отозвалась, приподняв темный горизонт будущего. Есть ведь еще иная возможность! И Хуан ди приказал отворить ворота крепости, дабы он вышел к тангутам лично.

Никто не стал удерживать «обезумевшего» императора. По правде сказать, они сами собирались выдать тангутам своего императора. Получалось, что Хуан ди сохранил их лицо от несмываемого позора.

IV

Старый лама вновь прервал свое повествование. На этот раз никто из учеников не стал беспокоить его вопросы. Они ожидали того мига, когда Солнце истины вспыхнет над вершинами гор познания и одарит их своими лучами. Сейчас они уже не сомневались, что рассказчиков двое – старый настоятель монастыря и таинственный незримый бодхисаттва.

Настоятель заговорил:

– Как я уже рассказал вам, императора не привезли в столицу. Но он не был ни тайно казнен, ни похищен. Он просто ушел. Весь отряд, что вез его как пленника в бамбуковой клетке, отправился вслед за ним, но уже не воинами, а монахами.

Настоятель улыбнулся:

– Даже я был потрясен до самых крайних пределов моего естества, каждое волокно моего тела вибрировало с великой силой. Что уж говорить об этих простых людях. Сам бодхисаттва явился перед нами. И мы открыли Будду в себе. Мы ощутили, что Будда всегда был в нас, как и в каждой частице мироздания: в камне, дереве, птице или животном. Затем нам после этого было оставаться среди непознавших?

Человек, скорчившись, сидел в раскачивающейся между двух коней клетке. Шел двенадцатый день пути. Человек уже успел потеряться в этой маете – целыми днями в тесной клетке, обдаваемый летящей из-под копыт грязью, насквозь промокший под непрекращающимся дождем, голодный и порядком избитый.

Какую таинственную пряжу будущего ткала в эти дни ромашка? Казалось бы, в этом человеке ей ничего не осталось. Казалось, что уже не суждено ей соединиться полнотой бытия с человеком, со странным человеческим началом. Но что-то происходило за ее распахнутыми воротами.

И однажды вечером, когда встали на привал посреди равнины, когда ветер все-таки разогнал тучи и дал упасть на путников закатным лучам, ромашка прошла через врата к человеку. Ей уже больше ничего не мешало, не было больше тревожной имперской воли, не было страхов и безумных надежд. Человек уже мог принять ее всю целиком, как безмятежная ромашка приняла луч, как конь принял ромашку-луч.

Видимо, иной возможности для ромашки не было. Только приняв свою тшету и ничтожество, человек мог обрести свободу, свою истинную природу. Потому что изначально, от рождения, он прах, ничтожная тварь и больше ничего. Он попирает в себе истину и не попирает не умеет. Он обречен. Царит он или бедствует в нишете – он прах. И не обрести ему свободы. И не увидеть ему своей истинной природы. Но, к отчаявшимся спасаться, приходит Будда...

К бывшему императору пришла ромашка. И все озарилось. Мир зазвучал, запел. Исчезли тени, исчезли темные лохмотья, доселе вовлекавшие в дикий хоровод разноцветные лоскутки смыслов. Лоскутки соединились в блистающую ткань, единую с изначальной сущью мира. Человек растворился в этом единстве, но не исчез. Он был. Но это уже был иной человек, преображенный, освободившийся.

Но мир ликовал не только внутри Фу Кан-хэ. Волны радости охватили всех, кто был близости. Наверное, все же в этом проявилось особое свойство воли бывшего императора – распространять себя на других. И тангутские воины вдохнули блаженный аромат истины, дыхание Нирваны. В тот же миг, освободившийся из пут Майи, Фу Кан-хэ был освобожден из бамбуковой клетки.

Некоторые даже узрели сияние, исходившее от пленника. Многие, пав на колени, потребовали проповеди. Но Фу Кан-хэ оказался немногословен. Он спросил – знают ли они, что с ними произошло. Они ответили, что знают – их посетил Все Достоинство Устраивающий Будда. Откуда им было знать про ромашку? Да и сам Фу Кан-хэ думал примерно так же. Человеческая мысль не успевает за вечным.

Старый лама закончил свой рассказ. Послушники встали и поклонились тому, кто был когда-то грозным и непобедимым императором Фу Кан-хэ.

– Ламы, вы сейчас поклонились бодхисаттве Кан Шэну. Мы с ним неразлучно следуем земными путями. Когда-то пришел он лучом, чтобы никогда не покидать земную юдоль, пока последняя живая тварь не спасется. Но меня ожидает скорый переход в Нирвану, я закончил свой путь здесь. Один из вас примет в себя луч бодхисаттвы.

Настоятель обвел взглядом своих учеников. Они понимали, что избранник уже определен, но будет ли он назван сейчас?

– Итак, о ламы, ответьте каждый в сердце своем – что вечно и неуничтожимо?

Монахи молчали. Они вслушивались в голоса своих сердец. В их сердцах уже был ответ – у каждого свой – и ответ этот был в них всегда. Но стоял среди монахов один, кто не нуждался в ответе. Потому что в его сердце звучал голос того, кто неуничтожим и вечен.

НОВЫЕ ИМЕНА

*Я люблю, чтобы слово
карябало...*

Мое credo

Не люблю я стихов прилизанных,
Пара строк, и я их не читаю.
Слова- бусы на строчку нанизаны,
Мухи дохнут, и я засыпаю.

Я люблю, чтобы слово карябало,
Чтоб рвалось, как шrapнель каленая,
Как ножом по стеклу, чтоб шкрябало,
И чтоб пахло травой паленою.

Чтобы гомикав звали п
И не геem – слашаво-гадостно,
Чтобы парни росли мужчинами,
И за них бы нам было радостно.

Чтобы пальцы сжимались от ярости,
Чтобы сердце сжималось от жалости,
Чтоб хорошему было радостно,
Подлецы на меня обижались бы!

Анне Ахматовой

Сидела девушка в автобусе,
Стихи Ахматовой читала...
Залюбовавшись, я, как с просыпу,
За ней доехал до вокзала.

Она были такую славную,
Такою нежной и восторженной,
И бровь ее дугою плавною
Едва ломалась настороженно.

И томик маленький Ахматовой
Листала нежно, чуть касаясь,
И как туман, белесо-матовый,
Из глаз мечта лилась, плескаясь.

Игорь РЫНДИН

Родился в 1932 г.
Окончил Ташкентский
техникум железнодоро-
жного транспорта.
Участвовал в строи-
тельстве и эксплуата-
ции атомного реак-
тора АН УзССР (пос.
Кибрай). Стихи начал
писать с юности.
Автор поэтического
сборника «Сборник
«неправильных»
стихов». В «Звезде
Востока» публикуется
впервые.

А на Невском, где снега нет,
Промелькнул Ее силуэт.
Стать царицы, копна волос,
И с заметной горбинкой нос.

Осень

Вот и время пришло, закружил листопад,
И уже поредела листва на макушке;
Сколько их не чеши, не вернутся назад,
Как года, что давно посчитали кукушки.

И листва, что была буйной, рыжей,
красивой...
Побурела уже, дивный цвет изменя.
Ствол прямой, а листва стала пепельно-
сивой
И уже на покой чаще тянет меня.

Осень жизни

Закружило время листопад.
Что тебе я расскажу об этом?
Расскажу, быть может, невпопад,
Как жилось нам жарким этим летом.

Нет! Об этом я не расскажу.
Лето знойное нас пылью запыхало.
Лучше я тебе поворожу
Про весну, что голову кружила.

Но... весна прошла, исчезло это,
И пришла унылая пора,
Что зовется звонко «бабье лето»,
Бабье лето, с ночи до утра.

С ночи до утра шемит нам сердце,
Мы подводим жизненный итог.
В прошлое мы открываем дверцу,
С кем прошли мы верстами дорог.

С кем невзгоды, радости делили,
Кто мешал на жизненном пути,
Где удачу в жизни упустили,
Горю где не дали к нам пройти.

Мы прожили много раз по восемь
Жизнь такую грешную с тобой.
Пусть благословенна будет осень,
Осень нашей жизни молодой.

Мой букет

Семья – мной собранный букет,
Каких цветов там только нет.
И в том букете все цветы
Своеобразной красоты.

В моем букете – разноцвет.
Хороших много, вялых нет.
Прошли года, свои цветы
Я раздарил, как те мечты.

Вначале дочь – мой алый цвет –
И сыновей со мною нет;
Они давно мужами стали,
Свои букеты мне собрали.

Теперь опять еще цветков
Уходит в даль своих дорог.
И дай Вам Бог, за много лет,
Собрать хороший свой букет.

За все тебя благодарю

Моей первой любви Л.Гуревич

За все тебя благодарю!
За тень не пойманной улыбки,
За взгляд, бесчувственный и зыбкий,
За то, что я «Ее» люблю.

За то, что я тебя любил
Любовью первой, беззаветной,
Ранимой, нежной, безответной,
Что я ее не позабыл.

За все тебя благодарю!
За то, что радость не делила
Со мной, а радость подарила
Мне «Та», которую люблю.

За то тебя благодарю,
Что не была со мною близкой,
Из-за тебя не падал низко,
Не разменялся по «рублю».

За то тебя благодарю,
Что юность с первой любовью
Ушла, как драка с первой кровью,
Ушла в вечернюю зарю.

За все тебя благодарю!

новые имена

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СПЕЦИФИКЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

В художественной фантастике одним из главных качеств, обуславливающих положительную оценку произведения, является реалистическое изображение происходящих событий, явлений и характеров. При нарушении этого условия неизбежно гарантирована неубедительность описываемого, что делает произведение неинтересным для читателя.

В структуре научно-фантастического произведения можно выделить 7 компонентов: идея, сюжет, фон, образ и персонаж, конфликт, сверхзадача и проблематика. Каждая из этих частей, несмотря на свою фантастичность, должна подвергаться реалистической художественной проработке.

Идея в фантастическом произведении обычно подразумевает как вымышленное открытие или изобретение: место действия либо живое существо, или социально-политическая система, что является главным фантастическим компонентом произведения.

Так, к примеру, такой идеей была Машина времени (одноименный роман Г. Уэллса).

Развитие науки и технического прогресса выдвинуло перед фантастами идею полета и путешествий по Вселенной (Г. Уэллс «Первые люди на Луне», Г. Р. Сервисе «Колумб космоса», Д. Эстор «Путешествие к другим мирам»).

В их романах появились разнообразные конструкции звездолетов и типы двигателей. При этом научно-фантастические идеи основывались на новейших разработках ученых, описывались различные способы путешествий к иным планетам, звездам и галактикам.

Фантастическая идея – это стержень произведения. Но одной идеи, даже самой актуальной, оригинальной и убедительной, недостаточно для удачного художественного произведения. Идея должна реализовываться в художественной разработке, т.е. в сюжете произведения.

При глубоком анализе фантастического произведения выделяются три вида **сюжета**: производственный, приключенческий и любовно-бытовой.

Приключенческий сюжет характеризуется наличием в произведении захватывающих интриг и динамичностью действий.

Производственный сюжет, как правило, демонстрирует деятельность в той или иной сфере. Например, описание будничной деятельности научной лаборатории, экипажа научного корабля и пр.

В произведении с любовно-бытовым сюжетом основное внимание уделяется описанию личной жизни героев, чаще всего это мелодрама со счастливой развязкой.

Как научно-фантастическая идея, так и сюжет разрабатываются автором на определенном **фоне**.

Под фоном подразумевается политическая ситуация, которая изображается в вымышленной реальности: природные условия, место действия, научно-технические средства, которые

Шухрат АКРАМОВ

Родился в 1984 году.

Окончил факультет английской филологии УзГУМЯ. В настоящее время соискатель кафедры русской и зарубежной литературы УзГУМЯ. Имеет ряд публикаций по творчеству писателя-фантаста Роберта Хайнлайна и проблемам теории научной фантастики.

используются персонажами и т.д.

Также фоном могут быть пейзажи чужих планет (О.Ларионов «Клетчатый тапир»), наша планета Земля после ядерной войны (Р.Мерль «Мальвиль») и др. Правильно подобранные в качестве фона образы и детали в огромной степени способствуют достижению эффекта достоверности вымышленного мира.

Для убедительности произведения огромное значение имеет создание **образов-персонажей**, как персонажей-людей, так и фантастических существ, обладающих разумом (искусственный интеллект, инопланетяне, мутанты или сверхъестественные существа и т. д.).

Но необходимо помнить о том, что человеческую психологию выдумать нельзя, как говорил Л. Толстой, и потому герои должны действовать по понятным человеческому обществу законам.

Эта задача не представляет особой сложности, если персонажи произведений люди, которые оказались в фантастических обстоятельствах. Гораздо более сложной задачей для многих писателей-фантастов является изображение духовного мира и характера персонажей других цивилизаций.

По словам писателя-фантаста К. Мзареулова, самым сложным является показать духовный мир фантастических существ.

В работах А. Азимова действие роботов совпадают с нормами поведения нормальных людей.

Важной составляющей частью любого художественного произведения, главной движущей силой сюжета, является **конфликт**.

Если замысел произведения неглубок, а конфликт слишком прост, то подобные произведения не относятся к художественной сфере, а причисляют к массовой литературе (произведения А. Казанцева и В. Немцова, повести Р. Говарда).

Конфликты, связанные с научными и политическими противостояниями, показывающие истинное предназначение людей, владеющих интеллектом и свободой выбора, являются более интересными и важными для читателей. Например, герои Ж. Верна и Г. Уэллса, отправляющиеся в опасные путешествия с целью разгадать непонятные явления, тайны, герои-первопроходцы из фантастических произведений многих авторов, открывающие неизвестные законы природы и новые планеты, преодолевающие галактическую бездну и другие трудности на пути достижения своей цели.

Как отмечается во многих работах писателей-фантастов, главный конфликт основан на борьбе людей против законов природы. Чем глубже конфликт противостояния добрых и злых сил природы, тем сложнее и интереснее замысел произведения.

Одним из важнейших аспектов, определяющих художественное и социальное значение произведения, выражающих философское, нравственное и политическое мировоззрение писателя, является **сверхзадача**.

Она присутствует далеко не в каждой работе, а лишь в наиболее глубоких и серьезных произведениях.

Сверхзадаче нельзя дать определенную формулировку, она выявляется постепенно через описание настроения героев, эмоционального настроя произведения и является внутренним пластом замысла автора.

Огромное значение для степени художественности произведения имеет масштабность замысла. Именно поэтому в научно-фантастических произведениях рассматриваются в равной степени такие перспективные и актуальные проблемы, как проблемы экологии, тревога за судьбу планеты, сотрясаемая войнами и конфликтами, размышления о нравственном и духовном багаже современника, противоречия научно-технической революции и алгоритмы социальной справедливости, великие идеи достижения гармонии мироздания, дефицита доброты в современном обществе и гипотезы о сложных механизмах и законах развития Вселенной.

Эти проблемы в ракурсе научной фантастики, базируются на фундаменте уже имеющихся к настоящему времени знаний о мире и определяют мировоззрение современного человека, его философию, жизненную позицию и материалистический дух.

Таким образом, к **проблематике** научной фантастики можно отнести: 1) поиски человеком своего места в мире, в обществе; 2) поиски смысла жизни; 3) проблемы экологии; 4) проблема добра и зла; 5) проблема взаимоотношений искусственного интеллекта (компьютер или робот) и человека; 6) проблема угрозы космоса.

Научная фантастика на сегодняшний день занимает значительное место в литературном процессе, общественной жизни, так как помогает оценить наш современный быт, соотнести его с неизбежными изменениями в мире будущего.

публицистика

НА ВОЛНЕ ТВОРЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

26 марта 2014 года исполнилось 43 года со дня провозглашения независимости Республики Бангладеш. Этот день считается там великим национальным праздником – Национальным Днем Независимости.

За годы независимости эта страна достигла больших успехов в самых разных сферах экономической, политической, социальной и культурной жизни, в расширении и укреплении дипломатических и торгово-экономических отношений с другими государствами.

Накануне Национального Дня Независимости Бангладеш в Союзе писателей Узбекистана состоялось встреча с Чрезвычайным и Полномочным Послом Бангладеш в Узбекистане Мосуодом Маннаном, во время которой обсуждались вопросы творческого сотрудничества.

Заместитель главного редактора журнала «Звезда Востока» канд. фил. наук К.И.Панченко взяла у посла интервью.

1. Увлекаетесь ли Вы литературой, пробовали ли писать, что пишете, как давно, где публиковались? Какие проблемы волнуют, какие жанры для Вас предпочтительны?

Я с юности пробовал себя на творческом поприще. Писал рассказы, стихи, неплохо знаю классику. Позже я пристрастился к театру, был и драматургом, и актером. С юности меня волновали такие проблемы, как права человека, поддержание мира, способы решения конфликтов, искоренение бедности, экономические проблемы и проблемы изменения климата.

В настоящее время я – профессиональный дипломат. Но продолжаю писать статьи, книги о путешествиях, иногда – стихи. Мои произведения изданы в США, Германии, Кыргызстане и, конечно, в Бангладеш.

Я поклонник современной английской и бенгальской поэзии.

2. Какова роль искусства, в частности, литературы, по Вашему мнению, в нравственном становлении личности, в установлении культурных контактов?

Спасибо, это серьезный вопрос. На стадии глобализации современное искусство приобретает предельно важное значение в воспитании молодого поколения, построении мостов между культурами разных народов. Литература открывает новые горизонты для людей, стремящихся к духовному росту и обогащению, выступает в роли «гида», знакомя с культурой других народов, особенно важна ее роль в становлении культуры молодых государств. Она помогает понять и оценить культуру, историю других народов, решить многие социальные проблемы, проповедуя и внушая современные и вечные нравственные ценности.

3. Современный литературный Бангладеш на английском и бенгальском языке, вероятно, развивается параллельно? Какова тематика, проблематика, основные литературные направления, имена.

Как вы знаете, современный Бангладеш – страна, активно развивающаяся, уделяющая огромное внимание образованию, решению социальных вопросов, развитию науки и техники. Это находит отражение в художественной литературе.

Литература Бангладеш начинается с времен раннего буддизма. Одним из старейших письменных текстов Бангладеш является «Чаряпада», сборник мистических песен, созданных в X-XI веке до нашей эры.

Особое место в развитии национальной литературы занимает Нобелевский лауреат Рабиндранат Тагор (1861-1941), талантливейший поэт, прозаик, драматург, музыкант, живописец и общественный деятель.

4. Назовите ведущие литературно-художественные журналы Бангладеш, их тираж, журнальные рубрики, отражающие, как правило, запросы времени.

Тираж газет и журналов в разных городах, естественно, разный. В нашей столице Дакке издаются газеты 21 наименования на английском и бенгальском языках. Самая популярная народная газета «Prothom Alo» («Протхом Ало») выходит тиражом более 5,1 млн. Английская газета «Ежедневная Звезда», по имеющимся данным, имеет более 40 000 читателей. Что касается наиболее авторитетных литературных журналов Бангладеш, то необходимо отметить «Аамра», «Балака», «Парабаас», «Бенгальские огни», «Катамаран», «Курвер Дакка», «Джамини» и др.

5. На какие, Восточные или Западные, ценности предпочтительно ориентируются современные творческие люди Бангладеш?

В нашей стране нет коллективной «системы ценностей», нравственных стереотипов, в соответствии с которыми пишут, проповедуют все писатели и поэты Бангладеш. Некоторые учились на Западе, много путешествовали по миру, попали под влияние европейской и североамериканской литературных традиций, другие придерживаются иных идеологических и художественных ориентиров. Они свободны в своих творческих предпочтениях.

6. Зависят ли их предпочтения от языка, на котором создаются произведения?

Согласно мнению многих знаменитых лингвистов, менталитет автора довлеет над языком, и язык, в свою очередь, влияет на менталитет автора. Ученые заявляют, что процесс узнавания реальности основан на особенностях языка носителя данной культуры. Язык и менталитет, культура, индивидуальная и этническая, имеют прямое влияние на характер творчества, авторские предпочтения.

7. Возможно ли литературное сотрудничество Узбекистан-Бангладеш, каковы потребности и перспективы (поэзия, проза, русскоязычная, узбекская литература)?

Да, я верю, что такое сотрудничество не только возможно, но и необходимо. Зарождение отношений между Узбекистаном и Бангладеш относится ко времени династии Бабуридов, которые завоевали Индию 500 лет тому назад. С того времени Бенгалия испытывала влияние Средней Азии.

Большинство населения Бангладеш исповедует ислам и чтит мусульманскую культуру, что также сближает две наши страны. За столетия множество узбекских слов таких, как «махбуба», «дутар», «махалля», «шахар», «пияз», «самса» и др. стали частью словаря бенгальского языка.

8. Кого из классиков узбекской литературы или узбекских писателей-современников знают в Бангладеш?

К сожалению, представителей современной узбекской литературы в Бангладеш знают мало. Но творчество Бабура, Камрона и Шах Жихона у нас хорошо известны: стихи Шах Жихона знает каждый школьник.

9. Во время беседы в Союзе писателей Узбекистана Вы много говорили о Бабуре. Каково сейчас отношение к Бабуру в вашей стране?

Бабур известен не только как основатель Великой империи. Он знаменит как поэт и философ, написавший «Бабурنامه».

Дакка – столица Бангладеш – была основана бабуридами во время царствования Императора Акбара. В Дакке и сейчас есть много памятников архитектуры, сохранившихся со времен Империи Бабуридов. Есть книга на узбекском языке «Андижан-Дакка», в которой также описываются исторические связи, существующие между местом рождения Бабура и нашей столицей Даккой.

Бангладешский народ помнит и уважает Бабура, интересуется и положительно оценивает культурное наследие Центральной Азии.

10. Народный поэт Узбекистана Эркин Вахидов написал поэму о бенгальском поэте Назруле Исламе. Известна ли она в Бангладеш, заинтересованы ли Вы в переводе этой поэмы, публикации ее у себя на родине?

Назрул Ислам – своеобразный символ, воплощающий стремление человека к свободе. В свое время его стихи звали к возвышению человека над убожеством, мелочностью обыденной жизни, он призывал к взаимопониманию и согласию независимо от вероисповеданий, выступал за равноправие людей. Нам было приятно, что узбекского поэта вдохновили жизнь и творчество Назрула Ислама. Мы давно намеревались осуществить перевод поэмы Эркина Вахидова на бенгальский язык, искали хорошего переводчика, которого недавно нашли и надеемся, что скоро издадим первую книгу стихотворений Эркина Вахидова.

Эта поэма еще не известна в Бангладеш, но мы надеемся, что одним из результатов нашего укрепляющегося культурного сотрудничества, будет широкая известность Эркина Вахидова в нашей стране.

Возвращение к читателю

Поэзия Рима Юсупова

Рим Рафаилович Юсупов – поэт, писавший на русском языке, воспитанный в лоне евразийской культуры, но, тем не менее, сохранивший в себе этнические корни и пытливым взгляд в прошлое своих предков, без чего путь в будущее немислим.

Родился Рим Рафаилович Юсупов в 1957 году. До 17 лет проживал в Златоусте (РФ). Много путешествовал по стране, учился (но так и не окончил) в двух институтах: архитектурном (в Ташкенте) и литературном (в Москве). Жил трудно, но насыщенно и интересно. Вся его жизнь была соткана из противоречий, исканий глубинных смыслов окружающего его мира.

Творческое кредо Рима Юсупова – чувство нравственной меры и сверхответственность поэта перед человеком и мирозданием. Ему был органически не присущ инстинкт стадности, хотя он страстно любил общение и новые впечатления. Об этом и многом другом, что переполняло душу поэта, его стихи.

Рим Юсупов писал и прозу. В 80-90-е гг XX столетия Р.Юсупов неоднократно печатался в периодических изданиях и альманахах.

Он трагически погиб весной 2006 года, в возрасте 48 лет, так и не успев при жизни издать свои подготовленные к печати сборники. Посмертно издано 6 книг поэта: «Сердце-Конь», «Вселенная – отечество мое», «Любовь – моя святая», «...Жив язык души...», вместивших около 500 его избранных стихов, и 2 тома прозы.

Поэт Рим Юсупов своей жизнью и творчеством оставил светлую память в сердцах своих почитателей. Стихи его любят и читают на творческих вечерах; на многие из них написаны и исполняются песни, регулярно проводятся творческие встречи, очередная из них была организована 10 декабря 2013 года в 5-летний юбилей ОКМ «Златоуст» и собрала творческую интеллигенцию и почитателей таланта Рима Юсупова: поэтов, музыкантов, певцов.

Фарида ГАРАЕВ

Незабвенною в мире пребудь, красота!

Голубиные очи

Есть цветов имена, как души откровенье,
То – разбитое сердце, а то василек,
То – анютины глазки с девичьим сомнением
Смотрят чисто-пречисто на чей-то порог.

Отчего по-татарски зовут незабудки
«Голубиные очи»? Наверно, и впрямь,
Два народа – два сердца прислушались чутко
К этим еле приметным, заветным цветам.

И увидел один в переливах цветенья
Птичий взгляд и полет над веселой землей,
А другой и в разлуке искал, как спасенья,
Средь болотной травы лепесток голубой.

И названия оба похожи на песни,
То не холод латыни, а судьбы цветка,
В том прозренье великом поэтов безвестных
Остается живую душа языка.

И названий народных не вырвать из сердца,
Вот и снова к родимому дому ведет
По завешанной памятью тропкою детства
Голубиных очей обреченный полет.

Голубиные очи, я вас не забуду!
Вам не скоро в душе у меня отиветать.
Незабудки мои, незабвенное чудо!
Через вас я учусь языки понимать.

Пусть цветут сквозь века эти дивные очи,
Незабвенною в мире пребудь, красота!
Пусть в сердцах наших вечно та бездна клокочет –
Языков глубина и души высота!

Поэт – не злаковое поле,
А самый первый колосок,
Созревший радость и болью
На гребне жизненных невзгод.

Таится сила в нем живая,
Роняет зерна по стерне,
Чтоб небывалым урожаем
Созрели души на земле.

Просто день

Вырастешь из маленькой квартиры,
Вырастешь из мелочных забот,
Вырастешь из маленького мира
До того, как сердце запоет.

И с душой, просторною от счастья,
Вдруг заметишь, как в твоей судьбе
Стали тем прохожие прекрасны,
Что сегодня встретились тебе.

Тем, что ты сегодня их увидел,
В чем-то понял, в чем-то осудил,
И с обидой или без обиды,
Но мудрей от встречи уходил.

И порой, улыбкою отмечен,
Чью-то радость взглядом разделил,
И за все случившиеся встречи
Этот мир сегодня полюбил.

Слепой дождик

Не боясь, что разобьется,
Прославляя синь и высь,
Между взглядами и солнцем
Дождик радугой повис.

Словно радуясь соседству,
По окошкам стал стучать
И, волнуясь, стало сердце
Эти капельки считать.

Только ветер заметался,
Бросив сто дожинок в нас,
Так же, как и начинался,
Дождик в радуге погас.

Я ж искал слова для песен,
Чтобы чудо в них продлить,
А шенок, лохмат и весел,
Стал из лужи небо пить.

Опять уютная погода –
Дождинки быются о висок.
Люблю тебя уже три года,
И жизнь вместилась в этот срок.

Не оттого ли с тротуара
Я все гляжу в твоё окно
И вспоминаю все о старом,
А ты уж замужем давно.

И твой сынишка наблюдает,
Приплюснув носик о стекло,
Как дядя медленно шагает
Сквозь листопады далеко.

Как ловит легкою рукою
Дождинку тихий перезвон.
И твой сынок грустит со мною,
Хотя о чем – не знает он.

Птица счастья

...Птица села над нами тогда,
И под нею, ветвями дрожа,
Осыпала листву иногда
Тополиная, может, душа.

И кружилась моя голова
Вслед листве от улыбки твоей,
Но звучали впустую слова,
Только птицу спугнул я с ветвей.

И себя объяснить не успев,
Понимал – как судьба коротка.
Но качаются ветви дерев,
Хоть и птица уже далека.

Вокзалы

Вокзалы, всхлипы электричек,
Прощанья, встречи круглый год,
И к перемене мест привычный
Веселый, кочевой народ.

Вокзалы схожи меж собою,
А пассажиров схожих нет.
Кто уезжает за мечтою,
А кто глядит мечте вослед.

Здесь две судьбы, как две дороги,
Порой сплетаются в одну.
Вокзалы то одарят многим,
То очень много не вернут.

С уютом вновь меня поссорит
Вагонов длинная коса,
И смотрят, смотрят семафором
Твои зеленые глаза!

С азиатским акцентом в душе
Я на русском грушу и смеюсь.
От влюбленных в тебя хорошей,
Незакатная вечная Русь!

Я с тобой ничего не боюсь,
Мне любые дела по плечу,
Оттого, что, любимая Русь,
Твое небо дарило мечту.

Оттого, что Есениным я
По дорогам страны прошагал,
И с любимой под трель соловья
Я обиды свои растерял.

Твои песни люблю, как свои,
Оттого, что их пела мне мать,
И спасенья от этой любви
Невозможно уже отыскать.

Ночной Ташкент

Ночной Ташкент, ночной Ташкент,
Огнями залитый проспект,
Луну ты спрятал за листву,
А сам – как сказка наяву.

Шумит деревьев сонный хор,
Лениво плещется Анхор,
Прекрасен ты в такой момент,
Ночной Ташкент, ночной Ташкент!

Когда мне хочется мечтать,
Люблю рассвет с тобой встречать,
Люблю по улицам бродить
И грусть с тобою разделить.

Пусть я меняю города,
Но ты в душе моей всегда
Живешь, как самый лучший друг,
Свидетель счастья и разлук...

День весенний, день счастливый,
Торопливый, словно я,
Он от ветра говорливый
И веселый от дождя.

Расплескался он от солнца
По мерцающим листьям,
И по венам сердца бьется,
Как волна по берегам.

Над распахнутой судьбою
Я живой, но сам не свой,
Трепещу перед тобою,
Как стрела под тетивой.

И от яростного солнца
В сердце вбит каленый гвоздь.
Но мой черный иноходец – ночь
Звенит уздечкой звезд.

Обещали торопливо
Мне полцарства за коня,
Но куда быть счастливым
Нету права у меня.

Я тобою, как стрелою, в сердце самое пронзен,
Обрывает узы сердца светлоликая Райхон.

Лепестки цветов роняет и трепещет грустно сад,
И багрово кружит ветер бесконечный листопад.

Будто женщина в разлуке – еще в силе своих чар,
Он в чужую сокровенность беззастенчиво стучал.

А мне снился белый лебедь в полыхающей заре,
Он взлетает на просторе в окровавленном пере.

Тают горы от стенаний, вьется лебедь среди туч,
Он, как светлый день, просторен и, как музыка, могуч.

В западне вечерней зорьки лебединый бьется день,
И лежит в горах востока от ночи густая тень.

Ты же спишь, и безмятежно сон приходит в твой покой:
Пали лебеди с крылами, опаленными зарей.

проза

РЕВНИТЕЛЬ СОВЕРШЕНСТВА

Рассказ

«В этом мире мне в беде лишь один собрат – беда», «Загнанная газель», «О, кравчий, много ль мук, чьей пытки я не знал, осталось?»... Кто помнит автора этих песен, созданных лет шестьдесят тому назад, когда я был молод, которые до сих пор напевают вся Бухара? А это был замечательный музыкант, певец и поэт. Настолько замечательный, что его недоброжелатели и просто завистники нашептывали в ушах, что струнами его танбура водит шайтан, и он же вселяется в него, когда хафиз¹ настолько проникновенно поет свои песни, что все забывают, что перед ними один из самых вздорных и скандальных людей Бухары. Аллах свидетель – это сухая правда. В пении Хусейна было нечто неземное, и он покорял слушателей даже против их воли. И тогда мне, его ревностному почитателю, казалось, что за его прекрасными мелодиями и песнями проглядывает ужасный облик искусителя. Да простит мне Аллах подобные мысли, но в свете, излучаемом хафизом, и в его власти над слушателями было нечто, что, несомненно, имеет греховное начало. Почему они не просветляли душу, а будили сомнения? Размышляя иногда о трагической судьбе Хусейна, я видел в ней предопределение. Пожалуй, Аллах решил смиростивиться, простил ему грехи, и он в последний миг ценой своих неимоверных страданий вырвался из рук Иблиса²...

Хафиз Хусейн был человеком со странностями. Да и выглядел он неприглядно: горбоносый, с большим выступающим кадыком и жидкой бородкой. Казалось, что из-за поврежденного века, его слезившийся левый глаз вот-вот выкатится из глазницы.

Ходил он насупившись, вечно был чем-то озабочен, едва отвечал на приветствия. Недруги Хусейна пустили слух, что он в молодости разбойничал на большой дороге, и что в окрестностях Арсланбаба, откуда он родом, есть пещера, где его шайка прятала добычу. Мол, старожилы тех мест до сих пор с содроганием вспоминают его жестокие расправы над врагами. Что глаз он повредил во время одного из набегов. А как Хусейн владеет оружием! И, главное, нашептывали недруги, осторожно озираясь при этом по сторонам, разве может Равшанбек – сын хафиза, один из храбрейших воинов эмира – быть отпрыском простого дехканина или яллачи³? Нет, конечно! Воинские доблести передаются только из поколения в поколение, особенно от предков разбойников. Однако говорить об этом громко враги Хусейна не решались. Они страшились Равшанбека. Сей благородный и суровый воин был любимцем эмира. Никто не сомневался, что со временем он достигнет самых высоких постов в государстве.

Когда Равшанбек отличился в войне с кочевниками, повели-

**Абдулхамид
АБДУВАЛИЕВ**

Родился в 1944 г. Окончил Московский Инженерно-физический Институт (МИФИ). В настоящее время доцент Каршинского инженерно-экономического института. Автор более 40 научных и методических работ, сборников рассказов «Канатаходцы», «Долго и счастливо», повести «Праздники Янгибая».

¹ Хафиз – почтительное обращение к певцу.

² Иблис – дьявол.

³ Яллачи – пренебрежительное обращение к певцу.

тель назначил его одним из своих военачальников. Столь быстрое и блестящее возвышение Равшанбека умножило ряды его врагов и завистников и, думаю, это они старались опорочить Хусейна, чтобы через него бросить тень на его сына.

Не только я думал, что в искусстве Хусейна чувствовалось дыхание бездны. Ощущение усиливалось, когда узнавали, как он сочинил свои самые известные песни и мелодии. Скорбную «Твой стан подобен кипарису» хафиз сложил после смерти своей горячо любимой жены. Говорили, что он стал напевать мелодию, из которой потом родилась песня, в разгар оплакивания. И другие свои песни хафиз создавал не в тиши и неге сада, а там, где смерть или беда наносили свои роковые удары.

Бывало, что он, не дождавшись конца траурной церемонии, внезапно вскакивал и уносился прочь. Если мелодия зародилась в нем, Хусейн мог пойти на базар или в мечеть, где просили подаяния нищие и убогие, садился напротив самого жалкого и несчастного из них и надолго вливался в него взглядом. Если же Хусейн создавал веселые песни, он не брезговал компанией пьяных гуляк или грязных бродяг. Он шлялся тогда по караван-сараям, по подозрительным притонам, напивался там шаробу¹, пулся в буйные пляски и не миновать бы ему сорока палок, не будь Равшанбека. Но потом, когда он пел на праздниках, мало кто мог усидеть на месте и не пуститься в пляс! Может быть, в его отказе сложить оду в честь могущественного визиря эмира не было дерзости, когда он заявил, что не в силах сочинить ничего путного, не почувствовав того, что должен создать. Но он также отказал верховному казию, князю ночи Бухары Ниязбеку-рыжему, надерзил имаму медресе Мир-Араб ходже Турсуну, когда тот ласково посоветовал сложить для каландаров² песню о житии святого Султана!

Хусейн поступал очень опрометчиво, отказывая столь влиятельным людям. Прожив более восьмидесяти лет, я остаюсь при убеждении – чем ниже склоняешь голову перед сильными мира сего, тем благополучнее твоя жизнь.

Что стоит потратить чьей-то прихоти? Пусть посвященная ему песня или стих будет слабой, намного слабее того, что ты создаешь в минуты вдохновения. Пусть! Ты сложи оду, вручи ее сановнику и забудь про нее. А быть высокомерным с могущественными особами... В конце-концов, это высокомерие, которое прямо-таки капало с носа Хусейна, погубило не только его, но и Равшанбека.

Эмир благословенной Бухары был покровителем искусств и ремесел, прославился своей мудростью и справедливостью не только в государстве, но и далеко за его пределами. Он был святым – молва гласила, что сам ходжа Хызр его покровитель и наставник. До сих пор придворные мудрецы с умилением рассказывают о доброте и щедрости эмира. А историй о его благородстве превеликое множество. Хотя бы случай с охапкой сена. Путешествуя из Бухары в Термез, повелитель остановился по пути в Бешкенте. Рано утром, после омовения и намаза, он из балахан³ увидел, как один из постояльцев караван-сарая, воровато оглянувшись по сторонам, украл из соседнего стойла охапку сена для своего коня. В тот же день подлый вор был вздернут на виселице. А история с черными кошмами? Чиракчинцы, угнетаемые своим правителем, направили к эмиру посланцев, одев их в черные кошмы. Повелитель ласково принял депутацию в летнем дворце в Кермане, расспросил об их житье-бытье, каждому из них подарил богатую одежду и повелел затем показать им столицу. А в Бухаре они и сгинули...

Народ верил, что не только прикосновение эмира, но даже его одежды или вещи, принадлежавшие ему, облегчают страдания, а порой и исцеляют. Каждую субботу, возвращаясь с охоты, повелитель гнал коня во весь опор до самого Арка⁴. За ним мчалась его свита. Некоторые горемыки бросались под его белого арабского скакуна и верили, что обретут благодать на том свете и перед последним вздохом сотворили молитву и славили Аллаха за то, что им выпало невиданное счастье – оказаться под копытами коня его величества.

Много еще можно рассказывать историй об этом необыкновенном человеке, и все они будут назиданием потомкам. И одна из историй о том, как родилась песня Хусейна «Всколыхнулись ли чувства твои?».

Все удивились, когда во главе войска, снаряженного против хорезмшаха, был поставлен Равшанбек. Хотя он был мужественным и искусным воином, ему не доводилось еще руководить военной кампанией. Правда, повелитель назначил (злые языки нашептывали «приставил») одного из своих старых и испытанных военачальников советником Равшанбека. Когда поход начался, оказалось, что он плохо подготовлен – отборные части армии

¹ Шароб – алкогольный напиток.

² Каландар – дервиш.

³ Балахана – балкон

⁴ Арк – резиденция Эмира Бухарского.

и кавалерия остались в Бухаре; обоз и провиант были скудными, численность войска Равшанбека была незначительной. Люди сведущие решили, что поход Равшанбека – великая хитрость повелителя. По-видимому, Равшанбек должен был усыпить бдительность хорезмшаха, чтобы отборная армия, тайно выступив через несколько недель, нанесла неожиданный и решительный удар по врагу. Однако генералы гарцевали у всех на виду, устраивали смотры и парады войск, а повелитель удалился в один из загородных дворцов и проводил дни в окружении поэтов и музыкантов. Оставалось лишь догадываться о намерениях повелителя и его мудрых советников и уповать на милость Аллаха к отважному Равшанбеку.

Через неделю после выступления войска Бухару облетела неожиданная весть, что из своего поместья исчезла жена Равшанбека Зульфия-бегим. Бегим была женщиной удивительной красоты и похвальной добродетели, так что и речи не могло быть о том, чтобы она тайно ушла из дому, не известив никого из близких. Об исчезновении Зульфий-бегим на следующий же день доложили повелителю. Его величество распорядился немедленно начать поиски пропавшей. Гадальщики, к которым обратились родные бегим, в один голос утверждали, что она жива, но бормотали себе под нос, когда их спрашивали, где же ее искать. Бегим нашлась так же неожиданно, как и исчезла. Через три дня ее, бесчувственную и завернутую в шаль из тонкого китайского шелка, оставили у ворот поместья. Несколько дней она пролежала без памяти. Придя в себя, Зульфия-бегим бродила по дому в глубокой печали, не отвечала на расспросы, не проронила их слова и на исходе недели наложила на себя руки. Похороны были необыкновенно пышными. Сам повелитель и его высшие сановники выразили Хусейну свои соболезнования. После похорон кто-то пустил слух, что бегим была любовницей кривого Шухрата и в дни, когда ее искали по всей Бухаре, миловалась с ним. Покончила же она с собой, обнаружив, что заразилась дурной болезнью от любовника и не могла более скрывать своей связи с ним. Повелитель, узнав об этом, немедленно велел казнить кривого Шухрата и насадить его голову на шест у городских ворот.

Прошло еще несколько дней, и в Бухаре стал упорно распространяться слух о том, что в дни, когда бегим искали по всему городу и его окрестностям, ее видели в серале повелителя. Слух этот породил массу домыслов. Что в спешно организованном походе не было особой нужды. Истинной целью похода было удаление Равшанбека из столицы – его послали на верную гибель. Будто повелитель через кумушек не раз слал Зульфий-бегим послания с изъявлением к ней самых горячих чувств, и когда она отвергла его многократные домогательства, услаб супруга бегим в поход, похитил ее и овладел ею силой. Вот до чего может довести страсть даже столь мудрого и справедливого человека...

Я не верил в эти сплетни. В Бухаре и сейчас ежедневно рождаются и распространяются самые невероятные слухи, большинство из которых обычная ложь. Люди, близкие ко двору, в один голос утверждали, что слухи о похищении повелителем бегим исходят от лазутчиков хорезмшаха. Враг только и мечтает о том, чтоб посеять в народе недовольство эмиром. Наверное, повелитель не на шутку был встревожен этими слухами и послал к Равшанбеку визиря левой руки с соболезнованиями и уверением в великой любви к нему. Тут же пронесся слух, что визирь наделен полномочиями арестовать и казнить Равшанбека, если он, поверив в наветы, будет склонен к бунту.

Оказалось, что опасения повелителя небеспочвенны: голуби хорезмшаха с гнусной клеветой на эмира долетели до Равшанбека раньше, чем приехал визирь. Но первое, что увидел визирь, подъезжая к стану войска, – отрубленные и насаженные на шести головы лазутчиков врага. Равшанбек держался достойно. Он ничем не выразил скорби по поводу самоубийства любимой жены и тяжкого позора, легшего на его голову. В последовавшей вскоре битве он сражался с отчаянной храбростью. Он налетал на врага, как ураган, рубил направо и налево. Казалось это не человек, а ангел смерти Азраил или же легендарный Рустам на поле боя. Наши воины, имея перед собой пример столь высокой отваги, как львы, накинудили на войско противника, и через несколько часов хорезмийцы, разбитые наголову, бросив на поле боя павших и раненых, бежали за Джайхун.

Я помню праздник, на котором Хусейн впервые спел: «О, кравчий, в мире много мук...» Повелитель остался доволен его пением и сказал хафизу, что эта песня совершенна. Хусейн в ответ поклонился его величеству и посмел ему возразить. Он сказал, что стремился к совершенству всю жизнь. В юности он был самонадеян и верил, что стоит ему сделать усилие-другое и он достигнет сияющих вершин совершенства. Теперь смешно вспоминать, как он был легкомыслен. Молодость, молодость... Предполагаемые несколько шагов растянулись на всю его жизнь, и он сейчас дальше от намеченной цели, чем в юности. Повелитель похвалил хафиза за скромность и спросил, может ли он сочинить песню, лучше которой до сих пор не было. Хусейн немного подумал и ответил,

что много было в прошлом великих музыкантов, и сейчас есть прекрасные певцы и мелодисты, и мысль, что он может их превзойти, кажется ему дерзкой, более того – греховной. Но если повелителю будет угодно... Он может попытаться сочинить хорошую песню.

– Не хорошую, а совершенную, – поправил эмир.

Хафиз склонился в поклоне.

– Мы повелеваем, – молвил эмир. – Мы слышали твою газель «Всколыхнулись ли чувства твои?» Напиши на нее песню и пусть она будет несравненной.

Не будь это повелитель, я бы сказал, что вешает Иблис, ибо задача, которую его величество поставил перед Хусейном, непосильна. Но в то же время, что может быть большим искушением для творца, чем покуситься на недостижимое? И чем только творец не жертвует ради достижения цели? Взойти на вершину, которую еще никто не покорил! Чья гордыня устоит перед этим соблазном? Однако, достигнув вершины, как жить потом, когда последующие песни будут пусть и не намного, но хуже? Наверное, в тот день судьба хафиза была предопределена. Думаю, он понял, что ему придется теперь пожертвовать многим. Но знал ли он, что ему придется пожертвовать всем, что было ему дорого?

Никогда Хусейн не работал так усердно. Казалось, что он и спит с танбуром. Он перебирал одну мелодию за другой, от медленных ритмов переходил к быстрым, в отчаянии даже решил переложить на музыку стихи хазрата Навои, но вспомнил о наказе повелителя и вернулся к своим стихам. Те, кто слышал эти напевы, находили их замечательными, но хафиз был недоволен. И однажды изумилась все Бухара: Хусейн покорно обратился за помощью к кому бы вы думали? – к Арслону-певцу, хотя тот был известен лишь узкому кругу друзей и знакомых как неплохой мелодист.

Надо удивляться прозорливости Хусейна, разглядевшего в Арслонбеке будущего известного певца. В тот достопамятный день Арслонбек принимал друзей и не поверил своим глазам, когда увидел, что в его дом входит знаменитый Хусейн, которого он боготворил, и ушам своим не поверил, когда хафиз попросил послушать несколько его новых песен и высказать свое мнение о них. Хусейн начал петь. Не докончив песни, он ее оборвал. Его разум, наверное, помутившийся от чрезмерного напряжения последних недель, по-видимому, просветлел, и он понял всю нелепость своего поведения. Иначе, почему он неприязненно посмотрел на Арслонбека, поднялся, собрался зачехлить танбур, но после некоторого размышления в напряженной тишине удивленно огляделся вокруг, будто видел всех впервые, сел снова и, смирив свою гордыню, продолжил пение. Когда он спел последнюю песню, надо было видеть восхищение слушателей – они в порыве вскочили на ноги, горячо зааплодировали, закричали: «Офарин, устоз!» Хафиз взглянул на Арслонбека. Молодой певец низко поклонился Хусейну и сказал, что мечтает когда-нибудь спеть как он. Но вряд ли ему достичь совершенства устоза. Благородный Арслонбек сказал, что все три песни превосходны. Две из них... прекрасны, но не более того. Устоз создавал и более замечательные напевы. Однако в третьей песне улавливается удивительная по красоте мелодия.

– Она будет совершенной, – сказал Арслонбек, низко склонив голову. – И я буду вспоминать об этом дне, когда вы ее впервые спели у меня дома, как о счастливейшем в моей жизни.

Хусейн не проронил ни слова.

В последующие дни хафиз бродил по городу, не замечая знакомых и не отвечая на приветствия. Мелодия бродила в нем. Он, как и прежде, не брезговал сидеть в чайханах с простолудинами, заслушивался песнями уличных певцов и каландаров, на поминках знакомых и близких молча лил горькие слезы, словно догадывался о будущей своей великой печали. Мелодия бродила в нем и не могла родиться. Чего-то хафизу не хватало. Последнего усилия или чего-то еще, что присуще божественной природе творчества и способно затронуть в творце сокровенные струны. Мой учитель Усто Джавлани, мир праху его, как-то сказал, что каждый раз, создавая нечто значительное, творец переходит как бы из суетного мира, где его душа не приспособлена и ранима, в другой мир, где он повелитель горных вершин. И только там струны его души настраиваются на божественную музыку. А пока хафиз весь извелся, как беременная женщина, которая не может родить. На него было страшно смотреть.

Когда Равшанбек со своими воинами, которых считали необученным и небоеспособным сбродом, одолел гвардию хarezмшаха, его встретили в Бухаре как настоящего героя. Повелитель обласкал и щедро наградил его. Те же, кто имел зоркие глаза, заметили озбоченность повелителя. После торжеств и двухдневного пира, на котором Равшанбек и маковой росинки в рот не взял, он удалился к себе в поместье. Через неделю по городу поползли слухи, что Равшанбек после захода солнца принимает у себя подозрительных

людей. Ниязбек-рыжий будто установил слежку за домом Равшанбека, один из таких почитателей был схвачен и под пытками, якобы, признался, что является лазутчиком хормешаха, и пытался склонить Равшанбека к заговору против повелителя. Еще он будто бы сказал, что Равшанбек знает, кто на самом деле погубил Зульфию-бегим и поклялся на Коране, что отомстит за нее. «Князь ночи» тут же доложил его величеству об этом. Никто на месте эмира не стал бы рисковать и медлить. Равшанбека, любимого войском и народом, могли использовать в своих корыстных целях враги, натравив его на повелителя и державу. Поэтому его пригласили во дворец, схватили и, заковав в кандалы, тайно бросили в зиндан¹. На следующий день при дворе объявили, что Равшанбек спешно послан во главе посольства в Тегеран.

На той же неделе Хусейна пригласили во дворец, и повелитель спросил, закончил ли он обещанную песню. Это была неслыханная честь, оказанная хафизу его величеством, занятым важными и неотложными делами. Но все, в том числе и сам Хусейн, понимали, что повелитель неспроста вызвал его. Хафиз был встревожен. Десятки догадок, по-видимому, терзали его, и было непривычно видеть, как такой смелый и решительный человек согнулся в глубоком поклоне и отвечает едва слышным голосом, что заказанная песня еще не завершена.

– Почему? – спросил великий визирь.

– Я сочинил четыре новые песни, довольно-таки благозвучные, но они еще далеки от совершенства и не достойны слуха повелителя, – ответил Хусейн.

– Почему они недостойны слуха повелителя? – спросил великий визирь.

– В них не хватает огня чувств и соразмерности, – ответил Хусейн визирю и обратился к повелителю:

– Когда ваше величество повелели мне сочинить совершенную песню, я возликовал и, не сумев укротить свою гордыню, стремился создать нечто необыкновенное. Сейчас я, пожалуй, близок к цели. Мелодия звучит во мне, но не хватает последнего самого трудного усилия, чтобы закончить работу.

Хусейн опустил голову. Великий визирь спросил:

– Что тебе нужно, певец? Может дать тебе золота?

– На золото вдохновения не купишь, – ответил Хусейн.

– Так чем же тебе помочь? – продолжал спрашивать визирь. Хусейн немного подумал и, все еще не веря, что песня – истинная причина его вызова во дворец, осторожно, выбирая слова, ответил:

– Я не могу сочинить того, чего не слышал и не прочувствовал. «Плач о матери» я написал, потеряв мать, «В этом мире мне в беде» была написана, когда умер мой дорогой друг Мустафакул, «Твой стан подобен кипарису» написана в память о моей покойной жене. И это лучшее, что я сочинил. Чтобы «Всколыхнулись ли чувства твои...» превосходила их в благозвучии и соразмерности, я должен испытать ни с чем несравнимую радость или горе....

Но сказано в Коране: «Возгордившиеся блуждали по земле и распространяли нечестие».

– Значит, ты не исполнишь волю повелителя? – спросил сурово визирь.

– Я этого не говорил, – ответил поспешно Хусейн. – Я хотел лишь сказать, что цена совершенству велика.

И тут к Хусейну обратился повелитель:

– Скажи, певец, какую бы цену ты заплатил, чтобы достичь совершенства?

Лицо повелителя было тяжелое, непроснувшееся, голос безжизненный. Редко кто сохранял самообладание, когда эмир бывал в таком состоянии. Неудивительно, что Хусейн разволновался и ответил невпопад:

– Не спрашивайте меня, ваше величество, о вещах, которые могут свергнуть меня в печаль и заботу, если я дерзну сказать о них.

Визирь наклонился к повелителю и что-то зашептал ему в ухо. Его величество кивнул визирю и повторил свой вопрос:

– Но все же, какую цену? Ведь совершенство, как и добро, подобно прекрасному дереву, корни которого уходят глубоко в землю, а ветви неба касаются.

Хусейн покрылся потом, чувствовалось, что он устал от невероятного напряжения.

– Иногда я думаю, что ради достижения этой цели отдал бы жизнь, – ответил он.

Визирь снова что-то шепнул повелителю. Его величество усмехнулся и спросил Хусейна:

– Я не ослышался? Тебе не жалко человеческой жизни, чтобы сочинить песню?

– Нет, не жалко, – ответил Хусейн. – Правда, потом я боюсь этой мысли. Нельзя ведь добиться желаемого и не прогневить Аллаха.

¹ Зиндан – тюремная яма.

— Совершенство угодно Аллаху, и горе тому, кто не добивается его милости, — молвил повелитель. — Мы хотим, чтобы ты закончил песню. Если тебе трудно заплатить требуемую цену, мы тебе поможем.

Хусейн побледнел. Лицо повелителя было по-прежнему непроницаемо: ни гнева, ни милости.

— Мы тебя хорошо поняли хафиз, — продолжал повелитель. — Твоя самоотверженность похвальна. Ты должен написать для нас совершенную песню. А цена пусть тебя не печалит, ибо сказано: «Если отцы ваши, сыновья ваши, братья ваши милее всевышнего и его борьбы, не ждите милости божьей».

Произнося это, повелитель не повысил голоса, не сердился, не улыбался. Слова медленно, толчками выливались из него, как тягучий поток. Голос его не был зловещим, но многие невольно содрогнулись. Хусейн, побледнев еще сильнее, испуганно взглянул на повелителя, но, встретив безжизненный тусклый взгляд, едва слышным срывающимся голосом произнес:

— Все в милости божьей, — и согнулся в глубоком поклоне.

Я опасался, что одной-двух неосторожных фраз Хусейна будет достаточно, чтобы приписать ему злостное намерение, о котором он и не помышлял. На меня дохнуло мрачным предчувствием, и я подумал, что участь хафиза предрешена. Я ошибся лишь ненамного.

Город был потрясен, когда через два дня глашатаи объявили народу, что Равшанбек оказался изменником и казнен. Два дня затем лил дождь, и люди шептались, что природа скорбит о смерти этого доблестного воина. Хусейн почти обезумел от горя. Всем было жаль старика. По закону полагалось, чтобы и он понес наказание за измену своего сына, но ни один нукер не постучался в ворота его дома. Тело Равшанбека не было выброшено на свалку на съедение шакалам — обычная участь казненных — а отдано Хусейну, чтобы он предал его земле, выполнив все предписанные обряды. Казалось, Хусейну не вынести этого жестокого удара. Каково же было возмущение правоверных, когда, спустя неделю, стало известно, что хафиз не оставил намерения закончить песню и вместо того, чтобы читать заупокойные молитвы, играет на танбуре с утра до поздней ночи. От расправы Хусейна спасла только охрана, поставленная возле его дома по распоряжению повелителя. Еще через два дня стало известно, что в среду в большом зале дворца Хусейн исполнит законченные им песни.

До «Всколыхнулись ли чувства твои», Хусейн решил спеть две другие песни; по его замыслу, они должны были оттенить ее совершенство... Когда Хусейн прибыл во дворец, все убедились, что он в здравом уме, а не тронулся от горя, как поговаривали многие. Он начал наигрывать мелодию первой песни. Мне показалось, что звуки, извлекаемые из инструмента, неблагозвучны; а сам хафиз, тшедушный и согбенный, постаревший со дня казни Равшанбека лет на двадцать, так что ему можно было дать за восемьдесят, просто нелеп. Мелодия звучала в гробовой тишине. Хусейн всех возмущал. Как можно было питать добрые чувства к человеку, у которого вместо сердца камень? Лишь повелитель был непроницаем.

После смерти Равшенбека пошли разные слухи о причине казни. Высшие сановники и приближенные повелителя утверждали, что у его величества и в мыслях не было казнить своего военачальника, хотя тот и изменил державе. Эмир колебался между решением заточить Равшенбека в зиндан или послать в ссылку в один из отдаленных и неспокойных вилайетов. Но, когда Хусейн, якобы, попросил казнить сына, чтобы закончить свою песню, повелитель, ослепленный гневом, решил наказать возгордившегося и бездушного певца, о чем теперь сожалеет. Но город не верил этому. Город не верил и в измену покойного. Все сходились во мнении, что эмир решил казнить Равшанбека, опасаясь его мести, а беседа с Хусейном была истолкована превратно.

Хусейн начал петь. Голос его звучал тихо и невыразительно, словно после тяжелой болезни. Я подумал, что не надо было хафизу брать в руки инструмент. Хотя бы из уважения к памяти сына он должен был подождать конца траура. А сейчас своим исполнением он мог погубить даже превосходную песню. Что же, если он провалится, так ему и надо, подумал я, и тут же устыдился своего злорадства. Ведь я осуждал человека, не дорожившего своей свободой и часто говорившего то, что он думает, никому не льстившего, не скрывающего того, чего он не знал, не гнувшего спину перед сановниками и любимчиками повелителя. Я ведь неоднократно обращался к нему за советом или помощью, и он никогда не отвечал мне отказом. Мне стало стыдно и, чтобы загладить мою вину перед хафизом, я весь обратился в слух, стараясь не пропустить ни одного звука.

Хафиз запел чуть громче и, как поникшее по снегу дерево выпрямляется под лучами солнца, он начал распрямлять свой стан. Было видно, однако, что это стоит ему немалых

усилий. Вторая песня была сработана превосходно, так превосходно, что, несмотря на мое все еще продолжающееся внутреннее сопротивление искусству хафиза, проникла в мою душу. Мною овладело сильное волнение. В груди стало как-то сладостно и томительно. Я украдкой осмотрелся и увидел, что холодные лица придворных начали оттаивать.

Песня звучала все громче. Когда хафиз ее закончил, все были в плену его голоса и музыки. Перед следующей песней он сделал небольшую паузу. Выпил пиалу чая, вытер платком лицо, настроил еще раз инструмент. В зале нарастало напряжение. Некоторые недоумевали – неужто можно создать песню лучшую, чем только что исполнена? Хафиз уже растопил холод и отчуждение, царившие в зале.

И вот Хусейн начал «Всколыхнулись ли чувства твои?»... С первых же аккордов стало ясно, что хафиз создал нечто уникальное. Его чуть хрипловатый голос заполнял собой зал. Инструмент в его руках, казалось, исторгал из себя муку. Печаль и отчаяние, лишь намеченные в первой песне, проступавшие во второй, заполнили собой третью. Теперь казалось, что хафиз не поет, а рыдает. Песня была плачем, и ее страдания не мог бы вместить дворец. Поистине хафиз был прав, – такую песню невозможно сочинить, не испытав настоящего горя. Но если хафиз пережил такое горе, то как он может еще жить, подумал я. Такое горе невозможно перенести. Такое горе убьет кого угодно.

Я вдруг с удивлением обнаружил, что по моим щекам текут слезы. Оглядевшись, я увидел, что многие украдкой, словно стыдясь своих чувств, вытирают платками глаза. Лишь повелитель был непроницаем. Песня хафиза набирала силу. Голос его будто отделился от певца и парил не только в зале, но и над городом. Казалось, он достигает небес. Никогда не забуду, как все застыли в изумлении, словно околдованные, когда хафиз умолк и опустил танбур. А потом почти все взорвались приветственными криками: «Бали! Офарин!»

Но вот повелитель встrepенулся, будто скинул с себя оцепенение, и окинул зал тяжелым взглядом. Все тотчас же умолкло и съехились. Прошло некоторое время, а повелитель продолжал смотреть на испуганных придворных. Казалось, под его взглядом застыл весь дворец. Такая подавляющая сила была во взгляде повелителя. Наконец, он откинулся на спинку трона и вялым голосом произнес: «Хвалю!»

Собравшиеся в зале снова наперебой стали восхищаться песней, но теперь они делали это как бы по долгу службы. Великий визирь что-то шепнул эмиру. Повелитель сделал знак слуге. Он скрылся за дверью и вынес оттуда расшитый золотом халат. Эмир подошел к Хусейну и сам накинул ему на плечи награду. Но хафиз в ответ не поклонился и не выразил его величеству благодарности за столь высокую награду. На его донельзя уставшем лице не было ни кровинки. Казалось, ему все равно, как повелитель оценивает его творчество.

Через день под вечер в пятницу он скончался.

Никто не мог спеть «Всколыхнулись ли чувства твои?» как Хусейн, хотя многие и пытались. А его стихов не осталось. Говорят, он сжег их. Жаль. Среди них было несколько превосходных. Я тоже писал когда-то стихи. Писали стихи мои друзья и знакомые. Но каждый из нас крутился вокруг удачного образа и не всегда мог ухватить его, хотя долго корпел над ним. Вот мы и писали стихи о любви в тридцать строк, которые, как ни печально, забывались, едва их прочитаешь. А к Хусейну слова слетались как птицы. Он восхвалял любимую в стихах лишь в восемь строк, и они западали в сердце. Аллах свидетель, что те, кто владеет таким даром складывать стихи и напевы, как Хусейн, могут не беспокоиться о том, что пропустили что-то в этом бренном мире. Как-то однажды я почтительно приблизился к хафизу и сказал ему об этом. Он ответил мне:

– Не говори так, ведь напевы и стихи – лишь одна из сетей этого бренного мира.

Литературоведение и литературная критика

**Александр
МАХНЕВ**

Родился в 1964 г. Пишет с начала 90-х годов. Публиковался в литературных журналах и сборниках Узбекистана, Украины, Греции, России, Германии, Израиля. Автор более трехсот миниатюр, двадцати рассказов.

Безналичная литература

Проблема взаимодействия и отчасти противостояния современных электронных информационных носителей и традиционных бумажных обсуждается давно и часто. Вряд ли это можно назвать проблемой в смысле «противоречивой ситуации, выступающей в виде противоположных позиций», но определенный «конфликт интересов» все же имеет место быть.

Обозначим некую систему координат, с целью сориентироваться на осваиваемой местности.

Мы будем говорить преимущественно о литературе художественной. Потому никаких вопросов относительно технической или учебной литературы в аспекте наилучшего для такой литературы носителя – нет. Огромный объем информации, который необходимо (а всегда ли необходимо, тут отдельный вопрос?) освоить современному человеку, безусловно, требует самых «продвинутых» средств ее доставки потребителю.

«Литература вообще», в широком смысле слова, – совокупность любых письменных текстов. То есть некая документированная информация, нечто основанное на двуединстве информации и материального носителя. В результате документирования происходит как бы материализация или овеществление сведений. Информация «закрепляется» на материальном носителе или даже «привязывается» к нему и тем самым несколько обособляется (что в нашем контексте важно!) от создателя информации.

В итоге мы получаем в качестве документированной информации книгу, статью в журнале, фонд документов, банк данных на бумажных, машиночитаемых или неких прочих носителях.

И если машиночитаемый носитель в отношении, условно говоря, «технических» текстов не вызывает особых вопросов, то с текстами литературно-художественными не все так просто.

Моим современникам, как все же хочется надеяться, «посчастливилось» жить в эпоху грандиозного технологического прорыва человечества. С точки зрения человека «бытового» это, наверное, весьма любопытно. Но вот с точки зрения человека «творческого» чрезвычайно проблемно, и мы имеем уникальную возможность наблюдать очередную трансформацию человеческой цивилизации.

«Современный человек» философами прошлых столетий определен как человек новоевропейский, возникший на рубежах европейского средневековья и Нового времени. В последние же десятилетия XX века на арену истории выходит человек постсовременный. И тут возникают вопросы о том, имеют ли понятия «современный человек» и «постсовременный человек» особые, отчасти разнящиеся, метафизические смыслы, или определения эти ограничиваются простейшими социальными и культурными обстоятельствами? Присуща ли «постсовременному человеку» иная метафизическая сущность, а следовательно, иная истина бытия, нежели человеку прошлых эпох?

Тема широкая, ограничимся одним – единственным аспектом – литературным.

Поговорим о том, изменяется ли психология потребителя – читателя художественной литературы – с появлением современных информационных носителей – компьютеров, планшетников, читалок. Влияет ли на восприятие читателем литературного произведения собственно носитель информации.

На простом, бытовом уровне аргументы выглядят элементарно:

Читатель традиционалист, поборник «бумажной» литературы, нажимает на эмоции: вес в руке, ощущение фактуры бумаги, шелест страниц, запах книги – все это делает ее неповторимой для квалифицированных читателей.

Чтение книги – эстетическое действо, в пику чтению с монитора – технологическому процессу, т.к. машинерия убивает некоторую часть эмоциональной составляющей восприятия текста.

Вообще основной козырь «традиционалистов» – «энергетика». Та самая метафизика, к которой мы еще вернемся.

Вариации самые разнообразные, от весьма эротических: «у меня от бумажений литературный оргазм; шелест, запах свеженапечатанной книги – это круто; а особенно, когда покупаешь ее еще в целлофановой девственной пленке и приносишь домой, срываешь с нее целлофан и читаешь ее, читаешь в кровати, на кухне, в ванной, на диване» – до более спокойных: «некоторые книги хочется читать повдумчивее, помедленнее, поуглубленнее – тогда бумажный вариант предпочтительней. А с какими-то достаточно беголого знакомства, и все понятно – на книгу не стоит разоряться».

Оппоненты иронически возражают: что это такое – ваша энергетика?

Аргумент чисто физиологический, пожалуй, самый слабый в арсенале «бумажников»: «глаза болят после компа, смартфона, планшета»; «если есть выбор, буду читать печатный вариант, и не потому, что запах страниц, ностальгия и т.д., а просто, когда читаешь не со светящегося экрана, глаза устают гораздо меньше».

С глазами-то, я думаю, инженеры разберутся. И характерное шуршание страниц уже есть: можно вмонтировать распылитель и подавать оттуда несколько «книжной пыли, однако ветчина прокопченная настоящим дымком, как-то смачнее, чем очень похожая на нее, обработанная синтетической субстанцией под названием «жидкий дым»).

Важна также аргументация культурологическая.

Бумажные книги хороши как остановка, в которой растут дети. Для «нового» челочка тактильность литературы не есть пустое место. Ощупь, цвет это то, благодаря чему формируется личность.

Опять же предел доступности, он ведь тоже не безусловный минус, он как раз заставляет тщательнее выбирать, а «беспредел» вываливает на наши мозги кучу всякой ненужности, что мы и наблюдаем особенно ярко в среде энтузиастов инета – эдакий сумасшедший винегрет из огромного количества ахинеи и небольшого чего-то реально дельного. Хотя сколько-нибудь отсортировать одно от другого едва ли может каждый десятый.

«Продвинутые» пользователи упирают на большую доступность электронных текстов. А оно надо непременно прочитать все (это конечно не касается литературы в рамках профессиональных интересов)? Но способность отфильтровать необходимое от необязательного это ведь тоже есть качество образования. То самое качество, которое «читалки» совершенно нивелируют.

Понятно, что шелест страниц, это всего лишь образ. Образ, призванный иллюстрировать экспансивную составляющую процесса чтения. Чтение книжки – это ведь не только поглощение текста, это и все вышеперечисленное, и кое-что еще. Электронный носитель – нечто холодное, принадлежащее преимущественно разуму и предельно мало соприкасающееся с душой. Их и глоташь – эти электронные версии – на раз, запомним. А читать запомним прилично в совсем молодом возрасте, когда это все накапливается. Дальше надо бы вдумчивей, выборочней, неторопливей. Выписывая и делая пометки на полях. Известно ведь – переписанное от руки гораздо лучше усваивается, чем выделенное и перенесенное. Просто потому, что ты в процессе написания утруждаешь себя.

Это, по-моему, совсем неправильный вектор развития актуальных технологий: упрощение и без того не слишком-то сложного.

Вот никак не могут придумать полностью автоматическую замену тяжелому и крайне опасному труду шахтеров, зато мобильный телефон все упрощают и упрощают. Ужели это такой нелегкий труд – тыкнуть несколько кнопок? Туда ли направлен научный потенциал современной цивилизации? Так ведь, и в сам деле, до матрицы доберемся.

Следующий аргумент, наверное, будет со временем отбит: упорядочение электронной информации в настоящее время оставляет желать очень много лучшего.

Ну скажем, когда журнал (толстый литературный журнал типа «Звезда Востока», например) попадает в Интернет, ситуация принудительного ассортимента заканчивается:

читатель из каждого журнала выбирает только те материалы, которые ему КАЖУТСЯ!!! интересными, а в остальные и не заглядывает. Это ставит журнал под угрозу как концептуальное явление (например, как средство через известных авторов номера привлечь внимание к неизвестным). Чтобы ответить на вызов Интернета, бумажным журналам надо становиться ярче, искать свое лицо.

Те же традиционалисты и подкашивают путь: «Бумажные версии хороши тем, что у них априори качественная разметка/верстка, и тем, что по домашней библиотеке человека можно судить о его интересах».

Кроме того: электронную литературу пишут все поголовно. Как только литературу начинают писать все, литературы становится так много, что ее никто прочесть не в состоянии, проблема выбора, отбора становится просто катастрофичной.

Скажем, темпы, которыми развиваются в сети, так называемые Интернет-энциклопедии, выглядят пугающе. Прежде всего, неясно, кто и как их составляет, кто отвечает за степень достоверности.

Упорядочением электронной информации должны заниматься не только гениальные энтузиасты на общественных началах, а армия профессионалов, которым платят за это достойные деньги. И они, между прочим, должны следить и за тем, чтобы электронную информацию можно было сохранять – она ведь гораздо более хрупкая, чем на бумаге, легко разрушается и очень легко куда-то исчезает. Вполне возможно, что следующий технологический рывок размывает в пыль все предыдущее накопленное.

И вот, как раз, донести до пользователя сети голоса профессионалов, будь то маститые мэтры или юные новаторы, и есть задача «бумажных» журналов. Они и нужны по этой очень простой причине: не будет бумажного журнала, не будет редакции, не будет критериев оценки литературности. Дальше – больше: в капсте бесконтрольно размножающейся сетевой «литературы» бесследно растворятся сколько-нибудь значительные литературные творения.

Аргументация сторонников «электронки» преимущественно утилитарна.

Удобство, мобильность, дешевизна (если только покупать, то есть вероятность, что читать станешь меньше. Не хватит просто никаких денег) и гораздо большая доступность книг и, уж тем паче, периодической печати в электронном формате очевидна.

Читалка это – метро, аэропорт, очередь или пробка (аудиочиталка). «...как бы не любил бумажные книги – с собой их много не унесешь. Одна возможность иметь в кармане целую библиотеку, которая весит граммы, зарулит все остальные соображения, как бумага зарулила папирус, и как цифровая матрица зарулила фотопленку».

Более профессиональный подход к делу: «Возможность что-то найти в Интернете значительно больше, чем в каталоге. Электронные издания позволяют комфортно работать с большим количеством текстов, а не с тремя-пятью печатными книгами, которые можно разложить перед собой на столе. Известно, что, например, филолог тратит до 90 процентов своего времени на поиски информации, на листание каталогов, на выписывание, на переписывание, потом на систематизацию. До 90 процентов! Электронные библиотеки, Интернет способны сократить эту рутинную работу, освобождая время для творческой деятельности».

Но это опять же касается специальной литературы, а отнюдь не художественной, о которой у нас речь.

Есть еще аргумент экологический: «сейчас уже говорят о том, что, возможно, электронная книга в ближайшем будущем заменит «книжную» книгу. Причем говорят люди разные. От юношей, которые не хотят читать книги, довольствуясь Интернетом, до Бориса Акунина, который говорит: зачем переводить лес на бумагу?; «...бумаге осталось жить недолго...».

И аргумент-метафора: «книги – это мертвые татуированные деревья».

Но представляется, потенциальный выигрыш нашей Матери Природы крайне незначителен. В жизнедеятельности человечества есть и куда более дрово-затратные области, чем наши книги.

Проблема в том, что в какой-то момент окажется, что книжку на бумаге выпускать просто невыгодно. И ее не станет.

Возможно, очень скоро мы будем покупать книги в качестве сувениров.

Лет через сто только какой-нибудь рафинированный сноб, возможно, будет читать БУМАЖНУЮ КНИГУ.

Ну, вот и все. И тем не менее, остается нечто невысказанное. Такое ощущение будто добавить-то есть что, подвести какой-то итог.

Мне бы не хотелось быть неправильно понятым. Я никоим образом не против технического прогресса: «мол, и сахар раньше был слаше и соль солонее и книжки бумажнее». И все же! Очевидно ведь, что стопроцентная телефонизация постсовременного челове-

чества нанесла заметный урон живому непосредственному общению. Как не крути, это так.

Проблема возникла, конечно, совсем не в этом веке. В самом начале прошлого, двадцатого века, испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет задал вопрос: «Откуда возникли все эти толпы, захлестнувшие историческое пространство?» И дал ответ: «Массового человека порождают сами условия его существования, созданные великими достижениями предшествующих веков, либерализмом и техникой, и воплотившиеся в общественное образование, называемое современной цивилизацией. Современный человек автоматически наследует достижения прошлого и обходится с наследством бездумно, попусту растранижая и совершенно не восполняя. Исследуя анатомию «массового человека», необходимо подчеркнуть самую существенную из черт, его определяющих – отсутствие творческой активности, вообще творческого начала как такового. Носитель ценностей массовой культуры по определению не способен творить в высшем смысле этого слова, то есть творить новые ценности и новые смыслы. Он лишь потребитель, пусть даже хорошо образованный, профессионально успешный и имеющий высокий социальный статус.

Возвращаясь к проблемам чтения, как одной из базовых составляющих общей культуры, вынуждены констатировать: современный читатель достаточно циничен, хотя можно воспринимать его безэмоциональность и как простую практичность.

Но разве это хорошо?

Современный читатель, по сути, отрицает метафизическую составляющую большой литературы. И таким образом отказывается от одного из важнейших цивилизационных факторов.

Литература, трансформированная в «цифру», перестает быть великой, личной. Она переходит в нечто безличное или, вернее сказать, в безналичное. То есть литература из некой базисной составляющей цивилизации превращается в продукт потребления наравне с любым другим.

Ей отказывают в метафизической сущности. Она собственно исчезает как субъект!

Вот, скажем, есть у вас деньги на карточке, и есть деньги наличные. Ну, казалось бы, какая разница? Платить наличными, «живыми» купюрами, или рассчитываться транзакцией пластиковой карточки. Ан нет – разница есть! Всякий скажет: с карточки деньги утекают значительно стремительней и тратятся как-то удивительно легко. А почему? Да потому, что они виртуальные. Они вроде бы и есть, но их же, собственно говоря, нет. Они эфемерны!

Вот и в книжках электронных есть некоторая безналичность. Некая напрягающая стандартизированность. Или наоборот – чего в них нет: в них нет души. Метафизика конечно, но... не даром же Аристотель одной физикой не ограничился. Понадобилось же ему и метафизику написать...

Нет, я не противник читалок! Я противник вот этого ожесточенного стремления современного потребительского общества к непрерывному упрощению: будут специальные очки для чтения, потом какой-нибудь чип в ухо, наконец, инъекция в мозг, чтоб вставить младенцу в башку всю мировую литературу, да и не париться. Конечно, сильно утрирую. Я к тому, что процесс чтения он должен быть каким-то трудом. И вот как раз в этом контексте меня смущает вектор, который задается гаджетами...

философия искусства

Инна ГОРЛИНА

Балетмейстер, профессор Ташкентской Государственной Высшей школы национального танца и хореографии. Окончила ГИТИС. Автор монографий и многочисленных статей по проблемам балетного искусства, национального танца, вопросам педагогики хореографии. Публиковалась в республиканских и зарубежных журналах и научных сборниках. Автор балетных либретто (3), сценариев на телевидении (5), балетмейстер-постановщик 18-ти спектаклей.

Пушкинские образы в балетном искусстве

*Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет
И быстро ножкой ножку бьет.*

Поэзия Пушкина не раз привлекала внимание балетмейстеров, мастеров танца. Трудно назвать другого автора, по произведениям которого было поставлено столько (26) балетных спектаклей.

Балет – это вид музыкально-театрального искусства, содержание которого выражается в хореографических образах. Балет обладает неограниченными возможностями образного отражения действительности, и в лучших проявлениях он всегда воспекает прекрасное в человеке, призывает к совершенству, воспитывает благородные и добрые чувства, утверждает гуманистические идеалы.

Балет – это драма, написанная музыкой, воплощенная в хореографии, объединяя разные искусства. В лучших образах балетного искусства драматургия и музыка находятся в гармоническом равновесии, и хореография является воплощением их единства. Сценическое воплощение музыкальной драматургии балета состоит, прежде всего, в создании хореографического действия, раскрывающего, а нередко, и обогащающего содержание музыкальных образов. Основой хореографического действия является танец. Танец не дублирует развитие сюжета и музыки, а несет свое собственное пластическое содержание, сливающееся с ними в образное единство.

Что же роднит Пушкина и балетный театр?

Во-первых, сама поэзия Пушкина, поскольку танец – это «немая поэзия». Природа хореографии насковзь поэтическая, она связана с устремленностью к преобразению действительности.

Во-вторых, музыка стиха Пушкина. А танец это – «зримая музыка». Музыка же в изначальном смысле является основой для хореографии, основой хореографического замысла. Еще со времен новаторских реформ начала постепенно выявляться и укрепляться тенденция сближения эстетической природы хореографии и музыки. Музыка приобретала все большее значение в балетном спектакле и оказывала порою решающее влияние на характер и эстетическое содержание хореографического образа.

«При Пушкине балет уже победил классическую комедию и трагедию», – отмечал Белинский. Балетный театр действительно раньше драматического начал освобождаться от суровых правил классицизма, тяготея к естественности чувств и свободному их проявлению.

Поэтические отклики А.С. Пушкина на искусство современного ему балетмейстера Ш.Дидло и известных русских балерин того времени – А.Истоминой, Е. Телешевой, Е. Колосовой свидетельствуют о его большом интересе к искусству балета, понимании им главных особенностей русского танца, в котором виртуозная техника сочетается с одухотворенностью и глубиной чувств. Пушкин испытывал живой интерес к творчеству Дидло: «Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной». «Один из наших романтических писателей, – добавляет Пушкин, имея в виду себя, – находил в них гораздо более поэзии, нежели во всей французской литературе». Пушкин одной только строчкой в своем романе «Евгений Онегин» увековечил Дидло: «Там и Дидло венчался славой...»

Воспевая балерину Истому, Пушкин изобразил ее танец чрезвычайно конкретно, с реалистической точностью деталей, его можно станцевать. Стихотворный портрет балерины, нарисованный в I главе «Евгения Онегина», содержит в себе указания на характер танца и на сочетание в ее танце музыкальности («смычку волшебному послушна») с кантиленой плавностью движений («летит, как пух от уст Эола»). Поэтические фразы: «одной ногой касаясь пола, другою медленно кружит» – наглядно воспроизводят танцевальные движения – *rond de jambe en l'air*, или «то стан совет, то разовьет» – это может быть *port de bras* или *renversee*, «и быстро ножкой ножку бьет» – *battement battu*. Пушкин не дал этих названий танца, но он настолько точно и ярко их описал стихами, что для практиков и теоретиков балета это настоящий клад сведений, который позволяет судить о высоком уровне развития выразительных средств хореографии той эпохи.

Все это еще раз подтверждает, что Пушкин знал, понимал, любил балет. Как он прекрасно понял предназначение русской хореографии:

«Узрю ли русской Терпсихоры,
Душой исполненный полет?»

Так, в дальнейшем для русского балета, именно для русской балетной школы, отличительной чертой, основной характеристикой стала **одухотворенность**.

Первым из балетмейстеров обратился к Пушкинским поэтическим образам **Адам Глушковский**, ученик первого русского балетмейстера Ивана Вальберха и французского балетмейстера Шарля Дидло.

В 1812-1839 гг (27 лет) Глушковский был руководителем балетной школы и главным балетмейстером Большого театра в Москве. Во время Отечественной войны 1812 г. он сохранил балетную школу, вывезенную из Москвы, а по возвращению восстановил и школу, и труппу. А.Глушковский проявил себя как первый теоретик и историк русского балета, а также подготовил московскую балетную труппу к созданию романтического репертуара.

В первой трети XIX в. балетное искусство достигло творческой зрелости, сложилось как национальная школа, для которой стали характерными искренность, правдивость, глубокая содержательность, виртуозная техника танца.

Началом романтической балетной пушкинианы явилась постановка А.Глушковским балета на сюжет Пушкина (музыка Шольца) «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника». В 1821 г. Пушкин находился в политической ссылке, и его имени на афише не было. Указывалось, что «сюжет взят из известной национальной русской сказки: «Руслан и Людмила, с некоторыми прибавлениями». И только через 10 лет (с 1831 года) на афишах стали писать: «Сюжет взят из известной поэмы А.С.Пушкина».

Балет начинался праздником у киевского князя в честь свадьбы Людмилы и Руслана. Черномор уносил Людмилу на черном облаке в окружении фурий. Руслан отправлялся спасать нареченную. Витязь вступал в битву с чудовищами. Наконец, герои соединялись и улетали на крылатой колеснице. Спектакль кончался большим танцевальным дивертисментом и фейерверком. Роль Руслана исполнял сам балетмейстер.

Сюжет был изменен в духе русских сказочных опер. Из него были убраны некоторые действующие лица, введены другие. В то же время Глушковский сохранил главную мысль поэмы – верность любви и долгу, готовность к подвигам. Эффектное феерическое зрелище жило на московской сцене 10 лет, а в 1824 г. было перенесено на петербургскую сцену балетмейстеры Ш.Дидло и О.Пуаро (по А.П. Глушковскому).

Обращение балетмейстера А.Глушковского к Пушкину, создание свободолобивых образов поэзии русского романтизма, развитие на русской национальной почве эстети-

ческого опыта Дидло, воспитание и подготовка молодых кадров – все это имело прогрессивное значение для балетного театра той эпохи.

Вторым балетом на сюжет Пушкина был «Кавказский пленник, или тень невесты», поставленный Ш.Дидло в Петербурге в Большом Каменном театре в 1823 г. (композитор – К.А.Кавос). Дидло увлекся поэма Пушкина, особенно образ Черкешенки, ее самоотверженная любовь. Остальное подверглось коренному изменению. Действие перенесли в неопределенные «древние времена». Сюжет утратил трагическую развязку: пленнику являлось видение умирающей невесты, которая благословляла его на брак с Черкешенкой. И все же, по отзывам современников, в «Кавказском пленнике» Дидло ощущался живописный колорит горного аула, воинственные порядки горцев, страстный и гордый характер Черкешенки.

Для творчества Дидло этого периода характерно было то, что образность в его балетах приобретала психологическую углубленность и драматизм. От исполнителей требовалась глубокая и разнообразная мимическая выразительность. Роль Черкешенки исполняла А.Истомина, эта роль стала лучшей в ее обширном репертуаре.

Пушкин, изгнанный тогда из Петербурга в Кишинев, живо интересовался спектаклем, он просил брата: «Пиши мне о Дидло, о Черкешенке Истоминой, за которой я когда-то волевался, подобно Кавказскому пленнику».

Но спектакль в целом, и прежде всего, сценарная основа и музыка были чрезвычайно далеки от литературного подлинника.

В 1831 г. в Москве Глушковский осуществил постановку одноактного балета на пушкинскую тему «Черная шаль, или наказанная неверность». Здесь были турецкие, сербские, молдавские, арабские, валахские и цыганские пляски. Была попытка балетмейстера очеловечить танцевальные образы, внести в них живые земные страсти и, если не историческую, то национальную конкретность.

И в дальнейшем тоже были неоднократные обращения к пушкинским произведениям: «Бахчисарайский фонтан» – 1854 г., Е.Андреевна; «Золотая рыбка» – 1867 г., А.Сен-Леон; «Волшебное зеркало» – 1903 г., М.Петипа; «Египетские ночи» (Клеопатра) – 1908 г., М.Фокин; «Золотой петушок» (опера-балет) – 1914 г., М.Фокин; танцы в операх «Руслан и Людмила» – 1917 г. М.Фокин и «Сказка о царе Салтане» – 1929 г. Б. Нижинская.

Но проблема балетной интерпретации Пушкина не была решена в русском хореографическом театре той поры, так как для этого еще не было реальных предпосылок.

Началом современной хореографической «пушкинианы» явилась постановка Р.Захаровым балета «Бахчисарайский фонтан» в 1934 г. на сцене театра им. Кирова в Ленинграде (композитор Б.Асафьев, либреттист Н.Волков).

«Пушкин через сто лет после своей смерти оказал сильнейшее влияние на судьбу современного балета и на формирование самой профессии балетмейстера. Такова неумирающая сила гения» (Р.Захаров).

«Бахчисарайский фонтан» стал подлинным событием театральной культуры. Прежде всего, он знаменовал утверждение большой позитивной идеи, выраженной средствами балетного театра. Тезис Белинского, раскрывающий содержание пушкинской поэмы – «перерождение (если не просветление) дикой души через высокое чувство любви. Мысль великая и глубокая!» – был положен в основу хореографического замысла. Это открывало балетному театру путь к глубокой философски значимой проблематике.

Проблемарежиссуры, поставленная в балетном театре Р.Захаровым в «Бахчисарайском фонтане», сама по себе была тем ключом, без которого в художественной практике балета немисливо было бы осознанное и убедительно сценическое прочтение Пушкина.

Другой существенной чертой принципиального значения была утверждаемая в спектакле система образной трактовки танца. Это преобразовывало смысловую устремленность танца, не отрываемого в то же время балетмейстером от основных корней хореографической классики.

Надо отметить, что музыкально-хореографическое повествование дано через призму эпохи Пушкина, Глинки и Мишкевича. Оно обращено в своеобразную «Пушкиниану», расширяющую рамки сюжета.

Первыми исполнителями были: Мария – Г.Уланова, Зарема – О.Иордан, Гирей – М.Дудко, Вацлав – К.Сергеев.

Г.Уланова писала в своей статье «Школа балерины» о работе над образом Марии: «Постановщик Р.В.Захаров и мы, исполнители, в работе над «Бахчисарайским фонтаном» старались найти правду человеческих отношений, без которой немисливо раскрытие пушкинского замысла, невозможно воссоздание чудесных образов поэта.

...Я люблю свою партию в «Бахчисарайском фонтане» за то, что поэзия Пушкина наша свое выражение в музыке и танце, создавших тонкий и волнующий спектакль».

А вот как отзывался в своей статье выдающийся музыкальный и театральный критик

И.И.Соллертинский: «Главное положительное качество «Бахчисарайского фонтана» в том, что он воскрешает традицию «действенных балетов», идущую от прославленного реформатора хореографии XVIII в. Новерра к Фокину. Поэтому и от артистов балета в «Бахчисарайском фонтане» требуется не изощренная техника антраша и пируэтов, но предельная сценическая выразительность. ...А Захаров как раз успешно справляется с самым трудным – с компоновкой танцевальной драмы: танец у него всегда «в образе»... Мария, Вацлав, Зарема – это не просто балетные партии, но настоящие танцевальные образы... В «Бахчисарайском фонтане» есть серьезная балетмейстерская мысль, есть тяготеющее к катастрофе живое драматическое действие, есть подлинные танцевальные образы.

Балет Р. Захарова «Бахчисарайский фонтан» оказался не только первым, настоящему пушкинским балетом в истории мировой хореографии, но и подлинно новаторским. Именно Пушкин и его творчество дали балетному театру действенные стимулы и сюжетно-образный материал для осуществления этого.

Хореографическую «пушкиниану» составили, в первую очередь, балеты Захарова – «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Барышня-крестьянка» на музыку Б.Асафьева и «Медный всадник» на музыку Р.Глиэра. В этих балетах прослеживалось настойчивое стремление авторов открыть новые, сильные, выразительные средства для пластического воплощения общих всякому большому искусству тем и образов всечеловеческой значимости.

В заключение хочется отметить, что от соприкосновения с гениальными произведениями А.С.Пушкина балетное искусство получило осознание предназначения русской хореографии; большие, глубокие темы; идейную значительность и психологическую глубину в создании хореографических образов; интерес к русской литературе западноевропейского балетного театра («Пиковая дама» – С.Лифарь, Р.Пти, «Онегин» – Дж.Кранко); жанровое многообразие: хореографическая поэма – «Бахчисарайский фонтан»; социально-романтическая повесть – «Кавказский пленник»; лирико-комедийный балет – «Барышня-крестьянка»; историческая повесть – «Медный всадник».

Пушкинское творчество повлияло на формирование эстетических принципов балетного театра: создание единой музыкально-хореографической драматургии; углубление национальной, исторической и социальной достоверности образов и событий; наполнение классического танца образным содержанием; внедрение в классику характерного танца; расширение границ национального хореографического языка (Россия, Польша, Кавказ, Крым, Испания, Египет; сербские, турецкие, молдавские, цыганские танцы и т.д.);

К пушкинскому наследию обращаются и современные балетмейстеры, находя в нем новые импульсы для творческого развития и совершенствования: балет «Капитанская дочка» на музыку Т.Хренникова поставлен на сцене Омского музыкального театра (1999 г.) и на сцене Кремлевского театра в Москве (2000 г.).

Балеты по произведениям А.С.Пушкина живут и на узбекской сцене: «Бахчисарайский фонтан» – 1945 г., П.Иоркин; возобновлен в 1948 и 1951 г.г.; «Бахчисарайский фонтан» – 1961 г., М.Сатуновский; «Бахчисарайский фонтан» – Г.Измайлова; «Медный всадник» – 1951 г., хореография Р.Захарова, балетмейстер-постановщик. И.Смирнов; «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» – 1969 г. А.Андреев.

философия искусства

**Наталья
ХАШИМОВА**

*Родилась в 1950 г.
Театровед, окончила
Ташкентский
театрально-
художественный
институт им.
М. Уйгура. Сценарист
и режиссёр
документальных
программ на радио и
телевидении.*

Театр – это люди, судьбы... ЭТО ЖИЗНЬ

Свою жизнь Ташкентский Государственный театр музыкальной комедии (оперетты) начал с августа 1972 года, когда было вынесено решение правительства Республики Узбекистан.

Костяк творческой труппы составили выпускники Московского музыкального училища имени Гнесиных (курс профессора А.И. Гинзбурга) и творческих ВУЗов Узбекистана.

Свой день рождения театр отпраздновал 4 августа 1973 года опереттой «Веселая вдова» И.Штрауса в постановке А.Гинзбурга. В 1974 году театр получил собственное здание и занял полноценной насыщенной жизнью, блистая разнообразием репертуарной палитры, великолепием актерских талантов, красотой музыки, богатством и оригинальностью режиссерских решений, яркостью мизансцен и художественных находок. Именно Ташкентскому театру оперетты принадлежит честь создания первой узбекской оперетты «Ходжа Насреддин», сочетающей красоту узбекских мелодий и современных ритмов (композитор Э.Салихов).

В репертуаре театра можно выделить несколько основных аспектов: классическая оперетта, так называемый золотой фонд, неизменно пользующийся зрительским успехом («Сильва», «Баядера», «Принцесса цирка» – И.Кальман, «Летучая мышь», «Цыганский барон» – И.Штраус, «Веселая вдова» – Ф.Легар, «Аршин мал алан» – У.Гаджибеков и многие другие), оригинальные произведения узбекских авторов («Ходжа Насреддин» – композитор Э.Салихов, «Крошка» – композитор А.Эргашев, «Тетя, я женюсь» – композитор А.Икрамов, пьеса В.Баграмова «Эхо любви» – композитор С.Абсаямов, пьеса В.Вавиловой «Двадцатилетние.uz» – композитор У.Салихов и др.); лучшие произведения современной оперетты стран СНГ («Цирк зажигает огни» Ю.Милютин, «Любовный вертеп» Д.Ильина и В.Лукашова, «Украденная невеста» Г.Канчели и др.); музыкально-драматические спектакли для детей на русском и узбекском языках («Обыкновенная горошина» – А.Канаки, «Волшебная хурма» – У.Салихов, «Тюбетейка 3 Д» – В.Баграмов, «Бременские музыканты» – Г.Гладков, «Мамат гончар» – А.Икрамов и др.), а также спектакли-концерты, мюзиклы и бенефисы.

Необычность, праздничная эффектность каждого спектакля обусловлены самой сутью оперетты – синтеза вокально-актерского мастерства, сценического движения, танцев, характерной игры, гиперболизированных отношений, необычайной пластики движений, декламацией, полиэлементной комбинацией действия.

Особый интерес и ценность представляют концерты, когда взрослый зритель имеет возможность увидеть и услышать многочисленные фрагменты из оперетт, комедийные сцены, любимые песни и танцы, и детские спектакли, сказочные представления, требующие от актера полной самоотдачи. Во всем этом красочном, многоаспектном и ответственном действе не просто принимает участие, а активно творчески задействована многопла-

новая актриса, стоящая у истоков становления театра, немало сделавшая для достижения театром устойчивого успеха Народная артистка Узбекистана, Заслуженная артистка Украины Зинаида Ивановна Соловей, в апреле отметившая свой славный юбилей.

Это актриса не только исполняющая роли и арии в многочисленных спектаклях, но и активно воспитывающая учеников, молодежь, которую творчески направляет, консультирует и поддерживает. Актриса только появилась, движется по сцене, еще не начала петь и говорить, а уже раздаются аплодисменты. Конечно, постоянным зрителям она известна; но аплодируют все, многие даже встают! Это – радиация актерского обаяния, исключительной одаренности, особой харизмы.

Страницы творческой жизни З.Соловей – пример актерской судьбы неразрывно связанной с театром, наша отправная точка в поиске секретов актерского обаяния. Немного истории... Музыкальные гены актриса получила по наследству, она из поющей многодетной семьи. Брат Вячеслав Соловей сегодня известный вокалист, ему достался бас, а Зина родилась с особым устройством голоса – это красивое тембра сопрано, которое она развивает всю свою творческую жизнь. Природные данные – еще не все, нужен постоянный труд – это ее первая и основная установка. Пластичность и свободу движений приобрела актриса, занимаясь в секции гимнастики. Природное дарование девушки шлифовалось высокопрофессиональными мастерами-преподавателями, сначала – вокального отделения Черновицкого культпросвет техникума, затем – Львовской и Киевской консерваторий. Далее молодая певица одновременно проходит конкурсы в Одесский театр оперетты и Театр оперы и балета и начинает свой путь с оперного Одесского театра. Первая ее роль – Маргарита в «Фаусте» Шарля Гуно – была создана именно в Одессе. Творческая география обширна – Хабаровский, Красноярский театры оперы и балета, затем Омский театр оперетты, а в результате гастрольной поездки в Узбекистан – окончательный выбор – Ташкентский театр оперетты, здесь и сегодня она продолжает создавать уникальные сценические образы. Именно Узбекистан становится ее второй родиной, а Ташкентский театр оперетты – местом формирования и проявления ее незаурядного таланта, синтезировавшего музыкальную культуру трех народов: украинского, русского и узбекского. В перечне ее ролей нет ни одного творческого повтора, эмоциональный фон всегда новый, стилистика образов – собственная, оригинальная. Актриса находится в постоянном поиске и обновлении, исполняя ведущие партии в произведениях Кальмана, Легара, Штрауса. Ее Маргарита, Сильва, Баядера, Одетта (более 70 спектаклей). Это серия неповторимых ярких женских образов. Работа актера в театре оперетты необычайно сложна – голос должен быть четко слышен как в первом ряду, так и в двадцатом, мимика – выразительной, жест – более подчеркнутым, в спектакле необходимо напряжение всех сил и актерских возможностей, чтоб не только перевоплотиться, воссоздавая авторский замысел, но и соответствовать запросам времени, а значит, и зрителя. Таким образом, спектакль проходит в тесном взаимодействии и взаимопроникновении «актер-зритель». И здесь актриса вводит свои оригинальные жесты, неологизмы, лексические находки, оранжировки, которые оживляют спектакль, приближают к сегодняшнему дню. Под изысканными, продуманными и немного кокетливыми шляпками ее героинь – серьезный творческий актерский мозг, который «просчитывает»: как собраться, сосредоточиться, спланировать каждое движение – целая программа входа в образ, проявления собственной индивидуальности, совмещенной с задачей автора и режиссера. Вся творческая жизнь – это работа над собой, как в спорте, когда форма сохраняется благодаря постоянным тренировкам. В трактовке образа актриса начинает с анализа авторского замысла произведения, тщательно изучает не только свою роль (это естественно), но и тексты своих партнеров, и это обстоятельство, которым иногда многие актеры пренебрегают, позволяет органично вписываться во всю художественную структуру, ее участие «поднимает» весь спектакль. Еще одно важное обстоятельство – одежда, к которой Зинаида Соловей особенно внимательна не только как женщина, но и как актриса-профессионал. Ее сценические костюмы соответствуют стилю эпохи и в то же время по-современному элегантно, каждая деталь продумана, умело наложенный грим подчеркивает индивидуальные особенности лица, актриса способна создать гармоничный яркий образ, усиливающий эмоциональный фон постановки (Сильва из оперетты «Сильва»). В пору золотого сечения возраста актрисе близким становится драматический жанр, позволяющий полно воплотить ее жизненную философию, жизненный опыт, ее понимание людей и жизненных ценностей. В пьесе Дж. Патрика «Дорогая моя Памела» в роли Памелы З.Соловей удается подчеркнуть общематеринское начало ее героини, четко осознающей царящий обман и хищную природу окружающих, но прощающую все, как прощает мать своим детям. Вера в добро, в лучшее в человеке – истоки доброго в мире, искры доброты разгораются, и люди меняются, становятся лучше, добрее, терпимее...

Своеобразны и глубоко ее роли в «Свадьбе Кречинского» А.Колкера, роль Атуевой в «Цилиндре» Эдуардо де Филино, роль Беттины.

Продолжением духовной жизни актрисы, позволяющим, как известно, в каждой ментальности выявить лучшее, является ее общественная работа. Она переводит на украинский язык «Соловей, лишенный розы» Алишера Навои и читает эти стихи со сцены, буквально «зажигая» зал, на вечере памяти украинской поэтессы Леси Украинки поет романс на ее стихи и музыку собственного сочинения, воссоздавая тонкую эстетическую поэтику стиха. Ее музыкальный цикл, подготовленный к юбилею Тараса Шевченко, открыл новые грани творчества украинского классика.

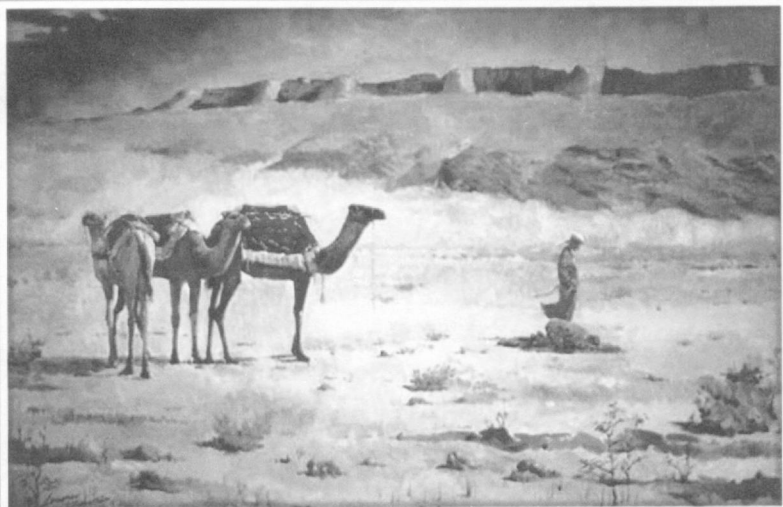
Люди талантливые, сосредоточенные на творчестве, бывают легко ранимы и беззащитны в быту. Усталость после непростого и нелегкого труда, душевная опустошенность

умело заполняются актрисой другим творческим пристрастием – она вышивает. Художественная вышивка – и в период отдыха, и в минуты трудностей – все уравнивает, и в результате появляются эксклюзивно расшитые рушники, вышитые ею фрагменты к костюмам, в которых она выступает на концертах. Отвлекает и увлекает и другой вид деятельности – приготовление особых блюд и кулинария. «Вкусное» искусство Зинаиды Соловей высоко оценивают друзья и коллеги.

Особо трепетно относится актриса к благотворительности: концерты и подарки для детей, воспитывающихся в домах «Меҳрибонлик»; радость общения с ними. Радовать, приятно удивлять – ее основная жизненная установка.

Итак, основные составляющие актерской индивидуальности Зинаиды Соловей, много лет проработавшей в Ташкентском театре оперетты, характеризуют не только этого замечательного мастера, но и ее театр: особое изучение сценического материала и оригинальная эстетика его воплощения, свой стиль движения, голоса, общения; внимание к внутреннему и внешнему облику создаваемых образов, четкая жизненная позиция, наставничество, активное включение в культурную жизнь республики, популяризация богатого культурно-исторического наследия узбекского народного зрелищного искусства, мастерство пения, жеста, декламации, многосоставная актерская харизма – воссоздан великолепный, веселый, иногда слегка ироничный мир, где поют, танцуют, блещут, дарят хорошее настроение, радуют детей и взрослых, с юмором говорят о серьезных нравственных проблемах. Красивые голоса, удачная комбинация «живой» музыки, пения и компьютерных технологий, яркие танцы, поле радиации таланта, вдохновения, блеска, искусства... – это и есть люди, судьбы, жизнь театра.

З.Аскарров. У старой крепости.

Павел Кичко. Меланхолия.

В.Гамбаров. Восточная сказка.

Продолжается подписка на 2014 год
Наш индекс — 831.

В свободную продажу журнал
не поступает, распространяется по подписке.
В розницу журнал можно приобрести только в редакции.